

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 76
№ 8 (201) 2023
АВГУСТ

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

Разлучение родителей
и детей в аспекте реализации
права на воспитание

Физическое лицо —
иностранный агент:
правовое регулирование

Государственная идеология
как обязательный признак
конституционного
государства

Психологический аспект
правового воздействия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

ИСАЕВ Игорь Андреевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

МОРОЗОВ Андрей Витальевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СТАРИЛОВ Юрий Николаевич — доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административно-процессуального права Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович — кандидат юридических наук, профессор, заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерал-полковник, главный редактор журнала «Наркоконтроль», г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингенский университет

ХЕЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

ЯРКОВ Владимир Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГРОМОШИНА Наталья Андреевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОМАРОВА Валентина Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA
Научный юридический журнал

Том 76
№ 8 (201)
август 2023

государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки.
- 5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru
<https://lexrussica.msal.ru>

САЙТ

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 10.08.2023
Объем 18,25 усл. печ. л. (15,02 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Igor A. ISAEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Andrey V. MOROZOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law, Informatics and

Mathematics of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Yuriy N. STARILOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Procedural Law of the Voronezh State University, Voronezh, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Aleksandr V. FEDOROV — Cand. Sci. (Law), Professor, Vice-Chairman of the Investigation Committee of the Russian Federation, Colonel General, Editor-in-Chief of the Journal «Drug Enforcement» (Narcocontrol), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Vladimir V. YARKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Natalia A. GROMOSHINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Valentina V. KOMAROVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Nikita L. LYUTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 76
№ 8 (201)
August 2023

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

10.08.2023
Volume: 18,25 conventional printer’s sheets (15,02 author’s sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich’s, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / JUS PRIVATUM

- Очкуренко С. В., Ротань В. Г.** Понятие и виды ответственности в гражданском праве России 9
- Косова О. Ю.** Разлучение родителей и детей в аспекте реализации права на воспитание 22
- Хамидуллина Ф. И., Галимов А. Ш.** Преимственность в интерпретациях правоотношений по неосновательному обогащению 33
- Гончарова В. А.** Компенсация морального вреда потерпевшим от преступлений в контексте противоречий высших судов 42
- Якушева Е. Е.** Принцип эстоппеля в гражданском праве как механизм предотвращения противоречивого поведения 52

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / JUS PUBLICUM

- Долгиев М. М., Долгиева М. М.** Физическое лицо — иностранный агент: правовое регулирование 67

КИБЕРПРОСТРАНСТВО / CYBERSPACE

- Нигметзянов А. А.** Правовые основы цифровизации контроля граждан за деятельностью органов публичной власти 77

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА / PRO ET CONTRA

- Берг Л. Н.** Психологический аспект правового воздействия 88
- Корнев А. В.** Русская классическая литература в поиске гармонии между нравственностью и правом 99

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / COMPARATIVE STUDIES

- Шаосюе Цзя.** Реализация закона КНР «О высшем образовании» в Китае: достижения, проблемы и пути решения 109

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ / PROBLEMA PRINCIPALE

- Кротов А. В.** Государственная идеология как обязательный признак конституционного государства 123

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА / PHILOSOPHIA LEX

- Гаврилов С. Н.** «Гёделево неразрешимое предложение» и проблематика машиночитаемого права 133

ЮБИЛЕЙ / LIBER AMICORUM

- Малинова А. Г.** Личность, интересы, «правила вместо законов»: точка зрения молодого профессора законоведения (к 200-летию со дня рождения великого русского педагога К. Д. Ушинского) 147

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Ochkurenko S. V., Rotan V. G.** The Concept and Types of Liability in Russian Civil Law 9
- Kosova O. Yu.** Separation of Parents and Children in the Context of Realization of the Right to Education 22
- Khamidullina F. I., Galimov A. Sh.** Continuity in the Interpretations of Legal Relationships
in the Case of Unjustified Enrichment 33
- Goncharova V. A.** Moral Damage Compensation to Victims of Crimes
in the Context of Contradictions Existing between Higher Courts 42
- Yakusheva E. E.** The Principle of Estoppel in Civil Law
as a Mechanism for Preventing Contradictory Behavior 52

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Dolgiev M. M., Dolgieva M. M.** An Individual as a Foreign Agent: The Legal Regulation 67

CYBERSPACE / CYBERSPACE

- Nigmatzyanov A. A.** Legal Foundations of Digitalization
of Citizens' Control over the Activities of Public Authorities 77

DISCUSSION FORUM / PRO ET CONTRA

- Berg L. N.** Psychological Aspect of Legal Impact 88
- Kornev A. V.** Russian Classical Literature
in Search of Harmony between Morality and Law 99

COMPARATIVE LEGAL STUDIES / COMPARATIVE STUDIES

- Shaoxue Jia.** Implementation of the Law of the People's Republic of China
«On Higher Education» in China: Achievements, Problems and Solutions 109

FUNDAMENTAL CHALLENGES OF LEGAL SCIENCE / PROBLEMA PRINCIPALE

- Krotov A. V.** State Ideology as a Mandatory Feature of the Constitutional State 123

PHILOSOPHY OF LAW / PHILOSOPHIA LEX

- Gavrilov S. N.** «Godel's Undecidable Proposition» and the Problems of Machine Readable Law 133

ANNIVERSARIES / LIBER AMICORUM

- Malinova A. G.** Personality, Interests, «Rules instead of Laws»: Standpoint of a Young Professor
of Jurisprudence (To the 200th Anniversary of the Great Russian Educator K. D. Ushinsky) 147

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.009-021

С. В. Очкуренко*,
В. Г. Ротань**

Понятие и виды ответственности в гражданском праве России

Аннотация. В статье излагаются результаты исследования понятия ответственности по гражданскому праву России — как оно получило отражение в действующем законодательстве Российской Федерации. Авторы исходят из того, что конструктивным является такой подход к исследованию гражданско-правовых явлений, в том числе и ответственности, при котором соответствующие явления исследуются сначала в аспекте *de lege lata*, а затем — в аспекте *de lege ferenda*. Исследование в аспекте *de lege lata* предполагает прежде всего выявление понимания законодателем содержания категории ответственности по гражданскому праву, которое (понимание) выражено в действующем гражданском законодательстве. Подчеркивается, что интерпретация ответственности в аспекте *de lege lata* может быть использована при толковании и применении действующего законодательства. Выраженное в законодательстве понимание ответственности должно преимущественно использоваться при правотолковании перед познаваемой глубоко теоретически сущностью ответственности по гражданскому праву, а теоретическая сущность ответственности должна учитываться при внесении изменений и дополнений в действующее законодательство. В статье критически оценивается тенденция к нагромождению мер ответственности путем введения таких новых видов ответственности, как справедливая компенсация (ст. 65.2 ГК РФ) и компенсация ущерба (ст. 16.1 ГК РФ). Критике подвергаются попытки судебной ветви власти собственной практикой (а не через законодательный процесс) легализовать такой вид ответственности, как компенсация за причинение юридическим лицам репутационного вреда. Авторы приходят к выводу о возможности разграничения мер ответственности и других способов гражданско-правового воздействия, предусмотренных действующим законодательством Российской Федерации, что не исключает необходимости его дальнейшего совершенствования как в части разработки общих положений, так и применительно к регулированию отдельных мер гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность; санкция; гражданское право; гражданское законодательство; убытки; вред; ущерб; возмещение; компенсация.

Для цитирования: Очкуренко С. В., Ротань В. Г. Понятие и виды ответственности в гражданском праве России // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 8. — С. 9–21. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.009-021.

© Очкуренко С. В., Ротань В. Г., 2023

* Очкуренко Сергей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой финансового и банковского права Юридического института Севастопольского государственного университета (СевГУ)

Университетская ул., д. 33, г. Севастополь, Россия, 299053
svochkurenko@mail.sevsu.ru

** Ротань Владимир Гаврилович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Юридического института Севастопольского государственного университета (СевГУ)
Университетская ул., д. 33, г. Севастополь, Россия, 299053
vgrotan@mail.sevsu.ru

The Concept and Types of Liability in Russian Civil Law

Sergey V. Ochurenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Financial and Banking Law, Law Institute, Sevastopol State University (SevSU)
ul. Universitetskaya, d. 33, Sevastopol, Russia, 299053
svochkurenko@mail.sevsu.ru

Vladimir G. Rotan, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil Law and Procedure, Law Institute, Sevastopol State University (SevSU)
ul. Universitetskaya, d. 33, Sevastopol, Russia, 299053
vgrotan@mail.sevsu.ru

Abstract. The paper describes the results of the study of the concept of liability under the civil law of Russia as it is reflected in the current legislation of the Russian Federation. The authors proceed from the fact that such an approach to the study of civil law phenomena, including liability, is constructive, since the phenomena under examination are investigated first in the context of *de lege lata*, and then in the context of *de lege ferenda*. Research in the aspect of *de lege lata* involves identification of the legislator's understanding of the content of the category of liability under civil law that is expressed in the current civil legislation. It is emphasized that the interpretation of liability in the aspect of *de lege lata* can be used in the interpretation and application of current legislation. The understanding of liability expressed in the legislation should be mainly used in the interpretation of the truth before the purely theoretically cognizable essence of responsibility under civil law, and the theoretical essence of responsibility should be taken into account when making amendments and additions to the current legislation. The paper critically assesses the tendency to cumulate liability measures by introducing such new types of liability as fair compensation (Article 65.2 of the Civil Code of the Russian Federation) and compensation for damage (Article 16.1 of the Civil Code of the Russian Federation). The authors criticize the attempts of the judiciary to legalize such a type of liability as compensation for causing reputational damage to legal entities through its own practice (and not through the legislative process). The authors conclude that it is possible to distinguish between liability measures and other civil law methods provided for by the current legislation of the Russian Federation, which does not exclude the need for its further improvement both in terms of the development of general provisions and in relation to the regulation of individual civil liability measures.

Keywords: civil liability; sanction; civil law; civil legislation; losses; harm; damage; compensation.

Cite as: Ochurenko SV, Rotan VG. Ponyatie i vidy otvetstvennosti v grazhdanskom prave Rossii [The Concept and Types of Liability in Russian Civil Law]. *Lex russica*. 2023;76(8):9-21. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.009-021. (In Russ., abstract in Eng.).

Проблема ответственности по гражданскому праву пользуется вниманием ученых. Законодатель также широко использует термин «ответственность» (в названии гл. 25 Гражданского кодекса и в целом ряде статей, включенных в эту главу, в гл. 59 ГК РФ, в других главах этого кодекса, а также в других законодательных актах). Тем не менее законодательное определение понятия ответственности по гражданскому праву отсутствует. При таких условиях в науке поиск значения термина «ответственность по гражданскому праву» и разработка определения соответствующего понятия ведутся исходя из сущности явления, обозначаемого указанным термином, а законодательные положения используются преимущественно в иллю-

стративных целях. Под эту действительность подводится методологическая база. Даже при университетском изучении дисциплины гражданского права предполагается сосредоточиться на гражданско-правовых категориях и методах оперирования ими, «но безотносительно к содержанию законодательства, а в том виде, как они сконструированы юридической наукой»¹. Представляется целесообразным исследование гражданско-правовой ответственности начинать с законодательства, а затем переходить к поиску сущности соответствующего явления и возможностей ее закрепления в законодательстве через внесение в него изменений, направленных на более полное воплощение в гражданском законодательстве этой сущности.

¹ См.: Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Введение в гражданское право. М. : Юрайт, 2011. С. 103.

Поскольку такой подход к исследованию ответственности по гражданскому праву до сих пор не осуществлялся, тема настоящей статьи должна быть признана актуальной.

К исследованию ответственности по гражданскому праву в разное время обращались М. М. Агарков, Б. С. Антимонов, О. С. Иоффе, В. П. Грибанов, Е. А. Флейшиц, О. А. Красавчиков, Г. К. Матвеев, В. А. Тархов, В. А. Хохлов, В. А. Белов и другие ученые.

Целью статьи является разработка научных положений, которые могли бы приблизить понятие ответственности по гражданскому праву к действующему гражданскому законодательству и стать методологической основой для правоприменения.

Каждый ученый, в том числе и ученый-юрист, свободен в выборе предмета и методов исследования. Но ученый-юрист при таком выборе находится в несколько специфическом положении. Он должен четко определить аспекты своего исследования, имея в виду, что в большинстве случаев правовые, в частности гражданско-правовые, явления могут исследоваться в аспектах *de lege lata* или *de lege ferenda*, в историческом, сравнительно-правовом аспекте или комплексно. При этом особенно важно разграничить первые два аспекта. Между тем такая традиция в науке не сложилась.

Докторская диссертация О. С. Иоффе «Ответственность по советскому гражданскому праву» стала первым в науке советского гражданского права крупным исследованием гражданско-правовой ответственности. И когда уже в начале этой работы О. С. Иоффе как на первый признак такой ответственности указал на то, что «она является санкцией за нарушение гражданских законов»², это воспринималось как серьезная попытка исследовать прежде всего эти самые санкции, установленные действовавшим в то время советским гражданским законодательством, условия применения этих санкций (как общие, так и касающиеся отдельных видов санкций). Такое направление исследования соответствовало бы назначению науки гражданского права и означало бы, что ученый решил сначала через исследование установлен-

ных законодательством санкций определить содержание понятия гражданско-правовой ответственности *de lege lata*, затем исследовать это содержание и, наконец, обосновать пути совершенствования норм гражданского законодательства, устанавливающих ответственность за его нарушение. Но системное исследование санкций, установленных гражданским законодательством, в планы О. С. Иоффе не входило. Он стремился познать сущность исследуемого явления, а потому вслед за мимолетным упоминанием санкции как характеризующей ответственность О. С. Иоффе указывает на то, что в основе ответственности лежит общественное осуждение поведения правонарушителя, а при отсутствии оснований для осуждения — стимулирование его к определенной деятельности в интересах общества³. Возможно, при социализме всё так и было, поскольку вождь сказал, что «мы ничего “частного” не признаем, для нас всё в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»⁴. Но все-таки гражданское право, если искать сущность вещей, — это право частное, а потому благоразумно было бы, если бы общество не спешило осуждать нарушение субъективного частного права, оставив за собой право осуждать правонарушения, имеющие публичное значение. В любом случае указание на то, что ответственность является санкцией, нацеливает на конструктивное исследование проблемы, а признание общественного осуждения правонарушителя признаком гражданско-правовой ответственности никак нельзя оценить как плодотворное. Это, скорее всего, демонстрация лояльности по отношению к официальной, господствовавшей тогда идеологии.

В. А. Хохлов исследовал ответственность за нарушение договора в своей докторской диссертации более чем через 40 лет после О. С. Иоффе⁵. Но традиции советской науки гражданского права продолжают тяготеть над постсоветской наукой. Поэтому В. А. Хохлов, вместо того чтобы усилить намек О. С. Иоффе на нормативный характер гражданско-правовой ответственности, пришел к выводу о том, что нормативный подход не позволяет рас-

² Иоффе О. С. Избранные труды : в 4 т. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. Т. 1 : Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 206.

³ Иоффе О. С. Указ. соч. С. 206–207.

⁴ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М. : Изд-во полит. литературы, 1970. Т. 44. С. 398.

⁵ Хохлов В. А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договоров : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1998. 349 с.

крыть «сущность самой ответственности»⁶; в центр внимания он ставит норму права и ее структуру, а ответственности отводит служебную роль⁷. Поэтому В. А. Хохлов пишет: «Нормативный подход при всей его привлекательности для выработки универсального понятия юридической ответственности никогда не встречал особой поддержки в цивилистической науке»⁸. Это подтверждает, например, Н. Н. Черногор: «...Многие ключевые вопросы теории ответственности всё более запутываются, особенно в связи с укоренившимся обыкновением в теоретических исследованиях черпать аргументы в действующем законодательстве, которое в настоящее время весьма нестабильно и далеко от совершенства»⁹. Полагаем, что нормативный подход в российской цивилистической науке никогда не господствовал в силу сложившейся и господствующей в настоящее время традиции. Возможно, эта традиция зародилась еще в XIX в., о чем пишет В. А. Белов: «...Истоки образования практически всех русских цивилистов (за самыми незначительными исключениями) находятся (в конечном счете) в германских и австрийских университетских центрах... Естественно, что по возвращении оттуда в родные пенаты новоиспеченные отечественные цивилисты предлагали вниманию своих учащихся не столько институты и конструкции, которые существовали и развивались на русской почве, сколько те, что им преподнесли их германские учителя»¹⁰. И далее: «Из... пособий по гражданскому и торговому праву на материалах собственно русского права написаны, пожалуй, только курсы А. Х. Гольмстена, К. Д. Кавелина, С. В. Пахмана и К. П. Победоносцева. Все остальные учебники и курсы, в том числе Д. И. Мейера и Г. Ф. Шершеневича, освещают не столько действующее русское, сколько современное им германское гражданское право. Ссылки на законы гражданские — едва ли не единственное, что в них есть от русского права»¹¹.

В условиях, когда понятие гражданско-правовой ответственности законодатель не опре-

деляет, оправданной должна быть признана попытка путем анализа содержания соответствующих законодательных положений выяснить, какое же значение придает законодатель термину «ответственность» в Гражданском кодексе и других актах гражданского законодательства. При этом должно быть отвергнуто утверждение В. А. Хохлова о том, что «слово “ответственность” является для русского языка новым, его значение не устоялось и включать его в юридический аспект (словарь, оборот, обиход) следует по крайней мере осторожно»¹². Но такое «включение», если говорить о гражданском праве, состоялось при осуществлении рекодификации гражданского законодательства еще в первой половине 60-х гг. прошлого века. После этого юристам-цивилистам осталось только одно: понять законодателя и на основании гражданского законодательства выработать единообразное, пригодное для целей правоприменения понимание этой одной из центральных цивилистических категорий. Так, если в ст. 401 ГК РФ речь идет об основаниях ответственности за нарушение обязательств, то юрист должен дать ответ на вопрос о том, какие же меры применяются при наличии этих оснований, а не рассуждать о том, что значение термина «ответственность» не устоялось. Это не исключает теоретических разработок, направленных на поиски более рационального, чем это отражено в действующем законодательстве, значения термина «ответственность по гражданскому праву». При этом указанные поиски меньше всего должны быть ориентированы на литературное значение слова «ответственность». В свое время Рудольф фон Иеринг по этому поводу писал: «Смысл, в каком наука пользуется словами родного языка, часто будет, да и должен быть по необходимости иным, нежели тот, в каком их понимает жизнь, — уже потому, что значение выражения в жизни нередко меняется, в то время как наука должна остаться при одном значении; так и, наоборот, научное определение понятия не удержит жизни от того, чтобы она поняла дан-

⁶ Хохлов В. А. Указ. соч. С. 12.

⁷ Хохлов В. А. Указ. соч. С. 12.

⁸ Хохлов В. А. Указ. соч. С. 12.

⁹ Черногор Н. Н. О теоретических проблемах юридической ответственности // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 105.

¹⁰ Белов В. А. Указ. соч. С. 84.

¹¹ Белов В. А. Указ. соч. С. 84.

¹² Хохлов В. А. Указ. соч. С. 14.

ное выражение в ином смысле. Язык науки и язык жизни часто представляют собой два различных языка»¹³.

Однако выяснение содержания понятия ответственности по гражданскому праву на основании законодательных положений затрудняется вследствие того, что в Гражданском кодексе РФ отсутствует компактный массив положений, посвященных такой ответственности. Есть глава 25, устанавливающая ответственность за нарушение обязательств. Есть и глава 59, в которой закрепляются правовые нормы о возмещении вреда, причиненного личности или имуществу. Из положений этой главы можно сделать вывод о том, что термины «возмещение вреда» и «ответственность» законодатель частично отождествляет. Это подтверждается, в частности, тем, что уже первая статья гл. 59 ГК РФ имеет заголовок «Общие основания ответственности за причинение вреда». Слово «ответственность» употребляется в заглавиях 13 статей, включенных в эту главу. Название самой главы 59 ГК РФ сформулировано как «Обязательства вследствие причинения вреда», в чем мы усматриваем факт отождествления законодателем обязательства (вследствие причинения вреда) и ответственности (за причинение вреда). Но термин «обязательство» непосредственно определяет вид правоотношения, а термин «ответственность» — гражданско-правовой статус обязанного лица (лицо, несущее ответственность за причинение вреда). Рассматриваемое здесь понятие обязательства может употребляться в связке с понятием причинения вреда, указывающим на основание возникновения обязательства, а может употребляться с понятием возмещения вреда, характеризующим содержание обязанности должника в этом обязательстве. Понятия обязательств вследствие причинения вреда и обязательств по возмещению вреда могут рассматриваться как родовое и видовое понятия, поскольку существует два вида обязательств вследствие причинения вреда: обязательства по возмещению имущественного вреда и обязательства по компенсации морального вреда.

Таким образом, Гражданский кодекс содержит две главы, каждая из которых посвящена соответствующему виду ответственности. Кроме того, исходя из того понимания ответственности, которое вытекает из гл. 25 и 59 ГК РФ,

безусловно, следует отнести к ответственности меры, предусмотренные статьями 15 и 16 ГК РФ. Однако «компенсация ущерба», предусмотренная статьей 16.1 ГК РФ, понятием ответственности по гражданскому праву охватываться не может. Этим законодательным положением устанавливается бланкетная правовая норма, не имеющая признака прямого действия. К тому же она устанавливает неведомую российскому гражданскому законодательству правовую конструкцию «ущерба, причиненного личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица». Если термин «ущерб имуществу...» еще можно было бы удовлетворительно истолковать, используя то понимание этого термина, которое вытекает из ст. 796 ГК РФ, то «ущерб личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица» вообще не поддается удовлетворительной интерпретации. Даже и гораздо более простой для интерпретации термин «вред личности или имуществу гражданина или имуществу юридического лица» вызывает вопрос о том, что же такое «вред личности», поскольку это может означать и «моральный вред», и «имущественный вред, возникший вследствие повреждения здоровья или причинения смерти».

Очевидно, нет никакой необходимости и оснований распространять понятие ответственности по гражданскому праву на явления, о которых идет речь в ст. 16.1 ГК РФ. Это же касается и возмещения вреда, причиненного правомерными действиями, в случаях, предусмотренных пунктом 3 ст. 1064 ГК РФ. В последнем случае сомнения возникают в связи с тем, что соответствующее законодательное положение размещено в статье, имеющей заглавие «Общие основания ответственности за причинение вреда». В научной литературе высказано мнение о том, что заголовок статьи, «как известно, не имеет никакого правового значения»¹⁴. Однако в законе, по нашему мнению, всё имеет правовое значение — и слова, и запятые, и тире, и многоточия, и точки. Поэтому правовое значение заголовков статей надо осмысливать. Представляется, что заголовки статей в случае их коллизии с текстами статей конкуренции не выдерживают в силу правила «*Lex specialis derogat generali*». Заголовок экстрагируется из содержания статьи. Поэтому сфера его действия всегда шире сферы действия норм, установ-

¹³ Иеринг Р. Избранные труды : в 2 т. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. Т. 2. С. 337.

¹⁴ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. М. : Статут, 1997. 682 с.

ленных соответствующей статьей. Кроме того, заголовок статьи уступает ее тексту при правоприменении, поскольку заголовок в первую очередь является средством рубрикации, хотя и не лишенным полностью значения правового регулятора. В рассматриваемом случае сама по себе рубрикация не может быть признана достаточной для того, чтобы признать меры, предусмотренные пунктом 3 ст. 1064 ГК РФ, мерами гражданско-правовой ответственности. Суть вопроса заключается в том, что термин «ответственность» в актах гражданского законодательства всегда связывается с правонарушением. Даже когда речь идет об ответственности поручителя (ст. 363 ГК РФ), то это, как мы полагаем, не дань традиции, как утверждает В. В. Витрянский¹⁵, а следствие неисполнения обязанности, хотя бы и не поручителем, а основным должником. То же самое касается и субсидиарной ответственности (ст. 399 ГК РФ). Нет никакой необходимости отходить от такого понимания ответственности ради положения п. 3 ст. 1064 ГК РФ и признания регулятивного значения заголовков статей (в данном случае ст. 1064 ГК РФ). Единичные случаи необходимости применения вместе с этим положением, например, ст. 381 или 383 ГК РФ вполне удовлетворительно разрешаются при помощи аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ).

В то же время нельзя полностью отрицать регулятивное значение заглавий статей, параграфов, глав, разделов, частей и других структурных подразделений законодательных и иных правовых актов. Эту проблему следует исследовать. В частности, важно обратить внимание на одну закономерность: юридическое значение заголовков структурных подразделений нормативных правовых актов уменьшается по мере укрупнения этих подразделений. И когда по ступеням такого подразделения мы поднимаемся до уровня кодекса, то под соответствующим его названием мы часто, а иногда — очень часто, встречаем правовые нормы совсем иной отраслевой принадлежности.

Изложенное оправдывает поиск содержания понятия ответственности по гражданскому праву прежде всего в гл. 25 ГК РФ, имеющей заглавие «Ответственность за нарушение обя-

зательств». При этом следует учитывать, что ее положения распространяются не только на отношения, возникающие вследствие нарушения обязательств, но и на отношения, регулируемые главой 59 ГК РФ (п. 2 ст. 307.1 ГК РФ), а также на корпоративные отношения и на отношения, связанные с применением последствий недействительности сделок (п. 3 ст. 307.1 ГК РФ). Пункт 2 ст. 1233 ГК РФ предусматривает применение общих положений об обязательствах, в том числе и положений об ответственности, также и к отношениям по поводу распоряжения интеллектуальными правами. В связи с изложенным представляются обоснованными сомнения в возможности применения п. 1 ст. 401 ГК РФ к обязательствам вследствие причинения вреда¹⁶. Следует при этом лишь соизмерять действия лица не с «характером обязательства и условиями оборота», а с характером существующих правоотношений (в том числе абсолютных) и фактических отношений, с принятием всех мер не для «надлежащего исполнения обязательства», а для недопущения нарушения прав потенциального потерпевшего.

Безусловно, основным видом гражданско-правовой ответственности является возмещение убытков. Как вид гражданско-правовой ответственности оно может применяться и за нарушение обязательств, и в порядке возмещения вреда (ст. 1082 ГК РФ). При возмещении убытков в порядке возмещения вреда возможно применение ст. 393 ГК РФ, посвященной убыткам, в силу указания на это в п. 2 ст. 307.1 ГК РФ. Статья 393 ГК РФ может применяться к корпоративным отношениям и к требованиям, связанным с применением последствий недействительности сделок (п. 3 ст. 397.1 ГК РФ), а также к отношениям по поводу распоряжения исключительными правами. Таким образом, реальная сфера действия ст. 393 ГК РФ является гораздо более широкой, чем это вытекает из ее содержания, и поэтому вызывает серьезные сомнения утверждение о том, что за рамками договорного права она должна применяться в порядке аналогии права¹⁷.

Применение ст. 393 ГК РФ к корпоративным отношениям — это относительно новое явление. Поэтому установленные на этот счет

¹⁵ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч. С. 464.

¹⁶ См.: Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : Статут, 2020. С. 1062.

¹⁷ См.: Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2019. Т. 1 : Общая часть. С. 520.

конкретные правовые нормы не всегда согласуются с общими правилами о возмещении убытков. Так, «участник коммерческой корпорации, утративший помимо своей воли в результате неправомерных действий других участников или третьих лиц права участия в ней, вправе требовать возвращения ему доли участия, перешедшей к иным лицам, с выплатой им справедливой компенсации, определяемой судом, а также возмещения убытков за счет лиц, виновных в утрате доли» (п. 3 ст. 65.2 ГК РФ). Само появление термина «справедливая компенсация, определяемая судом» связано со ст. 41 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁸. Поэтому на первый взгляд может показаться, что имплементация правовой конструкции справедливой компенсации находится в русле интеграции российского права в европейское правовое пространство. На самом деле это не так. Конвенция о защите прав человека и основных свобод нацелена не на подмену национальных средств защиты прав человека и основных свобод, а создает, как и деятельность Европейского Суда по правам человека, субсидиарные средства такой защиты. Поэтому и справедливую компенсацию статья 41 указанной Конвенции предусматривает при наличии трех условий: 1) имеет место нарушение Конвенции или протоколов к ней; 2) внутреннее право допускает возможность лишь частичного устранения последствий такого нарушения; 3) в случае необходимости. Поскольку справедливая компенсация присуждается за нарушение Конвенции, положения которой носят наиболее общий (неконкретизированный) характер, порядок определения размера компенсации Конвенцией не определяется, а только указывается на то, что эта компенсация должна быть справедливой. В отличие от этого ГК РФ содержит достаточно подробные положения, касающиеся возмещения убытков. Эти положения дополняются вырабатываемыми

судами правовыми позициями, имеющими в соответствующих случаях обязательное значение. Ответственность в виде возмещения убытков за нарушение корпоративных прав можно было бы дополнить правилом о компенсации морального вреда, поскольку его компенсация в случаях, когда речь не идет о нарушении личных неимущественных прав или о посягательстве на принадлежащие гражданину нематериальные блага, допускается, если это предусмотрено законом (ч. 1 ст. 151 ГК РФ). Вместо этого законодатель пошел по пути заимствования правовой конструкции справедливой компенсации, что само по себе уже является сомнительным, если не неприемлемым вообще. Во-первых, даже применительно ко взысканию убытков, являющемуся привычным предъявляемым в судах требованием, констатируется, что «сформировалась процессуальная основа, пока отвергающая распространение и совершенствование такого важного регулирующего инструмента, как возмещение убытков»¹⁹. Во-вторых, признается, что в практике Европейского Суда по правам человека, применяющего ст. 41 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, до сих пор идет поиск разумного толкования этой статьи. А. С. Исполинов и М. А. Сидоренко отмечают, что «ЕСПЧ в последнее время отказался от понимания справедливой компенсации как скромного денежного возмещения и признал приоритет принципа *restitutio in interim*, означающего, что заявитель должен быть по возможности возвращен в положение, в котором он бы находился при отсутствии нарушений его права... что предполагает компенсацию за реальный ущерб и упущенную выгоду»²⁰. Наряду с этим, отмечается отсутствие последовательности ЕСПЧ в отношении признания карательной функции справедливой компенсации: отрицание такой функции сопровождается ее фактическим признанием в решениях по отдельным делам²¹.

¹⁸ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

¹⁹ *Монастырский Ю. Э.* Институт убытков в гражданском праве России. Профессиональные факторы эффективного применения. М.: Прометей, 2018. С. 57.

²⁰ *Исполинов А. С., Сидоренко М. А.* Вопросы возмещения ущерба в Европейском Суде по правам человека: присуждение справедливой компенсации и заключение мировых соглашений // Закон. 2019. № 6. С. 93–104.

²¹ См.: *Сидоренко М. А.* О присуждении справедливой компенсации (из практики Европейского Суда по правам человека) // Власть закона. 2018. № 2. С. 210–225; *Кузнецов Д. А.* Функции компенсации за нарушение прав человека в наднациональных и национальных судебных решениях // Международное правосудие. 2021. № 1. С. 81–101.

При изложенных условиях следовало бы в большей мере разобраться в соотношении нового вида ответственности (справедливой компенсации) с другими видами гражданско-правовой ответственности (возмещением убытков, возмещением вреда, компенсацией морального вреда, компенсацией репутационного вреда, причиненного юридическим лицам), а затем уже решать вопрос об имплементации в национальное законодательство правовой конструкции справедливой компенсации. Во всяком случае, при формулировании п. 3 ст. 65.2 ГК на первое место надо было поставить возмещение убытков как гораздо более определенное, по сравнению со справедливой компенсацией, понятие, а уж затем указать и на возможность справедливой компенсации, размер которой определяется судом в зависимости от конкретных обстоятельств и которая имеет лишь один критерий — справедливость. Вместо этого далее законодатель вообще решил отказаться от возмещения убытков, оставив лишь ответственность в виде справедливой компенсации: «Суд может отказать в возвращении доли участия, если это приведет к несправедливому лишению иных лиц их прав участия или повлечет крайне негативные социальные и другие публично значимые последствия. В этом случае лицу, утратившему помимо своей воли право участия в корпорации, лицами, виновными в утрате доли участия, выплачивается справедливая компенсация, определяемая судом» (п. 3 ст. 65.2 ГК РФ). Учитывая неопределенность критерия справедливости, конечно, не следовало бы и в этом случае отказываться от ответственности в виде возмещения убытков. Хотя более приемлемым было бы вообще воздержаться от имплементации в национальное гражданское законодательство ответственности в виде справедливой компенсации.

Как новый и отдельный вид гражданско-правовой ответственности должна быть квалифицирована компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или право на исполнение судебного акта в разумный срок, установленная Федеральным законом от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»²². Хотя размер такой компенсации определяется с учетом значимости последствий нарушения для заявителя (ч. 2

ст. 2), она признается, по существу, отдельным видом гражданско-правовой ответственности, поскольку не препятствует возмещению вреда в соответствии со ст. 1069 и 1070 ГК РФ (ч. 4 ст. 1 указанного Федерального закона), однако исключает компенсацию морального вреда за то же нарушение.

Возмещение убытков, причиненных обеспечением иска, — это разновидность ответственности за причинение вреда, хотя такое возмещение предусмотрено не Гражданским кодексом, а процессуальными кодексами (ст. 146 ГПК РФ; ст. 98 АПК РФ): установление норм материального права процессуальными кодексами должно быть признано естественным, как и установление ГК РФ норм процессуального права (например, о распределении бремени доказывания вины). В статье 98 АПК РФ прямо указывается на то, что убытки возмещаются «в порядке и размере, которые предусмотрены гражданским законодательством». Что касается указания на убытки (а не на вред), то это следует интерпретировать не как определение институциональной принадлежности соответствующих правовых норм, а как конкретизацию ст. 1082 ГК РФ, имея в виду, что эта статья предусматривает возможность возмещения вреда и в натуре, и путем возмещения убытков, а вред, причиненный обеспечением иска, вряд ли мыслимо возместить в натуре. Выплата компенсации, предусмотренной статьей 98 АПК РФ, является альтернативой возмещению убытков.

Возложение на истца обязанности возместить убытки в рассматриваемом случае, если речь вести в правоприменительном аспекте этого вопроса, вполне согласуется с п. 2 ст. 1070 ГК РФ, допускающим возмещение вреда, причиненного при осуществлении правосудия, только при наличии вины судьи, установленной приговором суда, вступившим в законную силу. Но совершенно очевидно, что в подобных случаях вред находится в причинной связи с действиями как истца, так и судьи. Уместно также поставить и вопрос о том, что вред при этом чаще всего обусловлен и недостаточной определенностью законодательства: в противном случае истец при отсутствии перспективы удовлетворении иска не обращался бы с ним в суд. В таких условиях законодатель из всех субъектов, с действиями которых вред находится в причинно-следственной связи, выби-

²² СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.

рает одного и «назначает» его ответственным за вред. С социально-нравственной позиции это неприемлемо, не говоря уже о том, что такой вариант правового регулирования не вполне соответствует ст. 2 Конституции РФ.

Но законодатель идет далее. При формулировании ст. 98 АПК РФ он использовал ранее опробованный опыт установления обязанности выплаты компенсации вместо возмещения убытков при нарушении авторских и смежных прав (ст. 49 ранее действовавшего Закона РФ от 09.07.1993 № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах»²³). Но в этом случае, как правило, нет других лиц, действия которых находятся в причинной связи с причиненными убытками, а в случаях, предусмотренных статьей 98 АПК РФ, такие субъекты есть. В ситуациях, на которые распространяется действие ст. 98 АПК РФ, вряд ли была необходимость установления такой льготной для потерпевшего меры защиты: если она необходима (с точки зрения законодателя) в этих случаях, то компенсацию такого рода следует предусмотреть как альтернативу возмещению вреда и во всех остальных случаях. Единственное, чем статья 98 АПК РФ отличается в положительную сторону от ст. 1301 ГК РФ, предусматривающей компенсацию за нарушение исключительного права на произведение, — это отсутствие указания на право суда на собственное усмотрение при определении размера компенсации в связи с обеспечением иска. Суд — это не правотворческий, а правоприменительный орган. Поэтому право на усмотрение для него будет противозаконным, а при отсутствии необходимой правовой нормы суд должен руководствоваться статьей 6 ГК РФ. Попутно заметим, что при нарушении исключительного права на произведение автор или иной правообладатель вправе потребовать компенсации (по своему выбору) в двукратном размере стоимости конкретных экземпляров произведения или в двукратном размере стоимости права использования произведения, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование про-

изведения тем способом, который использовал нарушитель (пп. 2, 3 ст. 1301 ГК РФ).

Ответственность в виде компенсации морального вреда стала привычной для российского гражданского права. Но сфера применения этого вида ответственности остается неопределенной. Речь идет о том, что часть 1 ст. 151 ГК РФ предусматривает компенсацию морального вреда, только когда он причинен нарушением личных неимущественных прав гражданина или посягательством на принадлежащие гражданину нематериальные блага. Во всех иных случаях моральный вред может быть компенсирован лишь при условии, что это предусмотрено специальным законом. Такие случаи предусмотрены, в частности, статьей 15 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»²⁴. Однако с учетом практики Европейского Суда по правам человека стали расширительно толковаться положения гражданского законодательства, которые предусматривали компенсацию морального вреда (особенно если он был причинен гражданам государственными органами и должностными лицами). Дошло дело и до признания не предусмотренного российским гражданским законодательством права юридических лиц на компенсацию «репутационного» (нематериального) вреда. Резкая критика этой тенденции в развитии российской судебной практики со стороны С. В. Третьякова²⁵ вряд ли может быть признана обоснованной. А констатация А. М. Эрделевским наличия мнения о том, что «взыскание компенсации нематериального вреда организациям в практике ЕСПЧ — компетенция исключительно ЕСПЧ налагать денежное взыскание на должника-ответчика»²⁶, не выглядит убедительной: государства — участники Конвенции о защите прав человека и основных свобод признали юрисдикцию Европейского Суда по правам человека, но судьи этих государств вроде бы и не должны стремиться к тому, чтобы признать практику этого Суда и избегать наложения на государство, органами которого они являются, упомянутых взысканий. Конечно, лучше, если бы на прак-

²³ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1242.

²⁴ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

²⁵ Третьяков С. В. О докторской диссертации В. Л. Толстых // Вестник гражданского права. 2008. Т. 8. № 1. С. 251.

²⁶ Эрделевский А. О подходе Конституционного Суда РФ к защите деловой репутации юридических лиц // Хозяйство и право. 2005. № 4. С. 114.

тику ЕСПЧ откликнулся законодатель и внес соответствующие изменения и дополнения в ГК РФ. Но в условиях, когда законодатель этого не сделал, суды не должны были сознательно идти на принятие судебных решений, противоречащих практике ЕСПЧ, понимая при этом, что ЕСПЧ возложит на государство обязанность выплатить юридическому лицу компенсацию за причиненный «репутационный» вред. Наука должна помогать разрешать конфликты, а не генерировать их.

Ситуация изменилась (уже после того, как были опубликованы научные статьи, которые выше цитировались), когда Россия в соответствии с резолюцией ЕСПЧ от 22.03.2022 перестала быть участницей Конвенции о защите прав человека и основных свобод (с 16 сентября 2022 г.). С того же дня на Россию не распространяется юрисдикция Европейского Суда по правам человека. Прецедентная практика также перестала быть обязательной для России. Но эта практика частично была отражена в российской судебной практике, которая, по существу, была признана юридически обязательной (п. 4 ч. 4 ст. 180, п. 3 ч. 3 ст. 310, п. 2 ст. 328, ст. 341 КАС РФ; п. 2 ст. 3, ст. 387, 391.9 ГПК РФ с учетом применения по аналогии п. 4 ч. 4 ст. 180 и п. 3 ч. 3 ст. 310 КАС РФ; абз. 5 п. 3 ч. 3 ст. 170, п. 3 ч. 2 ст. 270, п. 3 ч. 2 ст. 288, ч. 1 ст. 291.11, ст. 308.8 АПК РФ с учетом применения по аналогии п. 3 ч. 3 ст. 310 КАС РФ). Обязательность этой практики имеет и процессуально-правовое, и материально-правовое содержание. Поэтому Е. В. Гаврилов обоснованно ссылается в подтверждение права юридического лица на справедливую компенсацию в случаях причинения вреда его деловой репутации на Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2017), утвержденный Президиумом Верховного Суда 16.02.2017²⁷ (поскольку такие обзоры признаются законом обязательными). Но его параллельная ссылка на определение коллегии по экономическим спорам Верховного Суда от 18.11.2016 № 307-ЭС16-8923 не вполне корректна²⁸, поскольку судебные акты

коллегий Верховного Суда приобретают обязательное нормативное значение только при их включении в упомянутые обзоры.

Таким образом, к настоящему времени, несмотря на утрату Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и практикой ЕСПЧ обязательности для России, выплата (взыскание) компенсации за причинение вреда деловой репутации юридическим лицам сохраняет материально-правовое основание, каковым является упомянутый выше Обзор и перечисленные выше положения процессуальных кодексов, в которых логически закреплены правовые нормы, придающие обязательное (нормативное) значение правовым позициям, сформулированным в названных обзорах, и дающие юридическим лицам право на компенсацию причиненного им репутационного вреда. Можно вести дискуссию с законодателем *de lege ferenda*, но *de lege lata* нельзя отрицать ни логическое закрепление в перечисленных выше положениях процессуальных кодексов материально-правовых норм, признающих источниками гражданского права соответствующие правовые позиции, вырабатываемые судами, ни материально(гражданско)-правовое содержание этих правовых позиций. Однако в науке гражданского права нет готовности признать существование логически закрепленных правовых норм, которые при толковании обнаруживаются при помощи вывода от следствия (обязанность судов следовать соответствующим выработанным судами правовым позициям) к условию (наличие в таких правовых позициях гражданско-правового содержания). Так обозначал рассматриваемый вывод Е. В. Васьковский²⁹. Группа современных авторов обозначает такой вывод как вывод от последующего правового явления к предыдущему³⁰. Применительно к теме настоящей статьи важно заметить, что законодатель не должен был закреплять особо жесткие правовые нормы (такowymi являются нормы об ответственности за причиненный вред, как и любые нормы гражданско-правовой ответственности) таким

²⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1, 2, 3.

²⁸ Гаврилов Е. В. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека о компенсации вреда, не поддающегося полному денежному исчислению, причиненного умалением деловой репутации организации // Российская юстиция 2017. № 6. С. 64–67.

²⁹ Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 302–305.

³⁰ Новейшее учение о толковании права : (по материалам гражданского и других отраслей права) : монография / В. Г. Ротань, О. Е. Сонин, Ю. В. Черткова. Симферополь, 2019. С. 228–286.

способом, который юридической наукой не освоен. Поэтому необходимо текстуальное закрепление в Гражданском кодексе и правовой нормы о гражданско-правовой ответственности за причиненный юридическому лицу репутационный вред, и правовой нормы, которая будет признавать соответствующие выработанные судами правовые позиции источниками гражданского права. Авторы статьи не настаивают на обязательном текстуальном закреплении в ГК РФ нормы об ответственности за причинение репутационного вреда юридическим лицам, но если уж она де-факто легализована, то лучше это сделать в более понятной для правоприменителя правовой форме.

Вопрос о возможности квалификации неустойки как вида ответственности вряд ли имеет практическое значение. Но теоретически ее все-таки следует признать видом гражданско-правовой ответственности, поскольку неустойку признает видом ответственности законодатель (ст. 795 ГК РФ, транспортные уставы). А главное заключается в том, что неустойка является мерой ответственности по своей сущности. Неустойка «обеспечивает» исполнение обязательства так же, как и любая мера гражданско-правовой ответственности, — угрозой имущественных потерь. Но меры ответственности вследствие угрозы (психологического воздействия на должника) мерами обеспечения исполнения обязательств не называют, а неустойку — называют, хотя обеспечительная функция неустойки, как и любой ответственности по гражданскому праву, сводится к угрозе имущественных потерь.

Задаток имеет выраженное обеспечительное значение и к тому же признается законом одним из способов обеспечения исполнения обязательств. Но мерой ответственности законодатель задаток не признает. Законодатель лишь устанавливает, что соответствующие связанные с задатком последствия наступают, если за неисполнение договора «ответственна» та или другая сторона. Этого недостаточно для того, чтобы *de lege lata* признать задаток охватываемым понятием ответственности за нарушение обязательств.

Проценты за неисполнение денежных обязательств должны быть, безусловно, признаны видом ответственности за нарушение обязательств. Такое утверждение основывается на

заголовке ст. 395 ГК РФ, а также на том обстоятельстве, что проценты как правовая конструкция соответствуют сущности ответственности, которая вытекает из закона и заключается в возложении на лицо дополнительного бремени за допущенное правонарушение.

Относительно мер защиты, предоставляемых соответствующему кредитору в связи с недоброкачеством проданного товара (ст. 475 ГК РФ), недостатками сданного в аренду имущества (ст. 612 ГК РФ), ненадлежащим качеством работ (ст. 723 ГК РФ), высказано мнение о том, что эти меры не охватываются категорией ответственности³¹. Если исходить из экономической сущности вещей, то признание перечисленных мер ответственностью действительно является некорректным. Но законодатель меры, предусмотренные статьей 723 ГК РФ, признает ответственностью в заголовке указанной статьи. Меры, предусмотренные статьей 475 ГК РФ, признаются мерами ответственности в п. 5 ст. 723, ст. 476 ГК РФ. Лишь статья 612 ГК РФ не дает оснований для квалификации как ответственности предусмотренных ее мер.

В 2015 г. глава 25 ГК РФ была дополнена статьей 406.1, регулирующей отношения по поводу возмещения потерь. Включение этой статьи в главу, имеющую название «Ответственность за нарушение обязательств» является весомым доводом в пользу признания возмещения потерь видом ответственности. Этому доводу, однако, можно противопоставить то понимание ответственности, которое сложилось в гражданском законодательстве задолго до появления в Гражданском кодексе правовой конструкции возмещения потерь. Введение в гражданское законодательство правовой конструкции возмещения потерь, а также размещение статьи 406.1 ГК РФ, посвященной возмещению потерь, в гл. 25 ГК РФ, имеющей название «Ответственность за нарушение обязательств», не могло опровергнуть сложившегося ранее понимания законодателем термина «ответственность за нарушение обязательств». Поэтому следует признать, что правовая конструкция возмещения потерь понятием ответственности за нарушение обязательств не охватывается.

Действующие положения ГК РФ не дают основания квалифицировать как ответственность расторжение договора одной из сторон в связи с его нарушением другой стороной. Вопрос о

³¹ Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : Статут, 2017. С. 702.

признании такой меры видом ответственности может ставиться и обсуждаться только в аспекте de lege ferenda.

Таким образом, действующее гражданское законодательство Российской Федерации содержит достаточно противоречивые нормы об отдельных видах гражданско-правовой ответственности и не предусматривает общих положений, формулирующих понятие и разграничивающих меры ответственности и другие способы гражданско-правового воздействия. Вместе с тем детальный анализ положений гражданского законодательства позволяет

произвести такое разграничение и выработать научные рекомендации, способствующие единообразному правоприменению. Однако сказанное не исключает необходимости дальнейшего совершенствования законодательных положений, регулирующих отношения ответственности в гражданском праве.

При этом в настоящей статье вопрос о понятии гражданско-правовой ответственности рассмотрен в аспекте de lege lata. Рассмотрение этого вопроса в аспекте de lege ferenda должно стать предметом последующих научных поисков авторов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Введение в гражданское право. — М. : Юрайт, 2011. — 521 с.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. — М. : Статут, 1997. — 682 с.
3. Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. — М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. — 508 с.
4. Гаврилов Е. В. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека о компенсации вреда, не поддающегося полному денежному исчислению, причиненного умалением деловой репутации организации // Российская юстиция — 2017. — № 6. — С. 64–67.
5. Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. 1 : Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. — М. : Статут, 2019. — 576 с.
6. Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : Статут, 2017. — 1120 с.
7. Иеринг Р. Избранные труды : в 2 т. Т. 2. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. — 547 с.
8. Иоффе О. С. Избранные труды : в 4 т. Т. 1 : Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. — 574 с.
9. Исполинов А. С., Сидоренко М. А. Вопросы возмещения ущерба в Европейском Суде по правам человека : присуждение справедливой компенсации и заключение мировых соглашений // Закон. — 2019. — № 6. — С. 93–104.
10. Кузнецов Д. А. Функции компенсации за нарушение прав человека в наднациональных и национальных судебных решениях // Международное правосудие. — 2021. — № 1. — С. 81–101.
11. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 44. — Изд. 5-е. — М. : Изд-во политической литературы, 1970. — 725 с.
12. Монастырский Ю. Э. Институт убытков в гражданском праве России. Профессиональные факторы эффективного применения. — М. : Прометей, 2018. — 182 с.
13. Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права) : монография / В. Г. Ротань, О. Е. Сонин, Ю. В. Черткова. — Симферополь, 2019. — 792 с.
14. Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : Статут, 2020. — 1104 с.
15. Сидоренко М. А. О присуждении справедливой компенсации (из практики Европейского Суда по правам человека) // Власть закона. — 2018. — № 2. — С. 210–225.
16. Третьяков С. В. О докторской диссертации В. Л. Толстых // Вестник гражданского права. — 2008. — Т. 8. — № 1. — С. 243–264.
17. Хохлов В. А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договоров : дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 1998. — 349 с.
18. Черногор Н. Н. О теоретических проблемах юридической ответственности // Журнал российского права. — 2006. — № 5. — С. 105–109.
19. Эрделевский А. О подходе Конституционного Суда РФ к защите деловой репутации юридических лиц // Хозяйство и право. — 2005. — № 4. — С. 111–116.

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2023 г.

REFERENCES

1. Belov VA. Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast. Vvedenie v grazhdanskoe pravo [Civil law. The general part. Introduction to Civil Law]. Moscow: Yurayt Publ.; 2011. (In Russ.).
2. Braginsky MI, Vitryansky VV. Dogovornoe pravo. Obshchie polozheniya [Contract law. General provisions]. Moscow: Statut Publ.; 1997. (In Russ.).
3. Vaskovsky EV. Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskikh zakonov [Civilistic methodology. The doctrine of the interpretation and application of civil laws]. Moscow: Tsentr YurInfoR Publ.; 2002. (In Russ.).
4. Gavrilov EV. Pravovye pozitsii Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka o kompensatsii vreda, ne poddayushchegosya polnomu denezhnomu ischisleniyu, prichinennogo umaleniem delovoy reputatsii organizatsii [The Legal Positions of the European Court of Human Rights on Compensation for the Damage, not Susceptible to Precise Monetary Calculation, Caused by Belittling of Business Reputation of the Organizations]. *Rossiyskaya justitsiya*. 2017;6:64-67. (In Russ.).
5. Sukhanov EA (ed.). Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t. T. 1: Obshchaya chast [Civil Law: Textbook in 4 vols. General Part]. Moscow: Statut Publ.; 2019. (In Russ.).
6. Karapetov AG (ed.). Dogovornoe i obyazatelstvennoe pravo (obshchaya chast): postateynny kommentariy k statyam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Contract and Obligation law (general part): Article-by-article commentary on Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).
7. Iering R. Izbrannye trudy: v 2 t. [Selected works: in 2 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Law Center-Press Publ.; 2006. (In Russ.).
8. Ioffe OS. Izbrannye trudy: v 4 t. T. 1: Pravootnoshenie po sovetскому grazhdanskomu pravu. Otvetstvennost po sovetскому grazhdanskomu pravu. [Selected works: in 4 vols. Vol. 1: Legal relations under Soviet Civil law. Responsibility under Soviet civil law]. St. Petersburg: Law Center-Press Publ.; 2003. (In Russ.).
9. Ispolinov AS, Sidorenko MA. Voprosy vozmeshcheniya ushcherba v Evropeyskom Sude po pravam cheloveka: prisuzhdenie spravedlivoy kompensatsii i zaklyuchenie mirovykh soglasheniy [Issues of Reparation in the European Court of Human Rights: Award of Just Compensation and Conclusion of Friendly Settlements]. *Zakon*. 2019;6:93-104. (In Russ.).
10. Kuznetsov DA. Funktsii kompensatsii za narushenie prav cheloveka v nadnatsionalnykh i natsionalnykh sudebnykh resheniyakh [Functions of compensation for human rights violations in supranational and national judicial decisions]. *International Justice*. 2021;1:81-101. (In Russ.).
11. Lenin VI. Polnoe sobranie sochineniy [The complete works]. Vol. 44. 5th ed. Moscow: Political Literature Publishing House, 1970. (In Russ.).
12. Monastyrsky YuE. Institut ubytkov v grazhdanskom prave Rossii. Professionalnye faktory effektivnogo primeneniya [Institute of Damages in the civil law of Russia. Professional factors of effective application]. Moscow: Promethei Publ.; 2018. (In Russ.).
13. Rotan VG, Sonin OE, Chertkova YuV. Noveyshee uchenie o tolkovanii prava (po materialam grazhdanskogo i drugikh otrasley prava): monografiya [The latest teaching on the interpretation of law (based on the civil and other branches of law): monograph]. Simferopol; 2019. (In Russ.).
14. Karapetov AG (ed.). Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postateynny kommentariy k statyam 1–16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [The main provisions of civil law: an article-by-article commentary on Articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow: Statut Publ.; 2020. (In Russ.).
15. Sidorenko MA. O prisuzhdenii spravedlivoy kompensatsii (iz praktiki Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka) [On the award of fair compensation (from the practice of the European Court of Human Rights)]. *The Rule of Law*. 2018;2:210-225. (In Russ.).
16. Tretyakov SV. O doktorskoy dissertatsii V. L. Tolstykh [About V.L. Tolstykh Doctoral Dissertation]. *Civil Law Review*. 2008;8(1):243-264. (In Russ.).
17. Khokhlov VA. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost za narushenie dogovorov: dis. ... d-ra yurid. nauk. [Civil liability for breach of contracts: Doctoral Dissertation]. Saratov; 1998. (In Russ.).
18. Chernogor NN. O teoreticheskikh problemakh yuridicheskoy otvetstvennosti [On theoretical problems of legal responsibility]. *Journal of Russian Law*. 2006;5:105-109. (In Russ.).
19. Erdelevsky A. O podkhode Konstitutsionnogo Suda RF k zashchite delovoy reputatsii yuridicheskikh lits [On the approach of the Constitutional Court of the Russian Federation to the protection of the business reputation of legal entities]. *Business and Law*. 2005;4:111-116. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.022-032

О. Ю. Косова*

Разлучение родителей и детей в аспекте реализации права на воспитание

Аннотация. В статье рассматриваются явления, которые в юридической лексике носят названия «разлучение родителя и ребенка» и «отобрание детей». Автор исходит из того, что семейное воспитание ребенка его родителями осуществляется путем непосредственного личного общения каждого из родителей и ребенка в условиях их совместной семейной жизни, поэтому субъективное право на воспитание должно иметь юридически значимые гарантии такого общения. На основе анализа норм права и правоприменительной практики даны определения рассматриваемых правовых явлений.

Наибольшее распространение в отношениях родителей и детей имеет разлучение по их собственной инициативе, необходимость которого предопределяется условиями их социальной жизни в семье и за ее рамками, что в ряде прямо установленных законом случаев требует юридического оформления. Прекращение семейных связей и утрата возможности семейного общения родителей и детей по инициативе и с участием органов, осуществляющих публичные функции, должны расцениваться как исключение, иметь временный характер и четкие юридические параметры, а конечной своей целью должны иметь оздоровление семьи, а не ее разрушение. В связи с этим особое внимание автором уделено отдельным предусмотренным в Семейном кодексе РФ случаям отобрания детей, а также установленным отраслевым российским законодательством гарантиям сохранения межличностных контактов родителей и детей в различных ситуациях.

В аспекте необходимости максимального сохранения детско-родительских отношений дается оценка семейно-правовому регулированию, обозначаются существующие в нем коллизии и пробелы. Обращается внимание на принятые в последние годы меры, направленные на сокращение числа необоснованных и незаконных отобраний, сопряженных с применением ст. 77 СК РФ о немедленном отобрании детей при непосредственной угрозе их жизни, здоровью.

Ключевые слова: законодательство; конвенция; семья; воспитание; родители; дети; общение; гарантии; разлучение; отобрание.

Для цитирования: Косова О. Ю. Разлучение родителей и детей в аспекте реализации права на воспитание // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 8. — С. 22–32. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.022-032.

Separation of Parents and Children in the Context of Realization of the Right to Education

Olga Yu. Kosova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Civil Law and Procedure, Irkutsk Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of the Russian Federation)
ul. Nekrasova, d. 4, Irkutsk, Russia, 664011
olurko@mail.ru

Abstract. The paper examines the phenomena that in the legal vocabulary are called «separation of a parent and a child» and «taking children away from parents». The author proceeds from the fact that in the family upbringing of a child by his parents is carried out through direct personal communication between each of the parents and the child during their family life. Therefore, the subjective right to upbringing should have legally significant

© Косова О. Ю., 2023

* Косова Ольга Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ)

ул. Некрасова, д. 4, г. Иркутск, Россия, 664011
olurko@mail.ru

guarantees of such communication. Based on the analysis of the norms of law and law enforcement practice, the author gives definitions of the legal phenomena under consideration.

Separation on their own initiative is the most widespread in the relationship between parents and children, the need for which is predetermined by the conditions of their social life in the family and beyond, which in a number of cases directly established by law requires legal formalization. The termination of family ties and the loss of the possibility of family communication between parents and children on the initiative and with the participation of bodies performing public functions should be regarded as an exception, be temporary in nature and comply with legal parameters. The ultimate goal of the measures under consideration should be to improve the health of the family rather than to destroy it. In this regard, special attention is paid by the author to individual cases of taking children away from the family provided for in the Family Code of the Russian Federation, as well as guarantees established by specific Russian legislation for the preservation of interpersonal contacts between parents and children in various situations.

In the aspect of the need for maximum preservation of child-parent relations, the paper gives the assessment of family legal regulation and indicates the conflicts and gaps existing in the legal regulation. The author examines the measures taken in recent years and aimed at reducing the number of unjustified and illegal selections associated with the application of Article 77 of the RF Family Code on the immediate selection of children with an immediate taking children away from the family if there is a threat to their life and health.

Keywords: legislation; convention; family; upbringing; parents; children; communication; guarantees; separation; selection.

Cite as: Kosova OYu. Razluchenie roditeley i detey v aspekte realizatsii prava na vospitanie [Separation of Parents and Children in the Context of Realization of the Right to Education]. *Lex russica*. 2023;76(8):22-32. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.022-032. (In Russ., abstract in Eng.).

Основы государственного управления в сфере семьи отражены в конституционных положениях о поддержке и защите семьи, материнства, отцовства и детства, признании детей важнейшим приоритетом государственной политики России и необходимости их семейного воспитания (ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 38, ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ¹). Эти положения созвучны международно-правовым обязательствам России в области правовой охраны детства: семейное воспитание ребенка признается наиболее значимым фактором его жизни и формирования социальных качеств: «ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания», а семье как «естественной среде для роста и благополучия всех ее членов и особенно детей должны быть предоставлены необходимые защита и содействие» (Преамбула Конвенции о правах ребенка²). За ребенком признается «право на индивидуальность», которая предполагает, наряду с именем и гражданством, его «семейные связи» (ст. 8 данной Конвенции).

Очевидно, что публичные интересы жизнеспособного общества и управляющего им государства сопряжены со стабильными семьями, а юридические установления отражают социальную реальность, в которой жизнь и развитие ребенка в подавляющем большинстве случаев привязаны к его семье, где рядом с детьми — близкие им и заботящиеся об их жизни и судьбе родители. Отсюда особенности семейно-правовой конструкции родительского правоотношения, связывающего каждого из родителей с его несовершеннолетним ребенком.

Российское семейное законодательство признает право детей на семейное воспитание (ст. 54 Семейного кодекса РФ), а на родителей возлагает ответственность за воспитание и развитие их детей, предоставляя право и возлагая обязанность воспитания (ст. 63 СК РФ). Полагаем, что в семейно-правовом аспекте право родителя на воспитание ребенка заключается в юридически гарантированной ему со стороны государства возможности воздействовать на личность ребенка с целью его индивидуального развития путем личного общения и взаимодей-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022 (дата обращения: 30.03.2023).

² Конвенция о правах ребенка, одобрена Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 20.11.1989 // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. 1993. С. 242–257.

³ См.: Косова О. Ю. Семейное право : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск, 2016. С. 289–292.

ствия в условиях семьи³. Российское законодательство ориентировано на сохранение ребенка его родной семьи, даже в ситуации, когда она считается «находящейся в социально опасном положении» и в полной мере не справляется с функцией воспитания детей⁴. Связь ребенка с семьей предполагает принципиальную недопустимость инициируемого извне разрыва межличностных связей между родителем и его несовершеннолетним ребенком, в ее основе нравственный принцип недопустимости разрушения семей извне, а в правовом оформлении — невмешательство государства в частные, а значит, и в семейные отношения⁵.

Согласно традиционным представлениям о семье семейное воспитание заключается главным образом в непосредственном личном взаимодействии членов семьи в ходе совместной жизни. Следовательно, «разлучение» («разлука», «расставание») родителя и ребенка означает состояние утраты таких межличностных контактов. Утраченные возможности, безусловно, ущемляют ребенка в реализации права на семейное воспитание, а родителя — в осуществлении права (исполнении обязанности) воспитания, т.е. формирования личностных качеств ребенка, передачи ему накопленного социального опыта и нравственных ориентиров. Поэтому Конвенция о правах ребенка обязывает государства обеспечить, «чтобы ребенок не разлучался со своими родителями вопреки их желанию» (ст. 9). Следуя ее генеральной установке, разлучение должно происходить «по их желанию», а без желания — только в исключительных случаях и при выполнении ряда условий.

Современное общество характеризуется динамичными и многообразными социальными связями, поэтому и отношения между родителями и детьми активно меняются во времени, приобретают новые, характерные именно для конкретных лиц и конкретной ситуации содержательные нюансы реализации прав субъектов правоотношения. «Разлучение» может объективно происходить из особенностей социальной

жизни членов семьи на любом ее текущем этапе под влиянием как внешних, так и внутренних по отношению к ней факторов, обуславливающих необходимость приостановления, прекращения и даже публичного пресечения «детско-родительских» отношений. Чем старше и социально активнее становится ребенок, вовлекаясь в жизнь иных, помимо семьи, социальных структур, тем объективно длительнее становится время его разлучения с родителями. С достижением совершеннолетия и приобретением полной дееспособности ребенком субъективное право на воспитание для обеих сторон родительского правоотношения прекращается, а межличностное общение утрачивает ранее действовавшие юридические гарантии.

На ранних этапах жизни ребенка забота о нем родителей требует постоянного личного взаимодействия в виде общения, в том числе контроля и корректировки поведения ребенка. В правовом регулировании осознается необходимость социальной поддержки семьи в части обеспечения общения членов семьи, например, в виде предоставления лицам с семейными обязанностями: отпуска по уходу за ребенком и соответствующего пособия (ст. 256, 264 ТК РФ); гарантий при направлении в служебные командировки, привлечении к сверхурочной работе, работе в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни (ст. 259 ТК РФ); права на бесплатное совместное нахождение с ребенком в медицинской организации при оказании ему медицинской помощи в стационарных условиях независимо от возраста ребенка в течение всего периода лечения (ч. 3 ст. 51 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁶); возможности родственников, иных членов семьи пациента посещать его в медицинской организации (п. 15 ч. 1 ст. 79 того же Федерального закона); права работников на получение пособия по временной нетрудоспособности при необходимости осуществления ухода за больным ребенком (ч. 3 ст. 7 Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об

⁴ Категории «семей, находящихся в социально опасном положении», а также формы профилактической работы с ними определены Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 317).

⁵ На политико-правовом уровне концептуально указывается на действие презумпции «добросовестности родителей». См.: распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.

⁶ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»⁷) и др.

Разлучение, вызванное текущими обстоятельствами жизни членов семьи и их желанием, по общему правилу не требует особого юридического оформления — нелепым вмешательством в частную жизнь было бы, например, требовать такого оформления вследствие нахождения родителя в течение рабочего времени на его рабочем месте, в обычной кратковременной командировке, поездке на дачу, выходе в театр, нахождения ребенка на учебе, в кружке и т.п. Конечно, в нормально функционирующей семье не оставят малолетнего ребенка без присмотра, ухода, в условиях риска причинения ему вреда, и каждая конкретная ситуация требует индивидуального подхода в ее юридической оценке, но считаем необоснованным требование оформлять опеку (попечительство), к примеру, в ситуации, когда родитель находится на лечении, уезжает в санаторий, на курорт, доверяя ребенка бабушке или иным близким родственникам, при помещении заболевшего ребенка в больницу и др. При традиционном подходе к понятию попечения неслучайной выглядит норма абз. 2 п. 1 ст. 122 СК РФ, дающая основания считать, что ребенок может находиться на попечении не только родителей, но и родственников.

Неограниченная формализация отношений в семье и бюрократизация в органах опеки и попечительства (далее — органы опеки), на наш взгляд, отнюдь не способствуют укреплению семьи. Вместе с тем осуществление функции попечения о несовершеннолетнем ребенке в определенном объеме и в определенных целях третьими лицами в прямо установленных законом случаях может оформляться, например, путем заключения договоров об образовании (ст. 54 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁸). Посещение ребенком яслей, детского сада предполагает передачу дошкольной организации функций временного присмотра, ухода, текущего надзора за ним, но не лишает субъектов родительского правоотношения возможности межличностных контактов и не умаляет их семейно-правового статуса. В то же время стоит заметить, что помещение ребенка

в течение рабочей недели в ясли, детские сады при внешней добровольности разлучения в большинстве случаев носит вынужденный характер ввиду его экономической подоплеку — низкого уровня оплаты труда и низкодоходности большинства российских семей. На этом экономическом фоне навязываемый россиянам со стороны СМИ приоритет высокодоходного индивидуального карьерного роста перед созданием полноценной семьи, на наш взгляд, год от года только усугубляет остроту демографических проблем.

Длительные разлучения, с учетом ст. 57 СК РФ и соответствующим оформлением, прямо допускаются законодательством в следующих ситуациях: инициирование родителями передачи своего ребенка под опеку (попечительство) другим лицам на время, пока они по уважительным причинам не смогут исполнять родительские обязанности (ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»⁹); назначение попечителя органом опеки по заявлению достигшего возраста 14 лет ребенка по его заявлению (ч. 3 ст. 13 этого же Федерального закона); временное пребывание ребенка в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, не только в целях получения им медицинских, социальных, образовательных, иных услуг, но также в целях обеспечения его временного проживания на период, когда родители, как и иные законные представители, по уважительным причинам не могут исполнять свои обязанности в отношении него (п. 2 ст. 155.1 СК РФ). Согласно Федеральному закону от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как правило, «на срок, не более одного года» принимают «для содержания, воспитания и обучения» несовершеннолетних, имеющих законных представителей, если дети проживают «в семьях, пострадавших от стихийных бедствий, либо являются детьми одиноких матерей (отцов), безработных, беженцев или вынужденных переселенцев» (пп. 2 ч. 2 ст. 14). Временное нахождение детей в таких организациях «не прекращает прав и обязанностей родителей» (п. 2 ст. 155.1 СК РФ).

⁷ СК РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 18.

⁸ СК РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

⁹ СК РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.

Что касается разлучения родителей и детей с использованием публично-правовых механизмов, то, как вытекает из ст. 8–10 Конвенции о правах ребенка, — это своего рода социальная и юридическая аномалия, применяемая в семейной сфере лишь в исключительных случаях: «без желания» субъектов родительского правоотношения они могут быть разлучены только при определенных обстоятельствах: наличие судебного решения; соблюдение установленных процедур; предоставление заинтересованным сторонам «возможности участвовать в разбирательстве и излагать свои точки зрения»; положительное в части разлучения мнение «компетентного органа»; применение только в «наилучших интересах ребенка».

В отличие от Конвенции о правах ребенка, СК РФ публично иницируемые процедуры разлучения родителей и детей именуют «отобранием». Выясняя его смысловое наполнение, прежде всего нужно абстрагироваться от строго семейно-правовой интерпретации, обратившись к его использованию в русском языке. Словари дают основания считать, что слово «отобрание» по смыслу близко к словам «отнять»¹⁰, «отнимать», что, с нашей точки зрения, характеризует *отобрание* в качестве: во-первых, действия; во-вторых, действия, направленного против обладателей каких-либо благ; в-третьих, сопряженного с лишением таких лиц возможности использования этих благ, а значит, объективно находящегося в противоречии с их интересами; в-четвертых, совершаемого без их согласия, то есть насильственно; в-пятых, вовсе не обязательно, что насильственное лишение материального или личного блага должно происходить с применением установленных законом процедур, т.е. быть законным, к примеру незаконны кража, грабеж, похищение человека, правовое регулирование противодействию которым ввиду особо негативного эффекта лежит в ином отраслевом законодательстве.

Опираясь на общий лексический подход, уместно обратиться к области семейного права: с точки зрения соответствия (несоответствия) нормам права отобрание ребенка из семьи может быть законным, то есть осуществляемым на основании правовых норм уполномочен-

ными государством органами с соблюдением установленных процедур, а также незаконным. Последнее может иметь место, например, со стороны родителя, которому другой, проживавший с ребенком родитель, злоупотребляя своими правами, чинил препятствия в воспитании ребенка, или в ситуации незаконного вывоза ребенка одним из родителей с территории страны постоянного проживания с нарушением права опеки другого родителя. В свою очередь, состоявшееся незаконное отобрание может включать правовой механизм защиты права на воспитание как обоих родителей, так и ребенка, иметь следствием отобрание ребенка и передачу его титульному воспитателю. Возможно, напротив, на основании судебного решения отобрание ребенка у титульного воспитателя и передача его родителю, права которого на общение с ребенком ранее необоснованно нарушались (п. 3 ст. 66 СК РФ).

Среди случаев законного «отобрания» детей от родителей без желания одной или обеих сторон в СК РФ прямо названы: судебное ограничение родительских прав (ст. 73) и административное немедленное отобрание ребенка (ст. 77). Отобранием, безусловно, сопровождается также судебное лишение родительских прав (ст. 69, п. 1 ст. 71 СК РФ). Анализ положений ст. 68 и п. 2 ст. 79 СК РФ показывает, что отобранием может сопровождаться более широкий круг случаев, связанных со спорами о воспитании детей и сопряженных с разлучением родителей и детей. «Отобрания» скрываются за терминами «возврат» и «передача» ребенка от одних субъектов другим, с возможностью применения легального насилия при отказе в возврате, передаче ребенка. Они могут стать востребованными не только в ситуациях изначально незаконного завладения ребенком третьими по отношению к родительскому правоотношению лицами, а, например, при отказе суррогатной матери передать ребенка контрагентам по договору о суррогатном материнстве.

В связи с практикой отобрания детей у суррогатных матерей уместно упомянуть, что Верховный Суд РФ, к сожалению, расширительно истолковал¹¹ императивно сформулированную норму абз. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ, требующую

¹⁰ См., например: Толковый словарь С. И. Ожегова // URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=19269> (дата обращения: 20.01.2023).

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей», п. 31 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7. С. 11–18.

согласия суррогатной матери на оформление родительского статуса «заказчиками» в отношении рожденного ею ребенка, чем допустил правовую иррелевантность ее несогласия, по сути придав норме ситуационный характер. Полагаем, что сделан разрушительный для традиционной системы правовых координат и ценностных ориентиров шаг, который оформляет отказ от устоявшегося в обществе с незапамятных времен правила признавать матерью появившегося на свет ребенка женщину, которая выносила и родила его. Договору о суррогатном материнстве был отдан приоритет перед социальной значимостью самого материнства и открыт путь узаконения практики судебного отобрания ребенка у его матери.

Особое внимание, на наш взгляд, нужно обратить на использование в области правоприменения¹² и правоповедения¹³ наряду с узаконенным термином «отобрание» термина «изъятие» ребенка. Однако ребенок — это индивидуум, одушевленное существо, а не «имущество», которое при разных обстоятельствах можно «изъять» из имущественной сферы его обладателя, лишив его возможности пользования им. Ребенок — это не объект, а субъект родительского правоотношения. Отсюда и невозможность применения для обеспечения исков о воспитании большинства мер, обозначенных в ст. 140 ГПК РФ, ориентированных на имущественные споры.

В аспекте права на воспитание семейно-правовые последствия отобрания ребенка также заслуживают внимания. Если разлучение состоялось, государство должно на системной основе обеспечивать личные контакты родителя и ребенка, даже если они находятся на территории разных государств (ст. 9, 10 Конвенции о правах ребенка). В СК РФ особые гарантии сохранения межличностных контактов предоставляются прежде всего ребенку и отдельно проживающему от него родителю (ст. 55, 66

СК РФ). Согласно п. 1 ст. 66 СК РФ такой родитель «имеет право на общение с ребенком, участие в его воспитании и решении вопросов получения ребенком образования». При этом закон не связывает общение ни с браком или разводом родителей, ни с их совместным или раздельным проживанием, ни с наличием (отсутствием) договоров между родителями о месте жительства ребенка или порядке участия в воспитании отдельно живущего родителя. Лишение договором одного из родителей, состоявших или не состоявших между собой в браке, права общаться с ребенком противоречит закону и нарушает субъективное право на воспитание и для родителя, и для ребенка, а соглашением можно определить лишь порядок реализации этого права.

В связи с этим представляется противоречивой норма абз. 2 п. 1 ст. 66 СК РФ, которая, обязывая родителя, проживающего с ребенком, не препятствовать его общению с другим родителем, одновременно допускает для него возможность по своему усмотрению ограничить права другого родителя на общение, если посчитает, что оно «причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию». Действительность богата примерами, когда такое ограничение необоснованно и имеет место со стороны разведенных матерей, конфликтующих с отцами общих с ними детей, которые в своем противодействии бывшему супругу манипулируют им и ребенком. В таком виде рассматриваемая норма позволяет злоупотребляющим своими правами матерям (бывшим женам или сожительницам) в течение времени «правовой неопределенности» формировать необоснованно отрицательное отношение ребенка к отцу. Семейный конфликт затягивается, объективно побуждая отцов к судебной защите права на воспитание путем установления порядка его осуществления, который, в свою очередь, зачастую нере-

¹² Так, например, термин «изъятие» применительно к ребенку использовался в п. 3 ранее действовавшего приказа Генерального прокурора РФ от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи»; применен в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1. С. 14–20.

¹³ *Летова Н. В.* Защита прав и интересов ребенка в случае его отобрания (изъятия) из семьи // Государство и право. 2021. № 3. С. 102–111; *Кравчук Н. В.* Изъятие ребенка из семьи: защита его интересов или необоснованное вмешательство в права родителей и детей // Семейное и жилищное право. 2018. № 3. С. 10–13.

ализуем в рамках исполнительного производства. Право констатации юридического факта «причинения вреда физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию» и юридической квалификации ситуации, на наш взгляд, не должно принадлежать самим конфликтующим членам семьи.

Еще одной гарантией воспитания для проживающего отдельно от ребенка родителя является норма п. 4 ст. 66 СК РФ: он вправе получать информацию о своем ребенке из различных организаций, в предоставлении ее может быть отказано в случае угрозы для жизни и здоровья ребенка с его стороны. Между тем в условиях конфликта родители работники образовательных организаций, избегая участия в нем, отказываются не только предоставлять соответствующую информацию, но и беседовать с заинтересованным родителем, допустить его встречу с ребенком на территории образовательной организации. Однако СК РФ не предусматривает санкций личного характера в отношении родителя вследствие самого факта раздельного проживания с ребенком. Не будучи лишенным прав или ограниченным в них, родитель сохраняет свой семейно-правовой статус, а особого порядка общения с ребенком законом не предусмотрено. Полагаем важным лишь то, чтобы при контактах не нарушались общие правила поведения в публичных местах и общий порядок деятельности образовательной организации. Кроме того, законодательство об образовании предоставляет законным представителям детей независимо от места их проживания ряд прав, реализуемых преимущественно при посещении образовательных организаций, например: защищать права и законные интересы обучающихся; знакомиться с оценками успеваемости своих детей; получать информацию о всех видах планируемых обследований ребенка и об их результатах и др. (ч. 3 ст. 44, ч. 1 ст. 45 Федерального закона «Об образовании в РФ»).

Организациям, в которых находится ребенок, предоставлено право отказа в информировании о нем проживающему отдельно родителю, что также предполагает установление и правовую квалификацию факта наличия угрозы жизни, здоровью ребенка со стороны этого родителя (п. 4 ст. 66 СК РФ). На наш взгляд, констатация такого основания для отказа не вписывается в компетенцию организаций. Судебное оспаривание отказа в предоставлении информации о ребенке со стороны организаций имеет очевидно слабые перспективы ини-

цирования родителем, не желающим создавать какие-либо дополнительные сложности в обучении или лечении своего ребенка и по этой причине вынужденным отказываться не только от свиданий, но и от получения информации о ребенке. В рассмотренных выше установках ст. 66 СК РФ просматривается необходимость их корректировки путем дальнейшего поиска баланса интересов родителя и ребенка с учетом минимизации риска причинения вреда последнему.

Конвенция о правах ребенка требует, чтобы и в особых ситуациях, когда «разлучение вытекает из какого-либо решения, принятого государством», например при аресте, тюремном заключении, высылке, депортации родителя или ребенка, государство предоставляло родителям, ребенку «по их просьбе необходимую информацию в отношении местонахождения отсутствующего члена (членов) семьи, если предоставление этой информации не наносит ущерба благосостоянию ребенка» (п. 4 ст. 9). Как видно, и эта норма призвана содействовать сохранению семейных контактов.

Признание необходимости личных контактов между родителями и детьми в российском законодательстве распространяется на случаи применения публичных мер воздействия к совершившему противоправные действия лицу, являющемуся стороной родительского правоотношения. Даже при применении такой меры уголовной ответственности, как лишение свободы, родитель, отбывая наказание, имеет право на краткосрочные и длительные свидания с родственниками, в том числе с детьми (ст. 89 УИК РФ), а имеющим детей в возрасте до 14 лет осужденным женщинам и являющимся единственным родителем мужчинам могут предоставляться дополнительные длительные свидания с ребенком (ч. 2.1 ст. 89 УИК РФ). Очевидно, что и в такого рода ситуациях необходимо соблюдение правил, организующих внутреннюю жизнь и выполнение функций соответствующих организаций.

В свою очередь, ребенок, находящийся в экстремальной ситуации, например при задержании, аресте, заключении под стражу и других, имеет право на общение со своими родителями (лицами, их заменяющими) и другими родственниками в порядке, установленном соответствующим законом (п. 2 ст. 55 СК РФ). Так, согласно ст. 105, 423 УПК РФ при решении вопроса об избрании меры пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняе-

тому должна обсуждаться возможность отдачи его под присмотр, в том числе родителям, для «обеспечения его надлежащего поведения», что, несомненно, предполагает общение с несовершеннолетним, положительно воздействующее на ребенка во время действия меры пресечения. Кроме того, в досудебном и судебном уголовном производстве по преступлениям несовершеннолетних в дело привлекаются их законные представители (ст. 48, 426, 428 УПК РФ), к числу которых относятся прежде всего родители, положение которых в процессе сопряжено с взаимодействием не только с выполняющими публичные функции лицами, но и с самим несовершеннолетним, например, они могут участвовать в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, иных следственных действиях, производимых с его участием.

При нарушении установленного порядка содержания в специальных учебно-воспитательных учреждениях открытого и закрытого типа к находящимся в них несовершеннолетним не допускается применение такой меры взыскания, как «ограничение» или «лишение контактов» с родителями или иными законными представителями (ст. 8.1 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»).

Если ребенок лишается индивидуальности в части своего семейного окружения, ему должна быть обеспечена необходимая помощь и защита для скорейшего ее восстановления (ст. 8 Конвенции о правах ребенка). В этой связи уместно назвать как присущие российскому законодательству общеправовые гражданско-процессуальные инструменты их восстановления (например, пересмотр судебных решений вышестоящими судами), так и специальные (восстановление родительских прав; отмена их ограничения; признание недействительным административного акта о немедленном отобрании ребенка).

Правило ст. 9 рассматриваемой Конвенции об обеспечении ребенку регулярных прямых контактов с родителями при разлучении должно касаться по меньшей мере случаев, прямо обозначенных в СК РФ: при лишении и ограничении родительских прав, а также при немед-

ленном отобрании ребенка. Безусловность правила п. 1 ст. 71 СК РФ о прекращении права родителя на воспитание ребенка при лишении родительских прав, а значит, узаконение отсутствия «регулярных личных отношений с родителями» противоречит Конвенции о правах ребенка. В этой части трудно найти причину изменения ранее занимаемой законодателем позиции. В действовавших в советский период кодексах присутствовала возможность разлучения родителей и детей вследствие судебного лишения родительских прав при их неправомерном осуществлении (ст. 153, 154 КЗАГС¹⁴; ст. 33 КЗоБСО¹⁵, ст. 59 КоБС¹⁶), а также в результате «отобрания» детей (ст. 46 КЗоБСО, ст. 64 КоБС) без лишения родительских прав.

Вместе с тем положения ст. 159 КЗАГС, ст. 47 КЗоБСО и ст. 62 КоБС не абсолютизировали необходимость прекращения личных контактов родителей и детей при их разлучении, ситуационно допуская их сохранение. К примеру, в соответствии со ст. 159 КЗАГС в случаях лишения родительских прав суд обязан был «разрешить родителям свидания с детьми, разве бы признано было, что такие свидания вредно и пагубно отражаются на детях». Согласно ст. 62 КоБС «по просьбе родителей, лишенных родительских прав», органы опеки и попечительства могли «разрешить им свидание с детьми, если общение с родителями не окажет на детей вредного влияния». СК РФ аналогичным образом допускает контакты лишь применительно к ограничению родительских прав, причем они допускаются не по решению суда об ограничении родительских прав, а с разрешения органов опеки, субъектов, выполняющих функции попечения о ребенке (ст. 75 СК РФ). Полагаем, ситуационная норма, разрешающая общение с ребенком, нужна не только с учетом ст. 6 СК РФ и ст. 9, 10 Конвенции о правах ребенка, но еще по той причине, что при отсутствии контактов с ребенком лишенный прав родитель практически не сможет восстановить их (ст. 72 СК РФ) в результате изменения им «отношения к воспитанию ребенка» в положительную сторону, что, в свою очередь, дает основания судить также и об «изменении его поведения», «образа жизни».

¹⁴ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР от 16.09.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818.

¹⁵ Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР от 19.11.1926 // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

¹⁶ Кодекс о браке и семье РСФСР от 30.07.1969 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.

Заложенная статьей 77 СК РФ процедура административного отобрания ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью в настоящее время, пожалуй, одна из наиболее обсуждаемых тем в семейно-правовых публикациях, посвященных проблематике отобрания, вызывающая немало разного рода теоретических сложностей. Например, Н. В. Летова, с одной стороны, признает, что «порядок отобрания ребенка, предусмотренный статьей 77 СК РФ, не позволяет определить специфику такой меры, выявить правовую природу отобрания», но с другой — видит «своеобразие и специфику» правовой природы отобрания в выполнении им «двусторонней функции защиты», поскольку эта мера выступает в качестве санкции в случае их виновного поведения относительно ребенка, а в случае отсутствия вины — одновременно «в качестве защиты по отношению и к родителям, и к ребенку»; она считает, что «такая мера является универсальной в смысле обеспечения защиты прав и интересов ребенка»¹⁷.

В статье 77 СК РФ обозначено не только основание отобрания, но и последующий алгоритм действий органов опеки, на которые ложатся определяемые их функциями обязанности: временное устройство отобранного ребенка; немедленное уведомление прокурора о состоявшемся отобрании; в семидневный срок заявление судебного иска о лишении родителей прав или об их ограничении. Применение названной статьи порождает ряд проблем, одна из них заключается в том, что орган опеки обязывается заявлять иски о лишении, об ограничении родительских прав без привязки таких последствий к объективной оценке семейной ситуации. К тому же, как резонно отмечено Д. Е. Тимофеевой, заложенная в процедуре императивность «препятствует возможности непосредственного обращения родителей за помощью в органы опеки и попечительства при возникновении трудной жизненной ситуации без какого-либо опасения за дальнейшую судьбу их детей»¹⁸.

После произведенного отобрания нередко выясняется, что оно было безосновательным, а процедура осуществлялась с нарушениями: попечение о ребенке осуществлялось; его семейные связи с родителем в целом позитивны; вины родителей в создании угрозы жизни, здоровью ребенка нет; применение санкций в виде лишения (ограничения) родительских прав не соответствует интересам конкретного ребенка, а произведенное отобрание уже оказало и продолжает оказывать негативное влияние на состояние ребенка и родителя. Практике органов прокуратуры известны случаи незаконных административных отобраний детей из семьи, а прокурорским работникам — механизм применения мер реагирования на выявляемые нарушения¹⁹. По данным Министерства просвещения РФ, общая численность детей, отобранных при непосредственной угрозе их жизни, здоровью, в 2022 г. году составила 1 626, из них 308 были возвращены родителям²⁰, т.е. примерно 19 %.

Статья 77 СК РФ нуждается в редакционном изменении, позволяющем органам опеки в кратчайший срок оценить ситуацию в семье и уже в зависимости от результата решать вопрос о предъявлении соответствующих исков. Поэтому речь в ней должна идти не об императивной обязанности органов опеки требовать лишения (ограничения) родительских прав в суде, а о соответствующем их праве.

В части соблюдения общих требований ст. 9 Конвенции о правах ребенка возникает также вопрос об обеспечении личных контактов родителя и отобранного у него ребенка в период после отобрания. В этом плане статья 77 СК РФ пробельна, и Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 14.11.2017 № 44 взял на себя задачу восполнить этот пробел. Подчеркивая исключительный характер применения ст. 77 СК РФ, он указывает, что принятие акта о немедленном отобрании «влечет за собой временное прекращение права родителей (одного из них) либо иных лиц, на попечении которых

¹⁷ Летова Н. В. Указ. соч. С. 106–107.

¹⁸ Тимофеева Д. Е. Отобрание ребенка у родителей при непосредственной угрозе его жизни или здоровью как механизм социальной защиты детства в России // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. Vol. 3-3 (66). P. 85–86.

¹⁹ Мельникова М. Роль прокурора в оценке законности отобрания ребенка у родителей // Законность. 2018. № 2. С. 37–40.

²⁰ Сведения по форме федерального статистического наблюдения № 103-РИК «Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» за 2022 г. // URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/8cf2e493bcd6bf43ba790f5b5d1170f1> (дата обращения: 05.04.2023).

ребенок находился, на личное воспитание ребенка (до рассмотрения судом заявления об ограничении родителей (одного из них) в родительских правах или о лишении их родительских прав» (п. 31). Тем самым административный акт, пусть и временного действия, прекращает, с одной стороны, важнейшее право родителей, у которых в упрощенном порядке отобран ребенок, — право на воспитание с его ключевым составляющим элементом — возможностью межличностного общения, а с другой стороны, право ребенка на общение с родителем. Позволим себе не согласиться с таким подходом, считая его противоречащим ст. 9 Конвенции, положениям СК РФ о родительском правоотношении, презумпции добросовестности родителей, лишаящим стороны гарантий личного общения, что особо неприемлемо и вредоносно для них при незаконных отобраниях.

Какими бы ни были обстоятельства, побудившие органы опеки отобрать ребенка из семьи, и какие бы в конечном счете ни вырисовывались последствия отобрания для судьбы ребенка, сам факт насильственных публичных действий и последовавшее за ними пресечение межличностных контактов способно негативно отразиться на ребенке, привязанном к своим (не исключено, что маргинальным) родителям и всё еще осознающем себя в системе внутрисемейной жизни, несмотря на возможно более благоприятные для него внешние условия, в которых он находится после отобрания. В этом плане особо жестокими и травмирующими психику ребенка, да и лишённого общения с ним родителя, выглядят случаи необоснованного административного отобрания, когда дли-

тельное время, пока продолжаются публичные процедуры, они не могут даже видеться друг с другом. Не улучшает их текущего состояния и возможность предъявления и рассмотрения иска о признании административного акта о немедленном отобрании недействительным, поскольку судебная процедура тоже требует времени.

Считаем, что в ситуации применения ст. 77 СК РФ основная задача органов опеки заключается в том, чтобы спасти жизнь и здоровье ребенка, вывести его из опасной для него ситуации, а в последующем адекватно ситуации, профессионально и с позиций интересов семьи, в том числе ребенка, дать оценку перспективам ее сохранения, определить в первую очередь возможные меры поддержки и оздоровления, а не насильственного разлучения.

Особенности семейных отношений не всегда могут быть отражены в законе или учтены на публичном уровне, что усложняет выбор адекватных и эффективных правовых форм защиты семьи и воспитывающихся в ней детей. Анализ правовых источников позволяет сделать вывод, что разлучение родителей и детей — это состояние утраты ими непосредственного личного общения в условиях семьи, что может происходить помимо их желания или при их желании, с юридическим оформлением или без такового. Используемый в СК РФ термин «отобрание детей» означает разновидность разлучения, инициированные и осуществляемые публичными органами действия, лишаящие детей и их родителей межличностного общения и взаимодействия в условиях совместной семейной жизни, предпринимаемые в случаях и в порядке, установленных законом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Косова О. Ю. Семейное право : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — Иркутск : Иркутский юрид. институт (ф) Академии Ген. прокуратуры РФ, 2016. — 559 с.
2. Кравчук Н. В. Изъятие ребенка из семьи: защита его интересов или необоснованное вмешательство в права родителей и детей // Семейное и жилищное право. — 2018. — № 3. — С. 10–13.
3. Летова Н. В. Защита прав и интересов ребенка в случае его отобрания (изъятия) из семьи // Государство и право. — 2021. — № 3. — С. 102–111.
4. Мельникова М. Роль прокурора в оценке законности отобрания ребенка у родителей // Законность. — 2018. — № 2. — С. 37–40.
5. Тимофеева Д. Е. Отобрание ребенка у родителей при непосредственной угрозе его жизни или здоровью как механизм социальной защиты детства в России // International Journal of Humanities and Natural Sciences. — 2022. — Vol. 3-3 (66). — P. 85–86.

Материал поступил в редакцию 18 апреля 2023 г.

REFERENCES

1. Kosova OYu. Semeynoe pravo [Family Law: textbook]. 2nd ed. Irkutsk: Irkutsk Law Institute (f) of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation; 2016. (In Russ.).
2. Kravchuk NV. Izyatie rebenka iz semi: zashchita ego interesov ili neobosnovannoe vmeshatelstvo v prava roditeley i detey [Removal of a child from the family: protection of the child's interests or unjustified interference with the rights of parents and children?]. *Family and Housing Law*. 2018;3:10-13. (In Russ.).
3. Letova NV. Zashchita prav i interesov rebenka v sluchae ego otobraniya (izyatiya) iz semi [Protection of the rights and interests of the child in case of his/her removal from the family]. *The State and Law*. 2021;3:102-111. (In Russ.).
4. Melnikova M. Rol prokurora v otsenke zakonnosti otobraniya rebenka u roditeley [The role of the prosecutor in assessing the legality of taking a child from his parents]. *Zakonnost*. 2018;2:37-40. (In Russ.).
5. Timofeeva DE. Otobranie rebenka u roditeley pri neposredstvennoy ugroze ego zhizni ili zdorovyu kak mekhanizm sotsialnoy zashchity detstva v Rossii [Removing a child from parents at a direct threats to his life or health as a mechanism of social protection of childhood in Russia]. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022;3-3(66):85-86. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.033-041

Ф. И. Хамидуллина*,
А. Ш. Галимов**

Преимственность в интерпретациях правоотношений по неосновательному обогащению

Аннотация. В статье предложено теоретическое обоснование некоторых предметных конструкций, составивших цивилистическое наследие прошедших периодов и заложенных в основу современной интерпретации правоотношений по неосновательному обогащению. Проведен анализ преимущественности в развитии правоотношений по неосновательному обогащению. Показано, что правоотношения по неосновательному обогащению имеют системное значение для действующего правопорядка. Они находятся в весьма обширной правовой области требований, направленных на возмещение ущерба, и являются цивилистическими правоотношениями охранительного типа.

Будучи реальным социальным явлением и одновременно цивилистической категорией, правоотношения по неосновательному обогащению допускают анализ: а) с позиций экономики; б) с юридических позиций; в) с позиций справедливости (в идеале должны совпадать с юридическими позициями, что на практике достижимо не всегда).

Преимственность в интерпретациях правоотношений по неосновательному обогащению, выраженная в динамике их историко-правового развития, обеспечивает вариативность, постепенное усложнение форм и вместе с тем постоянство базовой этико-правовой идеи запрета неосновательного обогащения.

Маркерами преимущественности являются: 1) общий принцип, лежащий в основе соответствующего обязательства; 2) формальные и содержательные критерии определения неосновательности в процессе обогащения; 3) возможные инструменты (формы, способы и средства) защиты нарушенных прав.

Определяя каждый из перечисленных элементов применительно к тому или иному этапу экономического и правового развития общества, мы получаем общую картину преимущественности, которая в прогностических целях может быть экстраполирована на перспективу развития института версионного иска в отечественной правовой системе.

Ключевые слова: право; историко-правовое развитие; преимущественность; цивилистика; цивилистическая доктрина; неосновательное обогащение; кондикция; кондикционные обязательства; версионные иски.

Для цитирования: Хамидуллина Ф. И., Галимов А. Ш. Преимственность в интерпретациях правоотношений по неосновательному обогащению // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 8. — С. 33–41. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.033-041.

© Хамидуллина Ф. И., Галимов А. Ш., 2023

* Хамидуллина Фариды Ильдаровны, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Казанского (Приволжского) федерального университета
Кремлевская ул., д. 18, г. Казань, Россия, 420008
inbox7575@inbox.ru

** Галимов Артур Шафкатович, начальник Управления кадров Казанского (Приволжского) федерального университета
Кремлевская ул., д. 18, г. Казань, Россия, 420008
asgalimov@kpfu.ru

Continuity in the Interpretations of Legal Relationships in the Case of Unjustified Enrichment

Farida I. Khamidullina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law, Kazan (Volga Region) Federal University
ul. Kremlevskaya, d. 18, Kazan, Russia, 420008
inbox7575@inbox.ru

Arthur Sh. Galimov, Head of the Personnel Department, Kazan (Volga Region) Federal University
ul. Kremlevskaya, d. 18, Kazan, Russia, 420008
asgalimov@kpfu.ru

Abstract. The paper provides a theoretical justification of some substantive constructions that have constituted the civilistic heritage of the past periods and have laid the basis for the modern interpretation of legal relations concerning unjustified enrichment. The paper analyzes the continuity in the development of legal relations regarding the concept of unjustified enrichment. The author has shown that legal relations on unjustified enrichment are of systemic importance for the current law and order. They are located in a very extensive legal field of claims aimed at compensation for damage, and they represent civil law relations of a protective type. Being a real social phenomenon and, at the same time, a civilistic category, legal relations in unjustified enrichment can be analyzed: a) from the standpoint of economics; b) from a legal standpoint; c) from the standpoint of justice (they should coincide with legal standings, which in practice is not always achievable). Continuity in the interpretations of legal relations concerning unjustified enrichment expressed in the dynamics of their historical and legal development provides variability, gradual complication of forms and, at the same time, the constancy of the basic ethical and legal idea of the prohibition of unjustified enrichment. Markers of continuity include: 1) the general principle underlying the corresponding obligation; 2) formal and substantive criteria for determining the groundlessness in the enrichment process; 3) possible tools (forms, methods and means) for the protection of violated rights. Defining each of the listed elements in relation to a particular stage of the economic and legal development of society, we get a general picture of continuity, which for prognostic purposes can be extrapolated to the perspective of the development of the institution of a version claim in the domestic legal system.

Keywords: law; historical and legal development; continuity; civil law; civil doctrine; unjustified enrichment; *condictio-claim*; *condictio obligations*; version claims.

Cite as: Khamidullina FI, Galimov ASH. Preemstvennost v interpretatsiyakh pravootnosheniy po neosnovatelnomu obogashcheniyu [Continuity in the Interpretations of Legal Relationships in the Case of Unjustified Enrichment]. *Lex russica*. 2023;76(8):33-41. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.033-041. (In Russ., abstract in Eng.).

Берущий свое начало в правовом порядке Древнего Рима, институт неосновательного обогащения на протяжении столетий остается столь же востребованным, сколь и спорным. Его правовое содержание имеет формально-догматические, экономические и нравственные предпосылки, непосредственно касается самого широкого круга участников гражданского оборота, зачастую сопряжено с защитой государственных интересов и может получать как одобрительную, так и неодобрительную реакцию в обществе, в зависимости от его моральных установок и этических предпочтений.

Характерно, что всё это наблюдается не только в отечественной юрисдикции. В правоприменительную проблему неосновательного обогащения в режиме постоянного поиска над-

лежащего баланса, гармонизации интересов вовлечены суды многих стран, с типологически разными национальными правовыми системами¹. Задача нередко осложняется нетривиальными фактическими обстоятельствами.

Например, по мере широкого распространения тестов ДНК появились и участились иски по поводу обманов в отцовстве, возникающие из таких житейских ситуаций, когда неразрывно соединены не только юридические, но и биологические, и психологические, и социальные аспекты отношений между мужчиной и женщиной. Мужчины, которые оказались обманутыми и на протяжении весьма продолжительного времени несли расходы на содержание генетически чужого ребенка, требуют компенсации значительных финансовых затрат, опираясь в

¹ Basic Questions of Tort Law from a Comparative Perspective / ed. H. Koziol. Wien : Jan Sramek Verlag, 2015. URL: <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/33062> (дата обращения: 27.06.2023).

том числе и на нормы о неосновательном обогащении.

Однако такая позиция, будучи формально приемлемой, изначально не лишена противоречий с интересами ребенка, ибо фактически на него, создавая угрозу его благополучию, переносится бремя последствий поведения матери. В свою очередь, в каком-то отношении оно может быть и морально оправданным — скажем, с позиций обычной житейской логики нельзя исключить, что обман относительно отцовства был продиктован именно заботой об интересах ребенка, которому, несомненно, лучше получать содержание от мужчины, гораздо более финансово состоятельного, чем биологический отец².

Вместе с тем и сугубо догматический, формальный аспект правоотношений по неосновательному обогащению не является в достаточной степени определенным в плане однозначного ответа на такие вопросы, как, например, что считать предметом обогащения, как быть с обогащением «за счет другого лица» в цепочке сделок, как толковать само понятие «основания обогащения» и возможен ли некий исчерпывающий их перечень, закрепленный законодательно; при каких обстоятельствах обогащение не может быть востребовано у приобретателя и до какой степени поддается формализации круг таких обстоятельств, поддается ли в принципе и т.д., и т.п.

В поисках правоприменительных и доктринальных решений обозначенной выше проблематики считаем целесообразным обратиться к рассмотрению преемственности в интерпретациях правоотношений по неосновательному обогащению, с той или иной степенью детализации прослеживая путь историко-правового развития данного института. Этот познавательный процесс основывается на двух неразрывно связанных позициях — обобщенно-философской и практически-конкретизированной.

Так, рассуждая философски-образно, мы могли бы сказать, что представления об исто-

рико-правовом развитии правовых явлений позволяют нам мысленно прочертить ось времени, уходящую в исчисляемое годами и столетиями прошлое, в целях надежной реконструкции и наиболее полной и правильной интерпретации настоящего, наличного состояния правового регулирования, которое, в свою очередь, может быть определенным образом спроецировано и в будущее. «Всё, что происходит сегодня, реализуемо и реально лишь постольку, что ранее для этого сложились (открылись) соответствующие возможности»³. Дать анализ историко-правового развития с этих позиций — значит восстановить «живую ткань линий, неправильных и извилистых, переплетающихся самым разнообразным и неожиданным образом»⁴.

Помимо обобщенно-философского, у историко-правовой динамики есть и сугубо практический аспект, показывающий на примере конкретных памятников правовой письменности (а под ней мы подразумеваем нормативные правовые акты прошлых периодов, некогда бывшие действующим правом) пути формирования определенной устойчивости правовых норм, идей и отношений, во многом объясняющих реалии современного правового порядка.

Детальный анализ в этом направлении потребовал бы выхода за рамки настоящей статьи, поэтому ограничимся лишь своего рода дайджестом — обзором, содержащим краткую информацию, хотя и позволяющим сформировать общее представление о преемственности в интерпретациях правоотношений по неосновательному обогащению. В свою очередь, в перспективе это может послужить формированию новых доктринальных и правоприменительных позиций, повышающих регулятивный потенциал института неосновательного обогащения.

В порядке предупреждения заметим, что речь пойдет о российской цивилистической доктрине и российском правопорядке. Исторически сложилось так, что отечественное правоведение было создано русской университет-

² Дробышев П. Обман в отцовстве: обзор современных идей и судебной практики // URL: <https://www.readcube.com/articles> (дата обращения: 27.06.2023).

³ Розов Н. С. Философско-антропологические основания политико-правовой регуляции будущего миропорядка // Интелрос. 2013. № 2. URL: http://intelros.ru/readroom/credo_new/k2-2013/19225-filosofsko-antropologicheskie-osnovaniya-politiko-pravovoy-regulyacii-buduschego-miroporyadka.html?ysclid=16kmefd6kg583272033 (дата обращения: 16.05.2022).

⁴ Резниченко А. И. Кареев Николай Иванович // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 217. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01daff86c1742c788a9ed5da> (дата обращения: 16.05.2022).

ской наукой XIX в., испытавшей существенное влияние немецкой правовой мысли. Интересующие нас правоотношения по неосновательному обогащению, восходящие к древнеримскому правопорядку, исключением не являются.

Дело в том, что именно из Германии были приглашены первые профессора для чтения лекций, в том числе и по римскому праву, на факультетах нравственно-политических наук, где готовили правоведов и чиновников, а профессора императорских университетов — Дерптского (впоследствии Юрьевского), Московского, Казанского, Санкт-Петербургского — участвовала в деятельности ученых сообществ Германии, созданных для обсуждения вопросов, порождаемых практикой, в первую очередь в области частного права (торговля, ценные бумаги и др.)⁵. Как следствие, отечественный правовой институт неосновательного обогащения на протяжении двух последних столетий — с первой трети XIX в. вплоть до настоящего времени — и в доктринальном осмыслении, и в плане позитивно-правового закрепления имеет некоторое типологическое сходство с соответствующим германским институтом.

Таким образом, если в континентальной правовой традиции римское частное право обрело своего рода ренессанс в форме рецепции, то российская гражданско-правовая наука была ориентирована на восприятие и толкование пандектного учения, переноса идей германских цивилистов в учебную и научную литературу.

Поскольку всякая преемственность является поступательным ходом, демонстрирует некое движение в порядке последовательности от одного к другому, основанное на переходе чего-либо непосредственно от одного к другому, постольку и для характеристики преемственности важно выбрать адекватные точки отсчета. Применительно к правовому материалу такими ориентирами могут стать либо законодательные, либо доктринальные положения, на основе анализа которых можно сделать выводы о темпах эволюции того или иного феномена.

В интересующем нас случае правоотношений по неосновательному обогащению точкой отсчета преемственности должна стать имен-

но доктрина, ибо в дореволюционный период развития отечественного гражданского права данные правоотношения позитивно-правового закрепления не получили, но по факту были признаны и правовой доктриной, и судебной практикой, использовавшей при необходимости подходы, закрепленные в источниках римского права либо выработанные в трудах германских цивилистов.

Так, безусловный приоритет доктринального осмысления правоотношений по неосновательному обогащению, установления их общей природы и юридического значения в координатах отечественного правопорядка, по нашему мнению, принадлежит Д. Д. Гримму (1864–1941). В Санкт-Петербургском университете он учился у виднейшего германского специалиста по римскому праву Генриха Дернбурга, затем служил в Четвертом департаменте Правительствующего Сената, а впоследствии перешел в *alma mater* для подготовки к профессорскому званию и с «ученой целью» был на четыре года командирован в Берлинский университет⁶.

Неосновательное обогащение, по определению Д. Д. Гримма, — это тот плюс, который образуется, когда к составу имущества лица присоединяются новые блага денежной ценности без выделения соответствующего эквивалента⁷.

Как видим, такое определение указывает на следующие характеристики неосновательного обогащения:

- 1) само по себе, как увеличение или уменьшение количества богатств, это явление экономическое, и подчиняется оно своеобразным законам, отличным от юридических;
- 2) данное экономическое явление может приобретать юридическое значение и иметь юридические последствия при определенных обстоятельствах, которые показывают, было ли обогащение неотъемлемым и правомерным, либо, напротив, неправомерным и отъемлемым;
- 3) юридическое и экономическое значение обогащения между собой связаны через идею эквивалентности.

Согласно учению Д. Д. Гримма, под понятие обогащения в широком его смысле подпадает

⁵ Желдыбина Т. А. Правоведение Германии и России (историко-сравнительное исследование) // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5. № 3 (19). URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 27.06.2023).

⁶ Гримм Давид Давидович // Биографика. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/45-grimm-david-davidovich.html> (дата обращения: 27.06.2023).

⁷ Гримм Д. Д. Очерки по учению об обогащении. Выпуск первый. Дерпт : Типография Шнакенбурга, 1891. С. 9.

любое увеличение имущества лица, будь оно результатом его личной деятельности (например, новое ценное изобретение), следствием случая (например, захват никому не принадлежащих вещей). В тесном же смысле, представляющем для юристов наибольший интерес, следует рассматривать лишь обогащение одного лица за счет других лиц.

Итак, увеличение имущества одного лица предполагает уменьшение имущества другого лица, что может быть осуществлено в двух формах:

- 1) как чистое обогащение, когда потерпевшая сторона никакого вознаграждения, никакого эквивалента взамен утраченного блага не получает (дарение, растрата и т.п.);
- 2) как модифицированное обогащение, когда происходит обмен благ, но неравноценных — ценность одного из них превышает ценность другого (например, ростовщический процент, покупка дорогой вещи по незначительной цене).

Далее, по классификации Д. Д. Гримма, обогащение может быть прямым или косвенным, непосредственным или производным. Так, при косвенном обогащении, в отличие от прямого *inter partes*, лицо извлекает экономическую выгоду опосредованно, например из возмездного отчуждения плодов, а при производном обогащении имущество переходит от одного лица к другому с помощью третьего лица.

Основаниями обогащения Д. Д. Гримм называет: а) действия сторон; б) юридическую сделку; в) результат фактических действий, если при этом лицо действовало добросовестно (*titulo putativo*); г) судебное решение; д) случай⁸.

Отметим, что в рассматриваемых ситуациях обогащения невольно возникает некая аналогия с физическим законом сохранения материи, сформулированным М. В. Ломоносовым в письме Леонарду Эйлеру от 5 (16) июля 1748 г.: «Все встречающиеся в природе изменения происходят так, что если к чему-либо нечто прибавилось, то это отнимается у чего-то другого. Так, сколько материи прибавляется к какому-либо телу, столько же теряется у другого»⁹.

Тем не менее Д. Д. Гримм показывает, что в ситуации обогащения это не так. Объективная ценность блага, составляющего предмет обогащения, сама по себе не является ни мерилем убытка потерпевшего лица, ни показателем размера обогащения другой стороны. «Размер обогащения одного лица на счет другого, — утверждает Д. Д. Гримм, — не может быть определен путем простого установления объективной ценности блага, служащего предметом обогащения, а тем менее путем отождествления его с размером убытка потерпевшего лица»¹⁰. Используя современную терминологию, можно было бы сказать, что вопрос соотношения между обогащением лица и убытком другого, по Д. Д. Гримму, принадлежит к области дискреции правоприменителя.

Версионным искам посвящен отдельный раздел учения Д. Д. Гримма. Так, в качестве доказательств существования самостоятельной *actio de in rem verso* приводится ряд общих формул римского права и частных решений римских юристов, подтверждающих такую самостоятельность. На основании приведенных данных, с подробнейшей казуистикой вопроса Д. Д. Гримм приходит к выводу, что «римское право в данном случае, как и во многих других, остановилось на полдороге и, признав введение этого иска желательным в принципе, отвело ему лишь весьма ограниченную область применения»¹¹.

На анализируемом этапе преимственность интерпретаций неосновательного обогащения усматривается нами в том, что их догматический разбор, осуществленный в учении Д. Д. Гримма, послужил основой для последующих законотворческих работ в данной области. Например, отдельные доктринальные положения были восприняты на проектом уровне, в ходе подготовки Гражданского уложения¹².

Однако их полноценной реализации в позитивном праве суждено было состояться позже, на следующем этапе динамического эволюционного развития института неосновательного обогащения в отечественном правопорядке — в 1922–1964 гг.

⁸ Гримм Д. Д. Указ. соч. С. 10–14.

⁹ URL: <https://www.culture.ru/events/1237316/onlain-informacionnyi-chas-m-lomonosov-vpervye-sformuliroval-vseobshii-estestvennyi-zakon#> (дата обращения: 27.06.2023).

¹⁰ Гримм Д. Д. Указ. соч. С. 19.

¹¹ Гримм Д. Д. Указ. соч. С. 147.

¹² Гербутов В. С. Эволюция обогащения. К учению об обогащении по российскому праву // Вестник гражданского права. 2012. Т. 12, № 2. С. 36–60.

Как известно, они знаменовали собой советский период в истории российского гражданского законодательства, цивилистической доктрины и судебной практики, когда частная собственность отвергалась принципиально. Поэтому характеристику «полноценная» мы используем здесь с некоторой долей условности, так как в данный период по политико-правовым причинам смены государственно-правового строя в России термин «обогащение» стал нежелательным, и его всячески стремились избегать, притом что базовая правовая идея данного института, равно как и его догматика, были в целом сохранены и в той или иной форме, адаптированной к реалиям социалистического строя, нашли воплощение в нормах Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.

Так, его статьями 399–402 было установлено, что обогатившийся за счет другого без достаточного установленного законом или договором основания обязан возратить неосновательно полученное, в том числе и тогда, когда основание обогащения отпадет впоследствии. Кроме того, неосновательно обогатившийся обязан возратить или возместить все доходы, которые он извлек или должен был извлечь из неосновательно полученного имущества с момента, когда он узнал или должен был узнать о неосновательности обогащения. С того же времени у него возникала обязанность отвечать за произведенное или допущенное им ухудшение имущества. До этого момента он отвечает лишь за умысел и грубую небрежность. Со своей стороны, он вправе требовать возмещения произведенных им необходимых затрат на имущество с того времени, с которого он обязан возратить доходы. Не вправе требовать возврата уплаченного исполнивший обязательство, хотя бы лишенное исковой силы, но не являющееся недействительным в силу закона. Обогатившийся за счет другого лица, вследствие противозаконного или направленного в ущерб государству действия этого лица, обязан внести неосновательно полученное в доход государства¹³.

Анализируя данное правовое регулирование, Е. А. Флейшиц подчеркивала, что слово «обогащение» связано с отношениями, основанными на частной собственности, а потому термин «обязательство из неосновательного обогащения» представляется неточным: в капиталистическом обществе, где есть частная собственность, всякое обогащение является обогащением за счет другого, ибо капиталисты всегда обогащаются не иначе как за счет эксплуатируемого класса трудящихся. Взамен были предложены термины «неосновательное приобретение» или «неосновательное получение имущества», а пока в научный оборот они введены не были, чаще всего употреблялось словосочетание «обязательства из так называемого неосновательного обогащения»¹⁴. Они, как писала Е. А. Флейшиц, «являются гражданско-правовым средством защиты социалистической собственности или производной от нее личной собственности» и в ряде случаев применяются, когда предъявление требований о возмещении вреда или виндикации невозможно¹⁵.

Аналогичную позицию находим и у других авторов. Например, В. А. Рясенцев указывал, что с ликвидацией частной собственности в СССР была уничтожена и почва для обогащения, поскольку сама социалистическая природа социалистических организаций с обогащением несовместима — в отличие от оправданности данной конструкции в капиталистическом обществе, основанном на частной собственности. В советских же условиях термин «неосновательное обогащение» действительным экономическим отношениям в стране совсем не отвечает, а потому ситуацию перехода ценностей без достаточного установленного основания целесообразно обозначать с помощью таких терминов, как «обязательство из неосновательного получения (приобретения) или получения недолжного»¹⁶.

Преимственность в интерпретациях правоотношений по неосновательному обогащению интересно прослеживается в специальном исследовании В. С. Гербутова¹⁷. За основу кри-

¹³ Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. // URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/grk_22 (дата обращения: 27.06.2023).

¹⁴ Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М.: Госюриздат, 1951. С. 209–211.

¹⁵ Флейшиц Е. А. Указ. соч. С. 221.

¹⁶ Приводится по: Гербутов В. С. Эволюция обогащения. К учению об обогащении по российскому праву // Вестник гражданского права. 2012. Т. 12, № 2. С. 49.

¹⁷ Гербутов В. С. Указ. соч. С. 36–60.

тического юридического анализа процессов становления данного института, начиная с XIX в. автор берет германскую доктрину того времени, учитывая названное нами выше обстоятельство ее влияния на отечественную правовую мысль, а значит, и на законодательство, и на практику его применения. Далее в сравнительно-сопоставительной ретроспективе рассматриваются положения российской правовой доктрины и нормы о неосновательном обогащении, впервые воплощенные в позитивном гражданском праве советского периода. Делается общий вывод, что на этом этапе догматического развития кондикционных обязательств в отечественном праве есть различия между вновь закрепленной конструкцией и ранее существовавшей в доктрине классической моделью, хотя базовая правовая идея запрета неосновательного обогащения в целом сохранена. Если ранее в основание возникновения обязательства и его предмета было положено неосновательное обогащение в виде разницы между состоянием имущества лица, предшествующим наступлению события обогащения, и последующим его состоянием, то теперь говорилось о полученном, то есть об уже приобретенном или сбереженном имуществе, с прибавлением извлеченных с определенного момента доходов, но и за вычетом необходимых расходов, понесенных на содержание имущества¹⁸.

Рассмотрев основные положения учения Д. Д. Гримма о неосновательном обогащении в том же сравнительно-сопоставительном ключе, В. С. Гербутов отмечает его сходство с германской правовой традицией и полагает, что их общий подход может быть назван «совокупно-имущественным». Экономическим реалиям своего времени данный подход отвечал в полной мере, тогда как в современных условиях более предпочтителен другой подход, а именно предметно-ориентированный.

Характеризуя этот подход, В. С. Гербутов указывает, например, на то, что в классическом учении Д. Д. Гримма никак не отражены услуги. Между тем доктрина того времени обращала внимание на возможность возникновения обогащения также и в тех случаях, когда имели место фактические обстоятельства, которые повлекли получение лицом выгоды, напрямую не связанной с изменением прав

и обязанностей лица как таковым. Иными словами, признавалась возможность расширительного толкования: не только собственно имущество, но также и имущественная выгода, вне зависимости от ее конкретного содержания, в определенных ситуациях могла быть квалифицирована как неосновательное обогащение.

За подобными ситуациями постепенно закрепился термин «сбережение», подразумевающий, в частности, такое пользование чужой вещью или услугой, когда в результате не пришлось нести определенные расходы, на сумму которых было бы уменьшено имущество лица, если бы пользование чужой вещью либо услугой не состоялось. Получается, что, воспользовавшись услугой, лицо смогло сберечь некие средства, обогатившись за счет освобождения от необходимости нести расходы.

Итак, к случаям сбережения относится получение работ, услуг и пользование имуществом, а к случаям приобретения — получение того или иного блага (имущественного права, владения вещью и т.д.).

Принимая во внимание, что современную экономику называют экономикой услуг, следует признать, что аспект сбережения в толковании правоотношений по неосновательному обогащению имеет не меньшую значимость, чем аспект получения.

Таким образом, суть предметно-ориентированного подхода к ситуации неосновательного обогащения состоит в том, что конститутивно важен сам факт получения ценности, а не изменения в совокупном имуществе обогатившегося лица¹⁹. При совокупно-имущественном подходе обогащением признается разница между состоянием имущества лица, предшествующим наступлению события обогащения, и последующим, разница между его активом и пассивом перед событием обогащения и по наступлении последнего. При предметно-ориентированном подходе в категорию обогащения включены случаи приобретения и сбережения имущества, которые конституируются не собственно приобретением или сбережением, а самим фактом получения ценности (блага).

Теперь подведем некоторые итоги.

Правоотношения по неосновательному обогащению имеют системное значение для действующего правопорядка. Они находятся в

¹⁸ Гербутов В. С. Указ. соч.

¹⁹ Гербутов В. С. Указ. соч.

весьма обширной правовой области требований, направленных на возмещение ущерба, и являются гражданско-правовыми правоотношениями охранительного типа.

Будучи реальным социальным явлением и одновременно гражданско-правовой категорией, правоотношения по неосновательному обогащению допускают анализ:

- а) с позиций экономики;
- б) с юридических позиций;
- в) с позиций справедливости (в идеале должны совпадать с юридическими позициями, что на практике достижимо не всегда).

Преемственность в интерпретациях правоотношений по неосновательному обогащению, выраженная в динамике их историко-правового развития, обеспечивает вариативность, постепенное усложнение форм и вместе с тем пост-

янство базовой этико-правовой идеи запрета неосновательного обогащения.

Маркерами преемственности являются:

- 1) общий принцип, лежащий в основе соответствующего обязательства;
- 2) формальные и содержательные критерии определения неосновательности в процессе обогащения;
- 3) возможные инструменты (формы, способы и средства) защиты нарушенных прав.

Определяя каждый из перечисленных элементов применительно к тому или иному этапу экономического и правового развития общества, мы получаем общую картину преемственности, которая в прогностических целях может быть экстраполирована на перспективу развития института версионного иска в отечественной правовой системе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гербутов В. С. Эволюция обогащения. К учению об обогащении по российскому праву // Вестник гражданского права. — 2012. — Т. 12, № 2. — С. 36–60.
2. Гримм Д. Д. Очерки по учению об обогащении. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича ; Дерпт : Тип. Шнакенбурга, 1891–1893. — Вып. 1–3.
3. Дамбаров С. Д. Основания возникновения и объекты кондикционных обязательств : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — 197 с.
4. Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. — XVI, 456 с.
5. Резниченко А. И. Кареев Николай Иванович // Новая философская энциклопедия. Т. 2. — М., 2001.
6. Розов Н. С. Философско-антропологические основания политико-правовой регуляции будущего миропорядка // Интелрос. — 2013. — № 2. — URL: http://intelros.ru/readroom/credo_new/k2-2013/19225-filosofsko-antropologicheskie-osnovaniya-politiko-pravovoy-regulyacii-buduschego-miroporyadka.html?ysclid=l6kmefd6kg583272033 (дата обращения: 16.05.2022).
7. Рясенцев В. А. Обязательства из неосновательного обогащения : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1939.
8. Советское гражданское право. Ч. 2 / отв. ред. В. А. Рясенцев. — М. : Госюридиздат, 1961. — 575 с.
9. Ушивцева Д. А. Обязательства вследствие неосновательного обогащения: вопросы теории и практики. — Тюмень : Слово, 2006. — 296 с.
10. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. — М. : Госюридиздат, 1951. — 239 с.

Материал поступил в редакцию 4 апреля 2023 г.

REFERENCES

1. Gerbutov VS. Evolyutsiya obogashcheniya. K ucheniyu ob obogashchenii po rossiyskomu pravu [The evolution of enrichment. To the Doctrine of enrichment under Russian Law]. *Civil Law Review*. 2012;12(2);36-60. (In Russ.).
2. Grimm DD. Ocherki po ucheniyu ob obogashchenii [Essays on the doctrine of enrichment]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Publ.; Derpt. Schnackenburg Publ.; 1891–1893 Issues 1-3. (In Russ.).

3. Dambarov SD. Osnovaniya vozniknoveniya i obekty kondiktsionnykh obyazatelstv: dis. ... kand. yurid. nauk [Grounds for the occurrence and objects of conditional obligations: Cand. Sci. (Law) Diss.]. Moscow; 2007. (In Russ.).
4. Kareev NI. Osnovnye voprosy filosofii istorii [The main questions of the philosophy of history]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Publ.; 1897. (In Russ.). XVI, 456 p.
5. Reznichenko AI. Kareev Nikolay Ivanovich. In: The New Philosophical Encyclopedia. Vol. 2. Moscow, 2001. P. 217.
6. Rozov NS. Filosofsko-antropologicheskie osnovaniya politiko-pravovoy regulyatsii budushchego miroporyadka [Philosophical and anthropological foundations of political and legal regulation of the future world order]. *Intelros*. 2013;2. Available at: http://intelros.ru/readroom/credo_new/k2-2013/19225-filosofsko-antropologicheskie-osnovaniya-politiko-pravovoy-regulyacii-buduschego-miroporyadka.html?ysclid=l6kmefd6kg583272033 [Accessed: 16.05.2022]. (In Russ.).
7. Ryasentsev VA. Obyazatelstva iz neosnovatel'nogo obogashcheniya: dis. ... kand. yurid. nauk. [Obligations from unjustified enrichment: Cand. Sci. (Law) Diss.]. Moscow; 1939. (In Russ.).
8. Ryasentsev VA (ed.). Sovetskoe grazhdanskoe pravo. Ch. 2 [Soviet civil law]. Part 2. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1961. (In Russ.).
9. Ushvtseva DA. Obyazatelstva vsledstvie neosnovatel'nogo obogashcheniya: voprosy teorii i praktiki [Obligations due to unjustified enrichment: issues of theory and practice]. Tyumen: Slovo Publ.; 2006. (In Russ.).
10. Fleishits EA. Obyazatelstva iz prichineniya vreda i iz neosnovatel'nogo obogashcheniya [Obligations from causing harm and from unjustified enrichment]. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1951. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.042-051

В. А. Гончарова*

Компенсация морального вреда потерпевшим от преступлений в контексте противоречий высших судов

Аннотация. Вопросы применения норм о компенсации морального вреда как о способе защиты прав лиц, потерпевших от преступлений, традиционно являются одними из самых дискуссионных. Проблемы установления оснований компенсации, а также определения ее размера, соответствующего степени вины нарушителя, характеру страданий потерпевшего и иным заслуживающим внимания обстоятельствам, на всем протяжении действия норм обновленного ГК РФ приковывали внимание не только представителей цивилистической доктрины, но и высших судебных инстанций. В большинстве случаев формулируемые последними выводы находились в полном соответствии с нормами гражданского законодательства, не противоречили друг другу и в своем комплексе обеспечивали единообразие в применении положений о компенсации морального вреда и должную защищенность прав потерпевших граждан. Однако анализ издаваемых на протяжении последних двух лет актов Верховного и Конституционного судов свидетельствует о наличии в их подходах существенных противоречий к определению оснований допустимости компенсации и особенностей ее применения, что всё более отражается на региональной и кассационной судебной практике. Так, в противоречии с устоявшимися позициями Верховного Суда находятся положения, сформулированные Конституционным Судом в постановлении от 26.10.2021 № 45-П, где последний, по существу, сформулировал презумпцию наличия моральных страданий у лица при совершении против него любого преступления, а также в постановлении от 02.03.2023 № 7-П, где он допустил возможность компенсации морального вреда в пользу лица, по определению не способного эти страдания нести, — ребенка, не родившегося к моменту смерти своего родителя. Подобный нарратив, безусловно, не может быть оценен положительно и нуждается в основательной доктринальной оценке.

Ключевые слова: компенсация морального вреда; моральные страдания; способ защиты гражданских прав; потерпевший; судебная практика; нематериальное благо; личное неимущественное право.

Для цитирования: Гончарова В. А. Компенсация морального вреда потерпевшим от преступлений в контексте противоречий высших судов // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 8. — С. 42–51. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.042-051.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00496).

Moral Damage Compensation to Victims of Crimes in the Context of Contradictions Existing between Higher Courts

Valeria A. Goncharova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law;
Senior Researcher, Laboratory of Social and Legal Studies, Tomsk State University
pr. Lenina, d. 34, Tomsk, Russia, 634050
valeria.goncharova.93@bk.ru

Abstract. The issues of applying the rules for moral damage compensation as a way to protect the rights of victims of crimes are traditionally among the most controversial. The problems of establishing the grounds for compensation,

© Гончарова В. А., 2023

* Гончарова Валерия Андреевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Томского государственного университета
пр. Ленина, д. 34, г. Томск, Россия, 634050
valeria.goncharova.93@bk.ru

as well as determining its size, corresponding to the degree of fault of the offender, the nature of the victim's suffering and other noteworthy circumstances, throughout the validity of the norms of the updated Civil Code of the Russian Federation, attracted the attention of not only representatives of civil doctrine, but also of higher judicial instances. In most cases, the conclusions formulated by the latter were in full compliance with the norms of civil legislation, they did not contradict each other and in their entirety ensured uniformity in the application of provisions on compensation for moral damage and due protection of the rights of injured citizens. However, an analysis of the acts of the Supreme and Constitutional Courts issued over the past two years indicate that there are significant contradictions in their approaches to determining the grounds for the admissibility of compensation and the specifics of its application, which is increasingly reflected in regional and appellate judicial practice. Thus, in contradiction with the established positions of the Supreme Court are the provisions formulated by the Constitutional Court in Resolution No. 45-P of 26.10.2021, where the latter, in essence, defined the presumption of moral suffering in a person when the crime against him is committed, as well as in Resolution No. 7-P of 02.03.2023, where the Constitutional Court provided for the possibility of compensation of moral harm in favor of a person who, by definition, is not able to bear these sufferings — a child who was not born at the time of his parent's death. Such a narrative, of course, cannot be evaluated positively and needs a thorough doctrinal assessment.

Keywords: compensation for moral harm; moral suffering; method of protection of civil rights; victim; judicial practice; intangible benefit; personal non-property right.

Cite as: Goncharova VA. Kompensatsiya moralnogo vreda poterpevshim ot prestupleniy v kontekste protivorechiy vysshikh sudov [Moral Damage Compensation to Victims of Crimes in the Context of Contradictions Existing between Higher Courts]. *Lex russica*. 2023;76(8):42-51. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.042-051. (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgments. The reported study was funded by the Russian Scientific Foundation (project № 22-18-00496).

Обновленные в конце 2022 г. разъяснения Верховного Суда РФ, посвященные применению норм о компенсации морального вреда и сформулированные в виде постановления Пленума от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», разрешили ряд важных проблем, связанных с защитой прав граждан за счет возмещения им понесенных в силу тех или иных причин моральных страданий. Многие выводы, сделанные в данном постановлении, органично «синхронизированы» с соображениями, уже ранее высказанными Верховным Судом в постановлениях от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», а также от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу». В рамках приведенных актов высшей судебной инстанцией были сформулированы базовые, в целом теоретически и законодательно обоснованные подходы к определению основания и условий компенсации морального вреда, на протяжении долгого времени обеспечивавшие единообразие в применении норм данного правового института. Новые же разъяснения, безуслов-

но местами с доктринальных и практических позиций не бесспорные, были нацелены в том числе на аккумулирование и систематизацию всех положительно зарекомендовавших себя подходов с учетом меняющихся и усложняющихся общественных отношений.

Так, особое внимание Верховным Судом РФ в обновленном постановлении было уделено допустимости компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав лица (п. 4, 5 постановления). В продолжение выводов, сформулированных в приведенных ранее постановлениях, посвященных гражданскому иску и участию потерпевшего в уголовном судопроизводстве, высшая судебная инстанция вновь указала на возможность применения компенсации при одновременном с нарушением имущественных прав нарушении и личных неимущественных прав или посягательстве на нематериальные блага. Системное толкование положений п. 4 и 5 нового постановления не оставляет сомнений в применимости подобного толкования и при совершении преступления против собственности: лишь особая немущественная ценность уничтоженной, похищенной или поврежденной вещи и ее связь с нематериальным благом или немущественным правом, а не только факт совершения преступления обуславливает возможность компенсировать потерпевшему его моральные страдания.

Актуальность, по всей видимости, сохранили (в силу их неопровержения в новом постановлении) и ранее сделанные Верховным Судом РФ выводы о том, что при рассмотрении дел о компенсации морального вреда в связи со смертью потерпевшего иным лицам, в частности членам его семьи, иждивенцам, суд должен учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий. Един лишь факт наличия родственных отношений не является достаточным для применения данного способа защиты (п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1).

Данное положение традиционно поддерживалось и поддерживается на уровне практики региональных судов. Так, в одном из дел кассационный суд, соглашаясь с выводами апелляционной инстанции и отказывая в компенсации морального вреда братьям скончавшегося в результате преступления лица, указал, что «наличие факта родственных отношений само по себе не является достаточным основанием для компенсации морального вреда, судом апелляционной инстанции при определении размера компенсации морального вреда было учтено, что погибший Г. В. не вел совместное хозяйство с истцами, совместно с ними одной семьей не проживал. Также судом апелляционной инстанции было принято во внимание имущественное положение ответчика, наличие на иждивении двух несовершеннолетних детей... наличие у погибшего иных родственников, которые могут обратиться за компенсацией»¹.

Впрочем, несмотря на наличие приведенного базового постановления, потенциалу которого еще предстоит раскрыться, а также иных актов Верховного Суда РФ, подход к толкованию правовых норм, посвященных компенсации морального вреда, за последнее время существенно изменился, причем, как представляется, далеко не в лучшую сторону. Причиной тому — выводы, сделанные Конституционным Судом РФ в его

знаковых постановлениях от 02.03.2023 № 7-П и от 26.10.2021 № 45-П, практически во всем противоречащие актуальным позициям Верховного Суда РФ. Объединяющим звеном данных постановлений является введение Конституционным Судом РФ своего рода предположений, текстуально напоминающих презумпции, о причинении морального вреда определенным лицам в силу их положения, семейного статуса либо их нахождения в определенной психотравмирующей (в широком смысле) обстановке.

Прежде всего, следует заметить, что само понятие презумпций как особых юридических конструкций в доктрине российского права четко не определено; вопросы же их выявления в тексте нормативных правовых актов не разрешены однозначно. В целом отечественная теория права, а также имеющиеся отраслевые исследования различных периодов свидетельствуют о постоянном и пристальном внимании ученых к понятию правовой презумпции и ее функциональному назначению². Одним из первых теоретиков, обративших внимание на презумпции как особый феномен в конструировании правовой нормы, был Д. И. Мейер, писавший об их способности как устранять споры между участниками правоотношений, так и ускорять разбирательство по делу³.

На советском этапе развития права вопросы толкования и применения правовых положений, содержащих в себе презумпции, рассматривались как в рамках общетеоретических монографических и диссертационных исследований, так и на уровне отраслевых работ⁴. В тот период подчеркивалось, что с сущностных позиций презумпция является «нормативным закреплением того порядка отношений, который признается обычным, постоянным, нормальным и обладающим поэтому максимально высокой степенью вероятности»⁵.

Значительное внимание феномену презумпций уделяют и современные исследователи, отмечающие их особое назначение в виде

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.03.2022 № 88-7610/2022.

² Об этом см.: *Булаевский Б. А.* Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений. М.: Инфра-М, 2014.

³ Приводится по: *Булаевский Б. А.* Указ. соч.

⁴ *Бабаев В. К.* Презумпции в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Горький, 1974 // *Юридическая техника*. 2010. № 4. С. 15–22; *Воложанин В. П.* Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1953. 15 с.; *Качур Н. Ф.* Презумпции в советском семейном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982. 216 с.; *Ойгензихт В. А.* Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе: Ирфон, 1976. 190 с.

⁵ *Бабаев В. К.* Указ. соч. С. 17.

устранения противоречий в правовом регулировании, предотвращения правовой неопределенности, а также — за счет всего изложенного — минимизации трудностей в правоприменении. Указывается, что презумпции, несмотря на их очевидное процессуальное значение для целей распределения бремени доказывания, влияют и на материальное правоотношение, определяя права и обязанности сторон⁶. Как подчеркивает М. Н. Бронникова при характеристике презумпций в гражданском праве, последние, будучи закрепленными в гражданско-правовой норме или в условии договора правилами, содержащими предположение о характеризующем субъект гражданского правоотношения, или объект гражданских прав, или юридический факт признаке, который может быть опровергнут, сложны в собственном выявлении⁷. Автор обращает внимание на то, что при всей внешней ясности содержания конструкции презумпции как опровергаемого предположения действующее законодательство в целом и гражданское в частности не отличаются единообразием в нормативном закреплении презумпций. Данное обстоятельство вызывает трудности в правоприменении при распределении бремени доказывания и в конечном итоге в разрешении гражданского спора.

В числе выполняемых презумпциями функций, помимо обозначенных выше и нацеленных в большей степени на упорядочивание правоприменения, в современной литературе также выделяются такие функции, как «признание интереса, реализация интереса, обеспечение интереса, защита интереса»⁸. Данная особая роль презумпций, а также заложенный в них потенциал, направленный на перераспределение в установлении юридически значимых обстоятельств, соответствующий предполагаемой социальной норме, позволяет согласиться с позицией о том, что «местом формирования» нормы, содержащей презумпцию, может быть исключительно закон, но не акт судебной власти какого бы то ни было уровня⁹.

С одной стороны, как свидетельствует анализ действующих постановлений Верховного Суда РФ, в ряде случаев суд — без опоры на гражданское законодательство — предпола-

гает причинение лицу моральных страданий, например при причинении вреда здоровью потерпевшего лица. Так, по смыслу абз. 1 п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 причинение вреда здоровью гражданина само по себе свидетельствует о наличии оснований для компенсации морального вреда, установлению же в судебном разбирательстве по такой категории дел подлежит только размер компенсируемой суммы. С другой стороны, представленный подход высшей судебной инстанции содержит в себе лишь толкование законодательных положений: определение морального вреда в том числе как физических страданий, очевидно, означает, что любой физический вред здоровью лица влечет возможность компенсации. В этой связи приведенные положения п. 32, хотя внешне и напоминают презумпцию, *предопределяющую* право на компенсацию, по существу, таковой не являются. Закономерно также, что с учетом понятия морального вреда в целом его наличие у лица при посягательстве на его здоровье ни при каких условиях не может быть опровергнуто.

Иная — достаточно опасная — тенденция складывается на уровне подходов Конституционного Суда РФ, который в своих постановлениях подчас вводит самые настоящие презумпции причинения моральных страданий гражданам. Так, в постановлении от 26.10.2021 № 45-П Суд указал на то, что статья 151 ГК РФ «как таковая не исключает компенсацию морального вреда в случае совершения в отношении гражданина любого преступления против собственности, которое нарушает не только имущественные права данного лица, но и его личные неимущественные права или посягает на принадлежащие ему нематериальные блага (включая достоинство личности), если при этом такое преступление причиняет лицу физические или нравственные страдания». Подобная формулировка не только идет вразрез со сформулированными ранее Верховным Судом подходами и положениями ГК РФ в целом, но и — что гораздо хуже для целей единства практики и толкования законодательства — безгранично расширяет случаи применения компенсации морального вреда как способа защиты прав

⁶ Бронникова М. Н. Гражданско-правовая презумпция по российскому законодательству: содержание, правовые формы и применение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2006. С. 8.

⁷ Бронникова М. Н. Указ. соч. С. 3–4.

⁸ Булаевский Б. А. Указ. соч.

⁹ Бронникова М. Н. Указ. соч. С. 8–9.

лиц, потерпевших от имущественных преступлений. В логике Суда выходит, что любое такое преступное посягательство по умолчанию может затронуть достоинство потерпевшего, а следовательно, дать ему право на возмещение собственных моральных страданий; иное же может быть опровергнуто причинителем вреда.

В то же время анализ ситуации, ставшей предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ, показывает, что оснований для подобного рода притянутых и не основанных на законе умозаключений у него не было вовсе: моральные страдания лицу были причинены отнюдь не совершенными в его отношении мошенническими действиями работников патологоанатомического учреждения, вопреки требованиям закона выдавших ему тело скончавшейся матери за плату, а самой невозможностью должным образом проститься с ней, отдать дань уважения близкому родственнику. В контексте открытого характера перечня нематериальных благ ст. 150 ГК РФ, на который, кстати, обратил внимание Верховный Суд в новом постановлении, речь в анализируемом деле шла, вероятно, о нарушении личного немущественного права на уважение родственных и семейных связей, права на уважение тела после смерти, права на достойное погребение, на которые, к слову, ранее обращал внимание сам Конституционный Суд РФ¹⁰, но не о моральных страданиях в связи с потерей уплаченных денежных средств.

Всё это видится особенно опасным и в контексте того, что, собственно, в целом понимается под достоинством личности. Как отмечается в литературе, достоинство представляет собой «защищаемое правовыми нормами нематериальное благо, представляющее собой положительную самооценку индивидом своих моральных, нравственных, интеллектуальных и профессиональных качеств»¹¹, «внутреннюю оценку личности, осознание ею собственных

личных качеств, способностей, мировоззрения, выполненного долга и своего общественного значения, а также ощущение своей ценности как человека вообще (человеческое достоинство), как конкретной личности (личное достоинство), как представителя определенной социальной группы или общности (к примеру, профессиональное достоинство), ценности самой этой общности (к примеру, национальное достоинство)»¹². Особого мнения придерживается Е. М. Подрабинок, с позиции которой «достоинство — это такое нематериальное благо, которое проявляется в следующих аспектах: 1) в самооценке личности; 2) в уважительном отношении к личности»¹³. В последнем случае имеется в виду «уважительное отношение к личности со стороны общества в целом и отдельных его субъектов, которое проявляется в том, что у лица, независимо от его заслуг и достижений в обществе, не появляются основания чувствовать нравственные страдания, переживания, обиду, унижение от жестокого или унижающего человеческого достоинства отношения, от оскорбления, от осуществления кем-либо своих прав с намерением причинить вред»¹⁴. Иными словами, достоинство — это самооценка, измеримая исключительно ее владельцем и лишь ему доступная для восприятия. Допущение возможности защиты достоинства изолированно от иных нематериальных благ формирует поле для злоупотреблений, поскольку ставит применение компенсации морального вреда в зависимость от воздействия на, по существу, недоступное для восприятия благо, различное по содержанию у всех участников оборота. На данное обстоятельство иногда указывается в исследованиях, авторы которых исходят из возможности защиты достоинства лишь одновременно с защитой чести личности¹⁵.

Формально позицию Конституционного Суда РФ можно довести до крайности, допустив возможность предъявления требований

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.06.2007 № 8-П ; определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 459-О.

¹¹ Самородов Д. А. Честь и достоинство по российскому гражданскому праву: социальные основы и правовая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8.

¹² Безроднова Д. В. Честь и достоинство как теоретико-правовые понятия: историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 9, 98.

¹³ Подрабинок Е. М. Особенности гражданско-правовых способов защиты достоинства личности // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 267.

¹⁴ Подрабинок Е. М. Указ. соч. С. 267.

¹⁵ Каменева З. В. Содержание субъективного права человека на честь и достоинство // Адвокат. 2014. № 4. С. 21–23.

о компенсации морального вреда лицам, осужденным за хранение и перевозку наркотиков, за хулиганство и пр., поскольку не исключено, что и в этом случае происходит посягательство на достоинство лица, заявляющего такие требования и выступавшего, например, свидетелем по соответствующему уголовному делу. Резонно допустить удовлетворение требований о компенсации морального вреда, понесенного лицом в результате совершения любого преступления не только против собственности (гл. 21 УК РФ), но и, например, против общественной безопасности и общественного порядка (разд. IX УК РФ), поскольку последние, равно как и имущественные преступления, могут негативно воздействовать на достоинство личности. При этом стоит заметить, что в целом неясно, как, например, кража или мошенничество, иное преступление могут посягнуть на внутреннее восприятие лицом самого себя.

Примечательно то, что рассматриваемое постановление Конституционного Суда РФ было вынесено до публикации новых разъяснений Верховного Суда РФ и могло быть учтено им при их формировании, чего, однако, в силу неизвестных причин не было сделано. Данное обстоятельство оставляет открытым вопрос о соотношении позиций высших судов, что на практике уже выливается в существенные противоречия в правоприменении даже в рамках одних кассационных округов. Так, одни суды со ссылкой на прежние разъяснения Верховного Суда указывают, что сам факт совершения преступления, например кражи или грабежа, недостаточен для компенсации потерпевшему морального вреда и необходимо установить нарушение личного неимущественного права или посягательство на нематериальное благо¹⁶. Другие, напротив, обращают внимание нижестоящих судов на необходимость более детального исследования моральных страданий со ссылкой уже на позицию Конституционного Суда РФ¹⁷. Третьи, в свою очередь, просто указывают на недоказанность наличия нравственных страданий у потерпевшего от преступления¹⁸.

Еще дальше в определении основания для компенсации Конституционный Суд пошел в недавнем постановлении от 02.03.2023 № 7-П, признав по умолчанию право на возмещение морального вреда за ребенком при причинении смерти его родителю. Не вдаваясь в фабулу дела, заметим лишь, что принципиальной особенностью рассмотренного Судом дела явилось то обстоятельство, что на момент смерти потерпевшего его ребенок не просто не знал своего отца, но еще не был рожден, находился в утробе матери, а следовательно, с точки зрения ст. 17 ГК РФ не приобрел гражданскую правоспособность вовсе.

Доводы Суда в этом деле напоминают мотивировку постановления от 26.10.2021 № 45-П. В первую очередь Суд отмечает формальное отсутствие в законодательстве запрета на компенсацию морального вреда лицам, которым «физические или нравственные страдания причинены в результате утраты близкого человека, в том числе когда к моменту его смерти или наступления обстоятельств, приведших к ней, член семьи потерпевшего (его ребенок) еще не родился». В качестве аналогии Суд использует пункт 1 ст. 1088 ГК РФ, устанавливающий право ребенка, родившегося после смерти потерпевшего (кормильца), на возмещение имущественного вреда. В то же время видится, что подобная аналогия абсолютно некорректна: законодательное наделение ребенка правом на получение содержания вследствие смерти его родителя обусловлено необходимостью обеспечения ему нормального уровня жизни (ст. 80 СК РФ), а не покрытия моральных страданий, которые такой ребенок не мог и не может нести по определению. Гражданское законодательство, кроме того, с учетом ст. 150 и 151 ГК РФ не должно конкретно устанавливать каждый случай допустимости компенсации, опускаться на уровень казуистики: для определения оснований для возмещения моральных страданий лицу используется общее учение об условиях и основании деликтной ответственности. Последнее же традиционно определяется в литературе именно как вред, наносящийся у лица и —

¹⁶ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2022 № 88-1304/2022.

¹⁷ Определение Первого кассационного суда от 25.05.2022 № 77-2423/2022 ; кассационное определение Второго кассационного суда от 17.05.2022 № 77-1547/2022 ; кассационное определение Третьего кассационного суда от 17.02.2022 по делу № 77-433/2022 ; кассационное определение Четвертого кассационного суда от 29.09.2022 № 77-3847/2022.

¹⁸ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2021 № 88-25358/2021 ; постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26.04.2022 № 77-2054/2022.

в случае морального вреда — осознаваемый и квалифицируемый им именно как страдание. Отсутствие страданий вследствие совершения противоправного действия или бездействия влечет невозможность применения рассматриваемой меры ответственности как таковой.

Таким образом, то, что ГК РФ не содержит запрета на компенсацию морального вреда таким лицам, следует толковать не как якобы следующую из ГК РФ возможность компенсировать им моральный вред, а как требование установления страданий, причиненных лицу. Если на момент смерти родителя ребенок не был рожден, то он не знал своего родителя, его гибель не могла повлечь у него никаких страданий.

Далее Конституционный Суд, указывая, как и в постановлении от 26.10.2021 № 45-П, на разъяснения Верховного Суда РФ в части компенсации морального вреда при смерти близкого родственника, делает, однако, диаметрально противоположный вывод и пишет, что «эта позиция [п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1] в полной мере применима в конкретной жизненной ситуации, обусловленной смертью одного из родителей, когда факт причинения морального вреда ребенку во всяком случае должен предполагаться, в том числе если на момент смерти отца ребенок еще не родился». Иной подход, по мнению Суда, существенно нарушил бы права детей, родившихся к моменту смерти их родителей.

Однако имеющийся законодательный подход и основанное на нем толкование Верховного Суда РФ, допускающие компенсацию лишь при наличии установленных страданий, сами по себе ничего не нарушают. Напротив, необходимость подтверждения факта страданий и следующее из него возложение ответственности на причинителя вреда делает компенсацию морального вреда справедливой в применении. Здесь в равной степени, во-первых, учитывается реальный, а не надуманный вред, причиненный лицу, который должен был осознаваться причинителем, а во-вторых, определяется предел в наказании последнего, достигается правовая определенность. Иными словами, за счет такого регулирования виновное лицо осознает, какие последствия имеет совершенное им деяние, действительно сказывающееся на моральной сфере участников правоотношений. Из приведенного же Конституционным Судом подхода следует, что одного лишь факта родственных отношений (плоскости «родитель — ребенок»)

для целей компенсации морального вреда достаточно, что, повторимся, противоречит сложившемуся подходу Верховного Суда РФ.

Позиция Конституционного Суда в рамках данного дела, вероятно преследовавшего цель защитить ребенка, на практике может породить резонные вопросы: а стоит ли ограничивать круг гарантий ребенка по компенсации морального вреда исключительно случаями смерти отца или матери? Ведь по смыслу положений семейного законодательства ребенок имеет право расти и воспитываться в семье, в которую включены и иные родственники, в том числе бабушки, дедушки, братья и сестры (ст. 54, 55 СК РФ), иногда гораздо более близкие ребенку. Возможна ли компенсация морального вреда ребенку при причинении смерти его потенциальному будущему фактическому воспитателю, супругу или супруге будущего усыновителя? Все указанные вопросы в настоящее время не имеют разрешения, однако вполне допустимо, что практика применения ст. 151 ГК РФ с учетом «духа» анализируемого постановления ответит на них положительно, что приведет к отходу от позиции Верховного Суда РФ, а следовательно, к беспрецедентному расширению оснований для компенсации морального вреда лицам, не испытывающим, по существу, никаких страданий.

Можно допустить также (что, наиболее вероятно, опять же и сделает судебная практика), что при формулировании позиции Конституционный Суд имел в виду не столько страдания, причиненные смертью, сколько страдания, вызванные отсутствием в жизни ребенка его родителя, родственника, иными словами — *нарушением его права жить и воспитываться в семье*. Наличие таких страданий у ребенка и признание их в качестве основания для компенсации было бы, с одной стороны, более соответствующим открытому характеру перечня нематериальных благ и личных неимущественных прав, содержащихся в ст. 150 ГК РФ.

С другой стороны, подобный нарратив, не смотря на свою внешнюю обоснованность и справедливость, достаточно сомнителен, поскольку допустит удовлетворение требований о компенсации морального вреда, причиненного гражданам в связи с виновной гибелью их родителей, случившейся 20, 25 лет назад, что формально возможно с учетом нераспространения исковой давности на такие требования (ст. 208 ГК РФ). Допустимой станет ситуация, когда лицо, осужденное за убийство, например,

в 1997 г. и отбывшее наказание, сейчас может стать ответчиком по иску о компенсации моральных страданий выросшего ребенка убитого им гражданина, который в детстве страдал вследствие отсутствия в живых его родителя.

В указанном контексте опасным становится именно открытый перечень ст. 150 ГК РФ, позволяющий судам самостоятельно «создавать» блага и права, подлежащие защите, и не вводящий при том для такого создания никаких ориентиров. В этом аспекте, к слову, не так давно высказался и Верховный Суд, сформировав подход, также способный привести к универсализации компенсации морального вреда как способа защиты прав граждан, потерпевших от преступлений. Так, примечательно рассмотренное Судом дело о компенсации морального вреда родственникам и опекунам выжившего в дорожно-транспортном происшествии ребенка¹⁹, позиция по которому видится созвучной позиции Конституционного Суда в постановлении от 02.03.2023 № 7-П. В данном деле Верховный Суд допустил возможность компенсировать моральные страдания не только самому потерпевшему, но и иным лицам, испытывающим страдания в результате произошедшего, мотивируя это наличием у них права на уважение семейных и родственных связей. Несмотря на всю свою справедливость, подобный подход всё же опасен не менее тех, что сейчас формулирует Конституционный Суд РФ: возникают вопросы, скольким и каким именно родственникам компенсировать моральный вред при причинении вреда здоровью члену их семьи, компенсировать ли вред только родственникам или это возможно в пользу фактических воспитателей, сожителей, друзей? Право на уважение родственных и семейных связей, кстати, нашло отражение как охраняемое право и в новом постановлении (п. 1), а потому все обозначенные вопросы по-прежнему актуальны.

Знаковым является и дело, в котором Верховный Суд РФ допустил компенсацию морального вреда лицу при причинении смерти его домашнему животному. В качестве аргументов своей позиции Суд подчеркнул два обстоятельства: во-первых, очевидно, по мнению Суда, что между домашним животным и его владельцем формируется крепкая психоэмоциональная связь, характеризующаяся привязанностью,

любовью, а следовательно, «при определенных обстоятельствах гибель животных может причинять их владельцу не только имущественный вред, но и нравственные страдания, в частности в силу эмоциональной привязанности, психологической зависимости, потребности в общении по отношению к конкретному животному»²⁰. Во-вторых, Суд отметил, что свидетельством повышенной охраны животных как особых объектов гражданских прав являются статья 245 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за жестокое обращение с животными, а также статья 137 ГК РФ, вводящая категорию гуманности как требования при осуществлении прав на них. Однако данный подход не был воспринят самим же Судом в новом постановлении, что оставляет открытым вопрос о его применимости в настоящий момент.

Интересно и то, что, как уже было отмечено, Верховный Суд для целей компенсации при нарушении имущественных прав указал на необходимость установления того, что утраченная вещь представляет для ее собственника особую неимущественную ценность и что посягательство на данную вещь должно быть формой посягательства на нематериальное благо или нарушения личного неимущественного права. В то же время, несмотря на внешне успешную попытку высшей судебной инстанции обобщить ранее сформулированные ею подходы в части связи нарушения личных неимущественных и имущественных прав, посягательства на нематериальные блага, сама категория «особой неимущественной ценности» в контексте открытого перечня ст. 150 ГК РФ может толковаться судами весьма спорно и неоднозначно. Так, формально не противоречит подходу Суда удовлетворение требования о компенсации морального вреда, причиненного в связи с хищением унаследованной квартиры, подаренной родителем машины и пр. Получается, что любая связь вещи с семьей является основанием для возмещения моральных страданий в связи с ее гибелью или утратой, что вряд ли отвечает назначению норм о компенсации и вновь допускает расширительное их толкование.

Всё изложенное противоречит принципу правовой определенности, на необходимость следования которому неоднократно обращали внимание сами высшие суды²¹: компенсация

¹⁹ Определение Верховного Суда РФ от 08.07.2019 № 56-КГПР19-7.

²⁰ Определение Верховного Суда РФ от 21.06.2022 № 15-КГ22-1-К1.

²¹ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П.

морального вреда всегда и без подобных конфликтов в их подходах рассматривалась как крайне сложный в применении способ защиты гражданских прав. Доказывание самого основания компенсации моральных страданий, даже возникших от нарушения традиционных личных неимущественных прав и посягательства на нематериальные блага, определение размера компенсации — данные трудности на всем протяжении действия современного ГК РФ сопровождали институт компенсации морального вреда, однако с недавнего времени усилиями Конституционного и Верховного Судов «приправились» еще более значительными проблемами.

Анализ определений Верховного Суда и постановлений Конституционного Суда о компенсации морального вреда свидетельствует о склонности указанных органов подвергать закрепленные в ГК РФ нормы о допустимых случаях компенсации чрезмерно расширительному толкованию, устанавливая иногда прямо не следующие из закона презумпции, освобождающие потерпевших от доказывания факта причинения им физических и (или) моральных страданий, вводить новые нематериальные блага и личные неимущественные права. Налицо попытки судов обойти законодательные нормы, сформировать «лазейки», оправдывающие их собственные небесспорные подходы и свидетельствующие о принятии ими на себя не принадлежащих им нормотворческих функций. Всё это в конечном итоге способно привести к универсализации компенсации морального вреда — возможности использовать данный способ защиты в абсолютно любой ситуации,

когда у потерпевшего наличествуют или могут наличествовать какие-либо страдания.

Важно и то, что в условиях подобного конфликта позиций высших судов и с учетом значения постановлений Конституционного Суда, стоящих по юридической силе выше актов Верховного Суда²², весьма сомнительной становится роль последнего в осуществлении его законных полномочий по обеспечению единообразия судебной практики²³.

Впрочем, видеть причину сложившейся ситуации исключительно в деятельности судов в корне неверно. Определение достоинства как автономного от чести и подлежащего самостоятельной защите нематериального блага (ст. 150 ГК РФ), закрепление открытого перечня как нематериальных благ, так и личных неимущественных прав — всё это стало итогом работы законодателя при разработке и принятии обновленного ГК РФ²⁴. Не вызывает сомнений, что обеспечение комфортного и безопасного существования личности является одной из важнейших задач любого правового и социального государства, однако вряд ли стóит решать ее путем описанного ранее непоследовательного применения правовых положений, создающего риск массовых злоупотреблений и юридической неопределенности.

Следует лишь надеяться на то, что практика применения положений о компенсации морального вреда со временем всё же стабилизируется, достигнет единообразия и некоторая ясность в основаниях ее назначения потерпевшему, утраченная в связи с конфликтами высших судов, будет восстановлена.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бабаев В. К.* Презумпции в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Горький, 1974 // Юридическая техника. — 2010. — № 4. — С. 15–22.
2. *Безроднова Д. В.* Честь и достоинство как теоретико-правовые понятия: историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2014. — 165 с.
3. *Бронникова М. Н.* Гражданско-правовая презумпция по российскому законодательству: содержание, правовые формы и применение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2006. — 26 с.
4. *Булаевский Б. А.* Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений. — М. : Инфра-М, 2014.

²² Ст. 79 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации».

²³ Ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации».

²⁴ Критическая оценка данных положений законодательства выходит за рамки данной статьи и заслуживает самостоятельного исследования.

5. Воложанин В. П. Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1953. — 15 с.
6. Каменева З. В. Содержание субъективного права человека на честь и достоинство // Адвокат. — 2014. — № 4. — С. 21–23.
7. Качур Н. Ф. Презумпции в советском семейном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1982. — 216 с.
8. Мейер Д. И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях // Избранные произведения по гражданскому праву. — М., 2003. — С. 53–162.
9. Ойгензихт В. А. Презумпции в советском гражданском праве. — Душанбе : Ирфон, 1976. — 190 с.
10. Подрабинок Е. М. Особенности гражданско-правовых способов защиты достоинства личности // Пермский юридический альманах. — 2018. — № 1. — С. 258–267.
11. Самородов Д. А. Честь и достоинство по российскому гражданскому праву: социальные основы и правовая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — 32 с.

Материал поступил в редакцию 2 мая 2023 г.

REFERENCES

1. Babaev VK. Prezumptsiy v sovetskom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. [Presumptions in Soviet law: Author's Abstract]. Gorkiy; 1974. *Yuridicheskaya tekhnika*. 2010;4:15-22. (In Russ.).
2. Bezrodnova DV. Chest i dostoinstvo kak teoretiko-pravovye ponyatiya: istoriko-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk [Honor and dignity as theoretical and legal concepts: historical and legal research: Cand. Sci. (Law) Diss.]. Chelyabinsk; 2014. (In Russ.).
3. Bronnikova MN. Grazhdansko-pravovaya prezumptsiya po rossiyskomu zakonodatelstvu: sodержanie, pravovye formy i primeneniye: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Civil presumption under Russian legislation: content, legal forms and application: Author's Abstract]. Samara; 2006. (In Russ.).
4. Bulaevsky BA. Prezumptsiy kak sredstva pravovoy okhrany interesov uchastnikov grazhdanskikh pravootnosheniy [Presumptions as a means of legal protection of the interests of participants in civil legal relations]. Moscow: Infra-M Publ.; 2014. (In Russ.).
5. Volozhanin VP. Yuridicheskie predpolozheniya v sovetskom grazhdanskom prave i protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Legal assumptions in the Soviet civil law and process: Author's Abstract]. Sverdlovsk; 1953. (In Russ.).
6. Kameneva ZV. Soderzhanie subektivnogo prava cheloveka na chest i dostoinstvo [The content of the subjective human right to honor and dignity]. *Advokat*. 2014;4:21-23. (In Russ.).
7. Kachur NF. Prezumptsiy v sovetskom semeynom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. [Presumptions in Soviet family law: Cand. Sci. (Law) Diss.]. Sverdlovsk; 1982. (In Russ.).
8. Meyer DI. O yuridicheskikh vymyslakh i predpolozheniyakh, o skrytykh i pritvornykh deystviyakh [About legal fictions and assumptions, about hidden and pretended actions]. In: Selected works on civil law. Moscow; 2003. (In Russ.). Pp. 53–162. (In Russ.).
9. Eugenzicht VA. Prezumptsiy v sovetskom grazhdanskom prave [Presumptions in Soviet civil law]. Dushanbe: Irfon Publ.; 1976. (In Russ.).
10. Podrabinok EM. Osobennosti grazhdansko-pravovykh sposobov zashchity dostoinstva lichnosti [Features of civil law methods of protecting the dignity of the individual]. *Perm Legal Almanac*. 2018;1:258-267. (In Russ.).
11. Samorodov DA. Chest i dostoinstvo po rossiyskomu grazhdanskomu pravu: sotsialnye osnovy i pravovaya kharakteristika: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Honor and dignity in Russian civil law: social foundations and legal characteristics: Author's Abstract]. Moscow; 2005. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.052-066

Е. Е. Якушева*

Принцип эстоппеля в гражданском праве как механизм предотвращения противоречивого поведения

Аннотация. В статье рассмотрена правовая природа принципа эстоппеля, применяемого как вследствие недобросовестных действий стороны, так и ввиду ее непоследовательного поведения. Анализу подлежит возможность применения немецкого принципа *protestatio facto contraria* (возражение против фактического волеизъявления), а также сопоставление эстоппеля и принципа континентального права *venire contra factum proprium*.

В исследовании проводится классификация правовых норм, регламентирующих применение принципа эстоппеля, выделяются две категории норм: связанные с запретом недобросовестных действий, а также направленные на сохранение договора. Автором сопоставлены между собой нормы российского гражданского законодательства, регулирующие применение принципа эстоппеля, а также выделены условия, при которых допускается его применение. В статье рассматривается вопрос возможности применения принципа эстоппеля при отсутствии у стороны намерений нанести вред контрагенту.

Автором проанализирована судебная практика, связанная с запретом на противоречивое поведение. В частности, судебные споры, вызванные ссылками сторон на незаключенность или недействительность договора, а также связанные с непоследовательным отказом стороны от договора. Дополнительно автором выявлены обстоятельства, подлежащие доказыванию при ссылке стороны на необходимость применения принципа эстоппеля.

По итогам проведенного анализа предлагаются варианты совершенствования законодательства, регулирующего применение принципа эстоппеля. В частности, автор предлагает ввести следующие критерии для анализа необходимости применения принципа эстоппеля: степень обоснованности и разумности ожиданий поведения контрагента; анализ поведения контрагента; наличие причинно-следственной связи между непоследовательным поведением стороны и ущербом, нанесенным положившейся стороне; степень ущерба, причиненного стороне вследствие недобросовестного поведения контрагента.

Ключевые слова: принцип эстоппеля; *estoppel*; анализ судебной практики, связанной с применением принципа эстоппеля; *venire contra factum proprium*; непоследовательность субъектов гражданских правоотношений; противоречивое поведение; *protestatio facto contraria*.

Для цитирования: Якушева Е. Е. Принцип эстоппеля в гражданском праве как механизм предотвращения противоречивого поведения // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 8. — С. 52–66. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.052-066.

© Якушева Е. Е., 2023

* Якушева Елена Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент департамента публичного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), MBA (California State University), LLM (University of London)
Б. Трехсвятительский пер., д. 3, г. Москва, Россия, 109028
eeyakusheva@hse.ru

The Principle of Estoppel in Civil Law as a Mechanism for Preventing Contradictory Behavior

Elena E. Yakusheva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Public Law, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE); MBA (California State University), LLM (University of London)
B. Trekhsvyatitsky per., d. 3, Moscow, Russia, 109028
eeyakusheva@hse.ru

Abstract. The paper examines the legal nature of the estoppel principle, applied both as a result of unfair actions of the party and because of the party's inconsistent behavior. The paper analyzes the possibility of applying the German principle of *protestatio facto contraria* (objection to the actual expression of will) and compares estoppel and the continental law principle *venire contra factum proprium*.

The study classifies the rules of law regulating the application of the estoppel principle; two categories of norms are distinguished, namely, the norms related to the prohibition of unfair actions and the norms aimed at preserving the contract. The author compares the norms of the Russian civil legislation regulating the application of the estoppel principle and highlights the conditions under which its application is allowed. The paper discusses the possibility of applying the principle of estoppel in the absence of the party's intentions to harm the counterparty. The author analyzes the court practice related to the prohibition of contradictory behavior. In particular, the author analyzes legal disputes caused by the parties' references to the non-conclusion or invalidity of the contract, as well as related to the inconsistent refusal of the party from the contract. Additionally, the author identified the circumstances to be proved when referring the parties to the need to apply the estoppel principle.

Based on the results of the analysis, the author proposes options for improving legislative regulation of the application of the estoppel principle. In particular, the author proposes to introduce the following criteria for analyzing the need to apply the estoppel principle: the degree of validity and reasonableness of expectations of the counterparty's behavior; analysis of the counterparty's behavior; a causal relationship between an inconsistent behavior of the party and the damage caused to the relying party; the degree of damage caused to the party as a result of the counterparty's unscrupulous behavior.

Keywords: estoppel principle; estoppel; analysis of judicial practice related to the application of the estoppel principle; *venire contra factum proprium*; inconsistency of subjects of civil legal relations; contradictory behavior; *protestatio facto contraria*.

Cite as: Yakusheva EE. Printsip estoppelya v grazhdanskom prave kak mekhanizm predotvrashcheniya protivorechivogo povedeniya [The Principle of Estoppel in Civil Law as a Mechanism for Preventing Contradictory Behavior]. *Lex russica*. 2023;76(8):52-66. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.052-066. (In Russ., abstract in Eng.).

Постановка проблемы

Российское гражданское законодательство исходит из презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений и разумности их действий. Пока не доказано иное, предполагается, что участники гражданских правоотношений действуют честно, последовательно и в соответствии с их реальными намерениями. Одним из способов защиты при непоследовательных действиях стороны является возможность применения эстоппеля — механизма, запрещающего противоречивое поведение.

Важно понимать, что эстоппель не блокирует непоследовательность как таковую во всех возможных вариациях, а распространяется лишь на те ситуации, когда противоречивое поведение одной стороны создает представление

у второй стороны о намерении совершить или избежать совершения определенных действий. Создание такого представления с дальнейшим изменением модели поведения может быть несправедливым, может подорвать ожидания второй стороны, причинить ей убытки, в связи с чем при наличии спорных ситуаций описанного характера суды применяют эстоппель в отношении действий переменчивой стороны, защищая тем самым контрагентов, получивших негативный эффект вследствие такого непоследовательного поведения. Таким образом, эстоппель можно считать одним из институтов концепции добросовестности поведения участников гражданского оборота.

Существует также процессуальный эстоппель — лишение стороны права ссылаться на какие-либо факты, оспаривать или отрицать их

ввиду ранее ею же сделанного заявления об обратном в ущерб противоположной стороне в процессе¹, однако настоящее исследование посвящено анализу материального эстоппеля, в связи с чем процессуальный эстоппель рассмотрению не подлежит.

Исторически принцип эстоппеля уходит корнями в английское общее право, а сам термин *estoppel* происходит от среднеанглийского *estoppen*, заимствованного предположительно из народной латыни, где *stuprāre* использовалось в значении «заставить замолчать».

При этом в английском праве доктрина эстоппеля не входит в отрасль гражданского права, как, например, обязательственное право или право интеллектуальной собственности, а представляет собой отдельную отрасль права, благодаря которой заполняются пробелы в регулировании².

В континентальном праве существует аналогичный принцип *venire contra factum proprium* (нарушение собственного предыдущего поведения), который выводится из общей презумпции добропорядочности участников гражданского оборота и обычно используется в качестве возражения на недобросовестное поведение контрагента. Указанный принцип (как независимо сформулированный) был впервые рассмотрен глоссатором Азо около 1200 г. в его *Brocardica aurea* (Брокарда) и изложен там как запрет на внутреннее противоречие.

Несмотря на то что термин «эстоппель» всё чаще употребляется российскими правоведами, в российском законодательстве он не используется, а правовое регулирование, установленное гражданским законодательством, по своей правовой природе ближе к доктрине *venire contra factum proprium*. Так, в гражданском законодательстве введены определенные нормы, концептуально отражающие возможность применения принципа эстоппеля в частных случаях.

Такие нормы появились сравнительно недавно: в 2013 г. вступил в силу Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», в соответствии с которым была изменена статья 166 ГК РФ.

В частности, изменения коснулись п. 2 названной статьи. В соответствии с действующей редакцией абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ сторона, из поведения которой явствует ее воля сохранить силу сделки, не вправе оспаривать сделку по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении ее воли. Кроме того, статья 166 ГК РФ была дополнена пунктом 5, в соответствии с которым заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки.

Далее, в 2015 г., вступил в силу Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», в соответствии с которым были введены пункт 2 ст. 431.1, пункт 3 ст. 432, пункт 5 ст. 450.1 ГК РФ.

Пункт 2 ст. 431.1 ГК РФ фактически запрещает требование признать договор недействительным для стороны, принявшей от контрагента исполнение по договору. Сторона, которая приняла от контрагента исполнение по договору, связанному с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, и при этом полностью или частично не исполнила свое обязательство, не вправе требовать признания договора недействительным.

Пункт 3 ст. 432 ГК РФ не позволяет стороне, которая подтвердила действие договора, признать его незаключенным. Сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердившая действие договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности.

Пункт 5 ст. 450.1 ГК РФ содержит запрет на отказ от договора для стороны, которая имела основания для отказа от договора, однако подтвердила его действие: в случаях, если при наличии оснований для отказа от договора (исполнения договора) сторона, имеющая право на такой отказ, подтверждает действие договора, в том числе путем принятия от другой сто-

¹ См.: Седова Ж. И., Зайцева Н. В. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. М. : Статут, 2014. С. 6.

² См.: Романов А. К. Правовая система Англии : учеб. пособие. М. : Дело, 2000. С. 128.

роны предложенного последней исполнения обязательства, последующий отказ по тем же основаниям не допускается.

Систематизируя приведенные положения, можно сделать вывод, что российское законодательство содержит ряд норм обязательственного права, направленных на установление запрета на непоследовательное поведение стороны в частных случаях.

Общим признаком всех приведенных норм является предварительное выражение согласия стороны на заключение и/или исполнение договора и непоследовательное поведение в дальнейшем. Например, осуществление реальных действий, направленных на исполнение договора (в том числе принятие исполнения обязательства), свидетельствует о подтверждении действия договора и лишает сторону права требовать признания договора недействительным или незаключенным.

Ввиду неоднозначности терминов «добросовестность» и «недобросовестность» возможность применения принципа эстоппеля также является оценочной категорией. Суды решают вопрос о применении принципа эстоппеля в зависимости от конкретных обстоятельств дела, в связи с чем судебная практика по вопросу возможности применения эстоппеля не является однозначной. В указанной связи представляется актуальным проведение анализа судебной практики, связанной с применением принципа эстоппеля, с целью выведения общих стандартов возможности защиты прав с помощью института эстоппеля.

Начать исследование целесообразно с рассмотрения теоретических положений, лежащих в основе норм российского гражданского законодательства, регулирующих возможность применения принципа эстоппеля, с целью выработать критерии оценки правомерности применения данного принципа, которые могут быть использованы судами в качестве ориентиров при принятии решений.

Классификация норм российского гражданского права, регламентирующих применение принципа эстоппеля

Нормы российского гражданского законодательства, регламентирующие возможность применения принципа эстоппеля, можно разделить на две категории в зависимости от существования применяемого ограничения действия стороны:

- 1) нормы, направленные на запрет недобросовестных действий (абз. 4 п. 2 и п. 5 ст. 166 ГК РФ);
- 2) нормы, направленные на сохранение договора, если из правоотношений между сторонами в определенный момент очевидно волеизъявление признания договора действительным (2 ст. 431.1, п. 3 ст. 432, п. 5 ст. 450.1 ГК РФ).

Нормы, введенные Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ, охватывают ситуации, при которых возможно применение принципа эстоппеля. Эти ситуации связаны с непосредственными действиями стороны, намеревающейся оспорить сделку. В частности, возможность применения указанных норм зависит от ответа на вопрос, является ли поведение переменной стороны добросовестным, для установления чего принимается во внимание среди прочего известность стороне определенных обстоятельств, ставших причиной для последующего оспаривания сделки. Так, применение абз. 4 п. 2 и п. 5 ст. 166 ГК РФ возможно только в тех ситуациях, когда из материалов дела следует недобросовестность одной из сторон, осуществление ею действий, не соответствующих принципу разумности.

Вместе с тем нормы, введенные Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ, направлены на сохранение договора в силе и различаются по существу требований, предъявляемых недобросовестной стороной. Таким образом, устанавливается запрет на признание договора недействительным, признание договора незаключенным, а также на отказ от договора в ситуациях, когда стороной ранее были совершены активные действия или высказано четкое волеизъявление, направленные на заключение и/или сохранение договора.

Как правило, действия стороны могут быть признаны противоречивыми в ситуациях, когда отказ от исполнения договора, требования о признании договора недействительным и незаключенным вызваны желанием стороны получить экономическую выгоду из своего недобросовестного поведения. В частности, принцип эстоппеля может быть применен при попытке стороны избежать совершения встречного исполнения по договору либо выплаты неустойки, вызванной просрочкой исполнения обязательства по договору.

Как отмечают цивилисты, закрепленный принцип добросовестности может сам по себе ограничивать действия субъектов гражданских

правоотношений³. Между тем, как отмечает К. В. Нам, не любое осуществление субъективного права, воспринимаемое как несправедливое, подлежит ограничению. По мнению К. В. Нама, допускается признание осуществления права недопустимым только после внимательнейшего и всестороннего изучения всех обстоятельств конкретного дела⁴.

Сопоставление норм абз. 4 п. 2 и п. 5 ст. 166 ГК РФ

Помимо определения концептуальных различий между нормами, введенными Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ, и нормами, введенными Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ, необходимо разграничить между собой абз. 4 п. 2 и п. 5 ст. 166 ГК РФ.

В зависимости от конкретного спора может быть применен как абзац 4 п. 2, так и пункт 5 ст. 166 ГК РФ. Обе нормы направлены на предотвращение недобросовестного поведения сторон, связанного с отказом от исполнения обязательств по договору, при этом абзац 4 п. 2 и пункт 5 ст. 166 ГК РФ имеют определенные различия.

В частности, абзац 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ применяется исключительно к оспоримым сделкам, в то время как пункт 5 той же статьи может быть применен также к ничтожным сделкам.

Приведенный тезис подтверждается судебной практикой: в соответствии с п. 70 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 сделанное в любой форме заявление о недействительности (о ничтожности, об оспоримости) сделки и о применении последствий недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность лицо действует недобросовестно (п. 5 ст. 166 ГК РФ). При этом абзац 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ не может быть применен при заявлении о ничтожности сделки.

В этой связи А. В. Шухарева дает следующую оценку: «Норма п. 5 ст. 166 ГК РФ распространяется не только на оспоримые, но и на ничтожные сделки и, таким образом, направлена на

оздоровление (конвалидацию) недействительных сделок»⁵.

Между тем А. М. Ширвиндт указывает, что, указывая суду на ничтожность спорной сделки, ответчик не меняет тем самым правового положения сторон, а лишь сообщает суду свое мнение о верной правовой оценке обстоятельств дела⁶. Таким образом, не всегда ссылка стороны на ничтожность сделки ввиду ранее известных обстоятельств свидетельствует о недобросовестности.

Важно отметить и концептуальное различие между приведенными нормами права. Как следует из его текста, абзац 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ ориентирован на ситуации, когда недобросовестный контрагент пытается оспорить сделку по основаниям, известным ему на момент заключения сделки. Так, для применения указанной нормы необходимо наличие следующих условий:

- 1) из действий стороны изначально следовало намерение заключить сделку;
- 2) на момент волеизъявления стороны заключить сделку ей было известно об обстоятельствах, влияющих на возможность заключения договора;
- 3) при попытке оспорить сделку сторона ссылается именно на те обстоятельства, которые были ей известны.

В то же время возможность применения п. 5 ст. 166 ГК РФ зависит не от известности стороне на момент заключения сделки определенных обстоятельств, а от действий стороны в целом. В частности, норма подлежит применению в ситуациях, когда поведение лица после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки.

Между тем важно понимать, что описанный случай является не единственным возможным для применения указанной нормы. Представляется, что пункт 5 ст. 166 ГК РФ является шире, поскольку охватывает не только конкретные ситуации, связанные с известностью информации или поведением лица, но и может быть применен при недобросовестном поведении стороны сделки в целом.

³ Микрюков В. А. Принцип добросовестности — новый нравственный ограничитель гражданских прав // Журнал российского права. 2013. № 6 (198). С. 20.

⁴ Нам К. В. Эстоппель в контексте принципа добросовестности // Закон. 2020. № 4. С. 42.

⁵ Шухарева А. В. Роль принципа добросовестности сторон в институте недействительности сделок // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 10.

⁶ Ширвиндт А. М. Ссылка на ничтожность сделки как злоупотребление правом. Изобретение судов, закрепленное в законе // Арбитражная практика для юристов. 2015. № 7. С. 37.

Так, требования сторон о признании сделки недействительной не подлежат удовлетворению, если сторона своими действиями подтвердила действительность условий договора. Аналогичная позиция была выражена в постановлениях Арбитражного суда Московского округа от 01.02.2023 № Ф05-35104/2022 по делу № А40-235356/2021, от 11.11.2022 № Ф05-4333/2022 по делу № А40-66696/2019.

Между тем среди цивилистов часто ставится вопрос о сущности нормы п. 5 ст. 166 ГК РФ⁷. Например, обсуждались три варианта возможной ее трактовки:

- как частный случай эстоппеля;
- как пример доктрины, существующей параллельно с принципом эстоппеля;
- как сделка (этот вариант возможен только при осуществлении стороной активных действий; при бездействии, например при получении денежных средств, такая трактовка не представляется допустимой).

Как указывалось ранее, принцип эстоппеля может использоваться в широком понимании и применяться в совершенно различных ситуациях (как уже говорилось, существует процессуальный эстоппель, связанный с непоследовательным поведением стороны в рамках процессуального рассмотрения спора). В этой связи ограничение недобросовестных действий стороны, описанное в п. 5 ст. 166 ГК РФ, может быть рассмотрено как частный случай применения принципа эстоппеля.

В то же время международная практика разделяет применение эстоппеля вследствие недобросовестности стороны и запрета на непоследовательность действий стороны, которая может быть выражена в иных действиях.

Критерии применения принципа эстоппеля

Возвращаясь к рассмотрению правовой природы принципа эстоппеля, важно выделить условия (критерии), при которых допускается его применение:

1. Возникновение у стороны доверия к поведению лица, с которым она вступила в юридические отношения.

Поскольку ограничение непоследовательного поведения стороны имеет смысл только в тех ситуациях, когда такое поведение связано с предварительным возникновением гражданско-правовых отношений и доверительных отношений между сторонами, описанное условие является обязательным для возможности применения норм об эстоппеле.

Отметим, что возникновение доверия к поведению лица соответствует в том числе немецкой доктрине защиты законных ожиданий — Vertrauensschutz. В соответствии с указанным принципом доверие, возложенное на гражданина, должно защищаться правовой системой. Так, при изменении норм публичного права гражданин не может быть ущемлен в правах, на возможность осуществления которых он рассчитывал, если бы изменение не произошло.

Приведенный принцип применяется и в гражданском законодательстве. Описываемый принцип может быть применен, например, в ситуациях, когда покупатель, приобретая имущество в собственность, имел основания полагать, что продавец уполномочен на осуществление соответствующих действий. При нарушении законных ожиданий со стороны может быть взыскан ущерб, нанесенный несоответствием разумных ожиданий реальности.

Непосредственную связь законных ожиданий и возможности применения принципа эстоппеля рассматривает в том числе М. А. Кондрашова, подчеркивая значимость указанного критерия⁸.

Таким образом, представляется справедливым к критериям возможности применения эстоппеля отнести критерий наличия у полагающейся стороны каких-либо ожиданий.

2. Возникновение доверия вызвано действиями контрагента, то есть связано с осуществлением недобросовестной стороной каких-либо действий или бездействия, способных ввести положившуюся сторону в заблуждение относительно дальнейшей модели поведения лица.

Безусловно, ожидания положившейся стороны не могут быть необоснованными; они должны быть связаны с поведением недобросовестной стороны. Таким образом, примене-

⁷ Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. С. 583.

⁸ Кондрашова М. А. Соотношение эстоппеля и доктрины законных ожиданий // Вестник гражданского права. 2020. № 3. С. 211.

ние эстоппеля возможно в тех ситуациях, когда из поведения недобросовестной стороны следует ее намерение вступить в гражданско-правовые отношения. Аналогичные намерения могут быть выражены как путем волеизъявлений, так и при осуществлении конкретных действий.

3. *Доверие положившейся стороны является разумным и обоснованным, соответствующим обычаям гражданского оборота.*

Презумпция разумности действий участников гражданского оборота распространяется на обе стороны сделки, в связи с чем ожидания положившейся стороны не могут выходить за пределы, обычно предполагаемые для аналогичных ситуаций.

Так, если доверие положившейся стороны выйдет за разумные пределы, можно будет рассматривать вопрос о недобросовестности обеих сторон. Указанный тезис связан с тем фактом, что превышение разумных ожиданий также может представлять собой попытку злоупотребления правом защиты.

4. *Наличие негативных последствий для положившейся стороны ввиду недобросовестного и/или непоследовательного поведения контрагента.*

Значимость приведенного критерия выделяется в том числе А. Г. Карапетовым⁹.

Поскольку необходимость защиты права возникает, только когда это право нарушено, представляется справедливым и целесообразным установить критерии наличия негативных последствий для положившейся стороны.

Необходимо дополнительно отметить, что последствия должны быть связаны именно с недобросовестным поведением контрагента, его непоследовательностью. В противном случае, при отсутствии причинно-следственной связи между действиями непоследовательной стороны и появлением убытков у положившейся стороны, основания для применения принципа эстоппеля отсутствуют.

Перечисленные выше критерии выведены с учетом правовой природы эстоппеля как института гражданского права, направленного на защиту прав сторон, положившихся на заверения контрагентов. Поскольку эстоппель представляет собой механизм защиты права, применение указанных норм возможно только при наличии

обстоятельств, подтверждающих само нарушение права положившейся стороны.

С учетом правовой природы эстоппеля возникает вопрос: имеет ли значение для применения эстоппеля наличие у непоследовательной стороны умысла, необходимо ли выделение наличия умысла в качестве отдельного критерия?

Поскольку смысл эстоппеля заключается в предотвращении злоупотребления правом при вступлении в обязательственные отношения, отсутствие злоупотребления правом влечет невозможность применения норм об эстоппеле. В то же время, как следует из ст. 10 ГК РФ, разумность действий участников гражданских правоотношений презюмируется. В указанной связи вне зависимости от непродуманности экономической стратегии или наличия четкого плана нанести вред контрагенту сторона не должна осуществлять действия, которые не соответствуют обычаям делового оборота и могут нанести вред иным участникам гражданского оборота.

Таким образом, отсутствие намерений нанести вред положившейся стороне не является безоговорочным основанием для неприменения эстоппеля. Тем не менее для получения наиболее полной картины судам следует учитывать в том числе наличие либо отсутствие вины непоследовательной стороны.

Сопоставление норм п. 2 ст. 431.1, п. 3 ст. 432 и п. 5 ст. 450.1 ГК РФ

В продолжение рассмотрения вопроса о соотношении между собой норм права, регламентирующих частные случаи применения эстоппеля, необходимо соотнести нормы ст. 166 и п. 2 ст. 431.1, п. 3 ст. 432, п. 5 ст. 450.1 ГК РФ.

Фактически нормы п. 2 ст. 431.1, п. 3 ст. 432, п. 5 ст. 450.1 ГК РФ являются специальными по отношению к ст. 166 ГК РФ, поскольку, как правило, в перечисленных ситуациях (лицо предварительно осуществило действия, направленные на заключение и/или исполнение договора, а затем требует признать сделку недействительной) имеет место недобросовестность стороны соглашения.

⁹ Карапетов А. Г. Отказ от договора, одностороннее изменение его условий и отказ от договорных прав по модели waiver: комментарий к ст. 450 и ст. 450.1 ГК // URL: https://zakon.ru/blog/2015/10/12/otkaz_ot_dogovora_odnostoronnee_izmenenij_ego_uslovij_i_otkaz_ot_dogovornykh_prav_po_modeli_waiver_ko.

Однако, как было указано ранее, лицо может действовать не последовательно не с целью причинить вред контрагенту либо получить необоснованные преимущества вследствие своего поведения. Например, возможно изменение финансового плана коммерческой организации или утрата необходимости в заключении соглашения. При таких обстоятельствах ссылка на п. 5 ст. 166 ГК РФ (и тем более на абз. 4 п. 2 ст. 166) невозможна. Тем не менее допускается защита прав и сохранение договора в силе благодаря п. 2 ст. 431.1, п. 3 ст. 432, п. 5 ст. 450.1 ГК РФ.

Для более предметного анализа применения принципа эстоппеля в российском законодательстве необходимо изучение судебной практики по поставленному вопросу.

Обзор судебной практики, связанной с применением принципа эстоппеля

1. Судебная практика, связанная со ссылками сторон на незаключенность договора

Нормы гражданского законодательства, регламентирующие применение принципа эстоппеля, достаточно часто применяются в судебной практике: только пункт 5 ст. 166 ГК РФ с момента его введения был применен арбитражными судами более чем в 10 000 дел¹⁰.

В указанной связи необходимо рассмотреть позиции судов по ключевым делам, связанным с применением принципа эстоппеля, а также выделить основные категории доказательств, используемых сторонами для подтверждения собственной позиции.

Представляется целесообразным начать рассмотрение с анализа позиции Верховного Суда, выраженной в п. 3 Обзора судебной практики¹¹ по вопросу недействительности договора займа: «Если заемщик выдал расписку о погашении части долга и обязанности погасить оставшуюся часть в определенный срок, он не может ссылаться на то, что не получал заем, и, соответственно, на незаключенность договора займа».

Так, на примере договора займа демонстрируется необходимость учета конкретных документов, свидетельствующих о намерениях сторон заключить соответствующий договор. На основании приведенного разъяснения можно сделать вывод о том, что совершение каких-ли-

бо действий (выдача расписки, обращение в государственный орган за регистрацией права) однозначно свидетельствует о намерении лица вступить в правоотношения с положившейся стороной.

Позиция по делу, описанному в п. 3 указанного Обзора, была отражена Верховным Судом РФ в определении от 18.07.2017 № 5-КП7-94.

Основанием для возникновения спора стало нарушение заемщиком обязательств по возврату денежных средств. По договору цессии третьим лицом были приобретены все права по договору займа, включая права требования к заемщику. В рамках рассмотрения дела заемщик указал на незаключенность договора займа, в связи с чем настаивал на отсутствии обязанности возвращать долг. При рассмотрении дела также было определено, что заемщиком была выдана расписка, подтверждающая частичное погашение задолженности, однако у сторон возникли разногласия относительно даты выдачи такой расписки. Важным обстоятельством является также отсутствие в расписке каких-либо сведений о получении ответчиком займы денежных средств.

ВС РФ, рассматривая настоящий спор, обратил внимание на явное противоречие между действиями заемщика. Очевидно, что до обращения цессионария в суд заемщиком признавалась задолженность по договору займа, однако после возбуждения судебного дела им отрицался факт получения займа в целом. ВС РФ сослался на п. 3 ст. 432 ГК РФ, обосновывая необходимость применения эстоппеля недобросовестностью заемщика, которая противоречит общим принципам гражданского законодательства. В определении ВС РФ было отмечено следующее: «Вышеназванное правило вытекает из общих начал гражданского законодательства и является частным случаем проявления принципа добросовестности, установленного пунктами 3 и 4 ст. 1 ГК РФ, согласно которым при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно; никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения».

Анализируя судебную практику, важно отметить, что применение эстоппеля невозможно в

¹⁰ По данным базы дел СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017 // СПС «КонсультантПлюс».

ситуациях, когда лицо ссылается на незаключенность договора, если действительно сторонами не была достигнута договоренность в отношении существенных условий договора.

В таких ситуациях принцип эстоппеля не применяется, несмотря на возможное осуществление сторонами реальных действий, направленных на вступление в гражданско-правовые отношения. Например, если контрагент-арендатор внес авансовые платежи за аренду имущества, которое не индивидуализировано в договоре, то это не свидетельствует о том, что предмет договора с ним согласован. Соответственно, в такой ситуации арендатор вправе заявить о незаключенности договора, а эстоппель не подлежит применению¹².

В то же время, если вторая сторона докажет, что контрагент, несмотря на отсутствие достижения соглашения по условиям, являющимся существенными для данной категории договоров, совершил необходимые для исполнения договора действия или иные приготовления, эстоппель все-таки имеет место. Эстоппель подлежит применению в тех ситуациях, когда обе стороны в определенный момент понимали, что между ними возникли определенные правоотношения, и осуществляли действия, направленные на сохранение в силе договора.

Указанная позиция подтверждается судебной практикой. В частности, согласно позиции Верховного Суда, выраженной в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49, если сторона приняла от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердила действие договора, она не вправе недобросовестно ссылаться на то, что договор является незаключенным (п. 3 ст. 432 ГК РФ).

Приведенная позиция иллюстрируется на примере договора подряда. Предмет является существенным условием договора подряда. На момент начала выполнения подрядчиком работ между ним и заказчиком может быть не согласован точный предмет договора (например, в ситуациях, когда заранее неизвестно, что именно должно быть создано в результате исполнения договора), в связи с чем по общему правилу такой договор не может считаться заключенным ввиду отсутствия договоренности относительно всех существенных условий.

Тем не менее, если из действий сторон (обсуждений договора, переписка) следует фактическое возникновение договорных отношений, отказ заказчика от оплаты описываемого договора не является добросовестным, в связи чем может быть применен эстоппель. Например, если работы выполнены до согласования всех существенных условий договора подряда, но впоследствии результаты работ сданы подрядчиком и приняты заказчиком, то к отношениям сторон подлежат применению нормы о подряде, и можно говорить о возникновении между сторонами соответствующих обязательств.

2. Судебная практика, связанная со ссылками сторон на недействительность договора

Отдельное внимание стоит уделить анализу судебной практики, связанной со ссылками сторон на недействительность договора.

В судебной практике рассматривалось дело, в рамках которого лицо попыталось признать сделку недействительной ввиду ее несоответствия своему уставу. Вместе с тем данной стороной был получен аванс и было принято исполнение контрагента.

Тем не менее, рассматривая указанный спор, арбитражный суд признал попытку оспаривания сделки по описанной причине необоснованной¹³. В мотивировочной части постановления было указано следующее: «Общество в лице его органов управления не могло не знать об ограничениях, установленных уставом, но тем не менее получило денежные средства в качестве аванса от контрагента и не возвратило их, а также приняло исполнение обязательств по контракту».

С учетом вышеизложенных обстоятельств судом был применен принцип эстоппеля. Приведенное разбирательство демонстрирует неправомерность оспаривания сделки по основаниям, которые были известны на момент заключения сделки.

Особого внимания заслуживают абонентские договоры, которые ввиду своей специфики могут исполняться сторонами в течение длительного времени. Например, ввиду правовой природы страховых договоров страхователь длительное время осуществляет платежи в адрес страховщика, ожидая выполнения взаим-

¹² Федоров Д. В. Эстоппель в арендных и иных длящихся отношениях // Закон. 2020. № 4. С. 68.

¹³ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21.07.2016 № Ф06-10278/2016 по делу № А55-2654/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

ных обязательств при наступлении страхового случая.

В судебной практике рассматривался вопрос о возможности взыскания страховых платежей страхователем при ненаступлении страхового случая. Так, при рассмотрении дела № 33-9456/2016 Ставропольским краевым судом был применен эстоппель к страхователю¹⁴, требующему признать сделку недействительной и применить последствия недействительности в виде возврата всей стоимости услуги, а также штрафных санкций. Очевидно, что эти действия истца являются недобросовестными и направленными на получение необоснованных преимуществ вследствие своего недобросовестного поведения. Судом были приняты во внимание доводы относительно правовой природы договора страхования, его алеаторного характера. Алеаторный характер договора страхования заключается в неизвестности для обеих сторон сделки объема и соотношения встречного удовлетворения. Поскольку ни одна из сторон не может заранее предугадать, наступит ли страховой случай, каким именно он будет, неизбежны ситуации, при которых страхователи выплачивают страховые взносы, не получая встречного исполнения в дальнейшем.

В описываемом споре страхователь фактически намеревался избежать такой ситуации и пытался осуществить возврат уплаченных платежей путем признания договора недействительным. Между тем в течение срока действия договора страхования страховщиком оказывались соответствующие услуги, то есть существовала реальная возможность обратиться за получением страховой выплаты при наступлении страхового случая.

С учетом всех перечисленных обстоятельств судом был сделан обоснованный вывод о возможности применения эстоппеля, направленного на ограничение недобросовестного поведения страхователя.

3. Судебная практика, связанная с неисполнением обязательств отказом стороны от договора

В рассматриваемом контексте интересны доводы, приводимые сторонами при применении эстоппеля вследствие непоследовательного отказа стороны от договора. Основанием

для возникновения у полагающейся стороны ожиданий сотрудничества может быть не только действие контрагента, но и его бездействие. Например, основанием для применения эстоппеля может являться ожидание некоторое время стороной оплаты по договору без предъявления каких-либо претензий и последующий внезапный отказ от договора.

Логика в описываемой ситуации заключается в разумных ожиданиях просрочившей оплаты стороны о благосклонном отношении контрагента к просрочке. Более того, ожидание оплаты в течение длительного времени явно свидетельствует о намерении стороны ожидать оплату от второй стороны. В качестве примера можно привести игнорирование банком-кредитором разовой просрочки оплаты платежа по кредитному договору в течение длительного периода и предъявление претензий заемщику с последующим отказом от договора в момент появления финансовых трудностей у кредитора. Изменение модели поведения в данном случае даже при отсутствии недобросовестности не соответствует разумным ожиданиям участников гражданского оборота, в связи с чем к поведению стороны может быть применен эстоппель.

Необходимо также обратить внимание на ситуации, в которых имеет место неразрешимое противоречивое поведение стороны. К такому поведению, в частности, могут быть отнесены ситуации, когда действия стороны отличаются от ее заверений или иных волеизъявлений в словесной форме. Например, когда сторона в словесной форме либо путем отправления документов, имеющих юридическую силу, отказалась от договора, однако продолжила его фактически исполнять.

Среди цивилистов высказывается позиция, что в таких ситуациях может быть применен немецкий принцип *protestatio facto contraria*, который означает возражение против фактического волеизъявления¹⁵. В немецком гражданском праве указанное правило понимается как принцип толкования волеизъявлений: в случае расхождения между высказываниями лица и его фактическими действиями доверять следует именно действиям.

Равно как восклицания пассажира метро «Я не хочу заключать договор перевозки!» не

¹⁴ Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 01.12.2016 по делу № 33-9456/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Карпетов А. Г., Федоров Д. В. Эстоппель // URL: <https://m-logos.ru/wp-content/uploads/2019/10/tezisy-k-kruglomu-stolu-po-estoppelyu-d.-fedorov-a.-karapetov.pdf>.

вливают на возникновение указанных гражданско-правовых отношений между перевозчиком и пассажиром, высказывания иных лиц не свидетельствуют об отсутствии между ними гражданско-правовых отношений.

Описанный принцип может быть применен и к неопределенному и/или непоследовательному поведению сторон при применении принципа эстоппеля.

Выделение обстоятельств, подлежащих доказыванию при ссылке стороны на необходимость применения принципа эстоппеля

Представляется необходимым также выявить обстоятельства, подлежащие доказыванию сторонами при подтверждении их позиций. В частности, применение эстоппеля при оспаривании договора (п. 2 ст. 431.1 ГК РФ) требует подтверждения намерений недобросовестной стороны осуществить исполнение данного договора. Анализ судебной практики позволяет установить, что при рассмотрении аналогичных споров судами принимаются во внимание следующие доказательства:

- переписка сторон, из которой четко следует признание договора действующим обеими сторонами либо стороной, которая впоследствии намерена отказаться от договора;
- предоставление стороной обеспечения договорных обязательств, то есть осуществление каких-либо действий, направленных на исполнение договора (в данном случае может быть проведена аналогия с заключением договора вследствие осуществления конклюдентных действий — договор не может быть оспорен при осуществлении стороной действий, направленных на его сохранение);
- составление сторонами актов сверки взаиморасчетов по договору или иных документов, фиксирующих исполнение обязательств по договору.

Обобщая приведенные доказательства, можно сделать вывод о том, что судами в первую очередь оцениваются материалы, свидетельствующие о волеизъявлении одной из сторон, выраженном как словесно (в рамках переписки), так и при осуществлении конкретных действий.

Отметим, что принятие судом переписки сторон как доказательства намерений исполнять

договор свидетельствует о понижении стандарта доказывания ввиду необходимости защиты прав добросовестной стороны. Поскольку доказательство неправомерности отказа от исполнения договора представляется более сложной задачей, сторона может ссылаться не только на фактически действия или закрывающие документы.

При применении эстоппеля в рамках требования стороны о признании договора незаключенным могут быть учтены описанные обстоятельства. Вместе с этим, в зависимости от конкретного вида гражданско-правового договора, могут быть добавлены и иные обстоятельства, принимаемые судами во внимание.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о широком применении принципа эстоппеля в российской судебной практике.

Пути совершенствования законодательства, регулирующие применение принципа эстоппеля

Поскольку возможность применения принципа эстоппеля является оценочной категорией и определяется судами с учетом конкретных обстоятельств дела и представленных сторонами доказательств, ахиллесовой пятой законодательства, регламентирующего применение принципа эстоппеля, выступает отсутствие четких критериев, используемых судами при определении возможности применения указанных норм права. Безусловно, «единый рецепт» вывести затруднительно, однако с учетом правовой сущности института эстоппеля, а также результатов, полученных при анализе правоприменительной практики, представляется целесообразным выделить подобных критериев на уровне разъяснений. Выработка описываемых критериев направлена на формирование единообразия судебной практики, а также на создание правовой определенности у участников гражданского оборота.

В качестве таковых критериев автором могут быть предложены следующие:

1. *Степень обоснованности и разумности ожиданий: чем более обоснованно возникшее доверие, тем больше аргументов в пользу применения эстоппеля.*

Как указывалось ранее, необоснованные ожидания положившейся стороны не свидетельствуют о недобросовестности контрагента. Поскольку гражданским законодательством предполагается разумность действий обеих

сторон, а сам институт эстоппеля направлен на обеспечение баланса интересов всех участников гражданских правоотношений, судами не могут быть удовлетворены требования стороны, ожидания которой не соответствуют обычаям делового оборота.

2. Степень ущерба, причиненного стороне вследствие недобросовестного поведения контрагента.

Предполагается, что применение принципа эстоппеля должно быть обоснованным и соответствующим реальным интересам положившейся стороны. Поэтому принцип эстоппеля не может быть применен в ситуациях, когда непоследовательность стороны не повлияла на экономическую деятельность субъекта.

Например, может возникнуть ситуация, когда заявление о признании договора недействительным было сделано практически одновременно с заключением самого договора. Здесь у положившейся стороны, не осуществившей действий для исполнения договора, убытки могут не возникнуть (в том числе может не быть оснований для взыскания упущенной выгоды). В таких случаях применение института эстоппеля может быть не просто нецелесообразным, но и будет представлять собой злоупотребление правом со стороны положившейся стороны.

Таким образом, представляется необходимым выделить в качестве одного из критериев, свидетельствующих о возможности применения эстоппеля, степень ущерба, причиненного стороне вследствие недобросовестного поведения контрагента.

3. Наличие причинно-следственной связи между непоследовательным поведением стороны и ущербом, нанесенным положившейся стороне.

Важно отметить, что убытки (как правило, упущенная выгода), причиненные стороне вследствие недобросовестного поведения контрагента, должны быть непосредственно связаны с недобросовестным поведением контрагента.

Отдельного внимания заслуживают ситуации, когда причиненные стороне убытки вызваны несколькими факторами, одним из которых является недобросовестность контрагента. Например, при заключении договора купли-продажи оборудования стороной было подготовлено к отгрузке определенное количество оборудования, был произведен отказ в заключении аналогичных соглашений с иными контрагентами, однако спустя время после за-

ключения такого договора недобросовестный контрагент требует признать сделку недействительной. За время неисполнения контрагентом своих обязательств оборудование может измениться в цене или стать непригодным для использования.

Представляется справедливым при доказанности иных факторов взыскать соразмерные убытки с непоследовательной стороны, поскольку увеличенный размер ущерба непосредственно связан с отсутствием экономической определенности контрагента, что противоречит презумпции добросовестности участников гражданского оборота и разумности их действий.

4. Анализ поведения непоследовательной стороны (намеренное злоупотребление правом либо неумышленная неопределенность).

Как указывалось ранее, представляется, что наличие либо отсутствие умысла злоупотребить правом не может являться основанием для применения принципа эстоппеля. Более того, поскольку категорией вины оперирует сфера публичного права, но не гражданского, отсутствие вины не может быть основанием для освобождения от гражданско-правовой ответственности.

Между тем приведенный критерий может быть учтен совместно с иными предложенными условиями для создания более полного представления о возникших у сторон правоотношениях.

По мнению автора, выработка единого подхода к рассмотрению всех споров, связанных с применением принципа эстоппеля, не является возможной ввиду разнообразия споров, доказательственной базы по каждому конкретному спору, вариативности доказательственной базы в зависимости от вида гражданско-правового характера, а также ввиду ряда иных особенностей гражданского судопроизводства.

Тем не менее ввиду отсутствия четких разъяснений относительно возможности признания действий сторон злоупотреблением правом и оснований для применения принципа эстоппеля представляется необходимой разработка определенных критериев, учитываемых судами при вынесении решений по аналогичным спорам.

Заключение

В рамках настоящего исследования был проведен анализ института эстоппеля, его сущности и особенностей закрепления в российском за-

конодательстве, а также осуществлен анализ судебной практики, связанной с применением российскими судами принципа эстоппеля.

Было определено, что формулировки, закрепленные в российском законодательстве, являются частными случаями применения эстоппеля и не охватывают все ситуации, в которых может проявляться непоследовательное поведение лица. Тем не менее можно сделать обоснованный вывод о широком применении в российском праве института эстоппеля при регулировании обязательственных отношений между сторонами вне зависимости от категории договора: купля-продажа, заем, лицензионный договор и др.

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики демонстрирует зависимость решения о применении или неприменении эстоппеля от оценки судами фактических обстоятельств дела, а также доказательств, подтверждающих намерения сторон в определенный момент.

Несмотря на невозможность рассмотрения споров о применении эстоппеля в отрыве от оценки обстоятельств, представляется необ-

ходимым на уровне правоприменительной практики выработать критерии, применяемые судами при оценке соответствующих обстоятельств.

В рамках настоящего исследования были предложены следующие критерии:

- степень обоснованности и разумности возникшего доверия;
- степень ущерба, причиненного стороне вследствие недобросовестного поведения контрагента;
- наличие причинно-следственной связи между непоследовательным поведением стороны и ущербом, нанесенным положившейся стороне;
- анализ поведения непоследовательной стороны.

Представляется, что введение предложенных критериев приведет к формированию единообразия судебной практики, а также позволит сторонам до начала судебного разбирательства оценить шансы успешного рассмотрения дела, по возможности урегулировать спор в досудебном порядке либо вовсе избежать конфликтной ситуации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : Статут, 2017. — 976 с.
2. Дружинин А. И. Принцип «эстоппель» в действии: когда участник спора может лишиться права выдвигать возражения // Ваш партнер-консультант. — 2015. — № 20 (9586). — С. 22–30.
3. Зайцева Н. В., Седова Ж. И., Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. — М. : Статут, 2014. — 159 с.
4. Каламкарян Р. А. Эстоппель как институт международного права // Юрист-международник. Всероссийский журнал международного права. Современная экономика и право. — 2004. — № 1. — С. 10–22.
5. Карапетов А. Г. Отказ от договора, одностороннее изменение его условий и отказ от договорных прав по модели waiver: комментарий к ст. 450 и ст. 450.1 ГК // URL: https://zakon.ru/blog/2015/10/12/otkaz_ot_dogovora_odnostoronnee_izmenenij_ego_uslovij_i_otkaz_ot_dogovornyx_prav_po_modeli_waiver_ko (дата обращения: 26.04.2023).
6. Карапетов А. Г., Федоров Д. В. Эстоппель // URL: <https://m-logos.ru/wp-content/uploads/2019/10/tezisy-k-kruglomu-stolu-po-estoppelyu-d.-fedorov-a.-karapetov.pdf> (дата обращения: 26.04.2023).
7. Кондрашова М. А. Соотношение эстоппеля и доктрины законных ожиданий // Вестник гражданского права. — 2020. — № 3. — С. 199–214.
8. Микрюков В. А. Принцип добросовестности — новый нравственный ограничитель гражданских прав // Журнал российского права. — 2013. — № 6 (198). — С. 17–24.
9. Нам К. В. Эстоппель в контексте принципа добросовестности // Закон. — 2020. — № 4. — С. 38–46.
10. Николаева К. Ю., Природа, историческое происхождение доктрины «эстоппель», опыт и актуальные проблемы в практике применения судами РФ // Право и экономика. — 2022. — № 6. — С. 24–30.
11. Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2020. — 1469 с.

12. Романов А. К. Правовая система Англии : учеб. пособие. — М. : Дело, 2000. — 344 с.
13. Седова Ж. И., Зайцева Н. В. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. — М. : Статут, 2014. — 159 с.
14. Федоров Д. В. Эстоппель в арендных и иных длящихся отношениях // Закон. — 2020. — № 4. — С. 65–78.
15. Черных И. И. Эстоппель в гражданском судопроизводстве // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. — 2015. — № 12. — С. 81–89.
16. Ширвиндт А. М. Ссылка на ничтожность сделки как злоупотребление правом. Изобретение судов, закрепленное в законе // Арбитражная практика для юристов. — 2015. — № 7. — С. 24–41.
17. Шухарева А. В. Роль принципа добросовестности сторон в институте недействительности сделок // Российская юстиция. — 2017. — № 11. — С. 9–12.

Материал поступил в редакцию 26 апреля 2023 г.

REFERENCES

1. Druzhinin AI. Printsip «estoppel» v deystvii: kogda uchastnik spora mozhet lishitsya prava vydvigat vozrazheniya [The principle of «estoppel» in action: when a participant in a dispute may lose the right to raise objections]. *Vash partner-konsultant*. 2015;20(9586):22-30. (In Russ.).
2. Zaitseva NV, Sedova ZhI. Printsip estoppel i otkaz ot prava v kommercheskom oborote Rossiyskoy Federatsii [The principle of estoppel and the waiver of the right in the commercial turnover of the Russian Federation]. Moscow: Statut Publ.; 2014. (In Russ.).
3. Kalamkarian RA. Estoppel kak institut mezhdunarodnogo prava [Estoppel as an institute of international law]. *International Lawyer. Russian Journal of International Law. Modern Economics and Law*. 2004;1:10-22. (In Russ.).
4. Karapetov AG. Dogovornoe i obyazatelstvennoe pravo (obshchaya chast): postateynny kommentariy k statyam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Contract and obligation law (general part): article-by-article commentary to Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).
5. Karapetov AG (ed.). Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postateynny kommentariy k statyam 1–16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [The main provisions of civil law: an article-by-article commentary on Articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow: M-Logos, 2020. (In Russ.).
6. Karapetov AG. Otkaz ot dogovora, odnostoronnee izmeneniy ego usloviy i otkaz ot dogovornykh prav po modeli waiver: kommentariy k st. 450 i st. 450.1 GK [Waiver of the contract, unilateral changes to its terms and waiver of contractual rights under the waiver model: comment to Articles 450 and 450.1 of the Civil Code]. Available at: https://zakon.ru/blog/2015/10/12/otkaz_ot_dogovora_odnostoronnee_izmenenij_ego_usloviy_i_otkaz_ot_dogovornykh_prav_po_modeli_waiver_ko [Accessed: 26.04.2023]. (In Russ.).
7. Karapetov AG, Fedorov DV. Estoppel. Available at: <https://m-logos.ru/wp-content/uploads/2019/10/tezisy-k-kruglomu-stolu-po-estoppelyu-d-fedorov-a.-karapetov.pdf> [Accessed: 26.04.2020]. (In Russ.).
8. Kondrashova MA. Sootnoshenie estoppelya i doktriny zakonnykh ozhidaniy [The relationship between estoppel and the doctrine of legitimate expectations]. *Civil Law Review*. 2020;3:199-214. (In Russ.).
9. Mikryukov VA. Printsip dobrosovestnosti — novyy npravstvennyy ogranichitel grazhdanskikh prav [The principle of good faith is a new moral limiter of civil rights]. *Journal of Russian Law*. 2013;6(198):17-24. (In Russ.).
10. Nam KV. Estoppel v kontekste printsipa dobrosovestnosti [Estoppel in the context of good faith principle]. *Zakon*. 2020;4:38-46. (In Russ.).
11. Nikolaeva KYu. Priroda, istoricheskoe proiskhozhdenie doktriny «estoppel», opyt i aktualnye problemy v praktike primeneniya sudami RF [Legal nature, historical origin of the doctrine of estoppel, practice and actual issues of applying in courts of the Russian Federation]. *Law and Economics*. 2022;6:24-30. (In Russ.).
12. Romanov AK. Predposylka ogranichennoy ratsionalnosti v izuchenii vliyaniya institutov na ekonomicheskoe povedenie [The legal system of England: A Studyguide]. Moscow: Delo Publ.; 2000. (In Russ.).

13. Sedova Zhl, Zaitseva NV. Printsip estoppel i otkaz ot prava v kommercheskom oborote Rossiyskoy Federatsii [The principle of estoppel and the waiver of the right in the commercial turnover of the Russian Federation]. Moscow: Statut Publ.; 2014. (In Russ.).
14. Fedorov DV. Estoppel v arendnykh i inykh dlyashchikhsya otnosheniyakh [Estoppel in rental and other continuing relationships]. *Zakon*. 2020;4:65-78. (In Russ.).
15. Chernykh II. Estoppel v grazhdanskom sudoproizvodstve [Estoppel in Civil Proceedings]. *Laws of Russia. Experience. Analysis. Practice*. 2015;12:81-89. (In Russ.).
16. Shirvindt AM. Ssylka na nichtozhnost sdelki kak zloupotreblenie pravom. Izobretenie sudov, zakreplennoe v zakone [The reference to the nullity of the transaction as an abuse of law. Invention of courts, enshrined in law]. *Arbitration Practice for Lawyers*. 2015;7:24-41. (In Russ.).
17. Shukhareva AV. Rol printsipa dobrosovestnosti storon v institute nedeystvitelnosti sdelok [The role of the principle of good faith of the parties in the institution of invalidity of transactions]. *Russian Justicia*. 2017;11:9-12. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.067-076

М. М. Долгиев*,
М. М. Долгиева**

Физическое лицо — иностранный агент: правовое регулирование

Аннотация. Иностранное вмешательство во внутренние политические процессы России практически всегда маскируется под конституционное право граждан на идеологическое многообразие, формируя общественное мнение, провоцируя панику, а также оказывая влияние на отношение общества к государственным органам. Значительно усилилось влияние отдельных физических лиц, формирующих общественное мнение на основе своей узнаваемости и псевдоавторитетности. Масштабное распространение социальных сетей обусловило резкий скачок популярности артистов, музыкантов, общественных деятелей, высказывания которых могут побуждать общество к принятию определенных решений.

Исследование проводится в целях выявления признаков иностранного влияния, а также критериев для отнесения физических лиц к числу иностранных агентов. На основе сравнительного анализа законодательства об иностранных агентах в России и США авторами устанавливаются условия необходимости ограничения конституционных прав граждан в целях соблюдения баланса частных и публичных интересов.

При подготовке статьи использовались в основном формально-логические методы, в результате чего авторы анализируют социально-правовые явления, которые позволили выявить взаимосвязь активизации иностранного влияния и консолидации отечественного законодательства об иностранных агентах в качестве ответной меры.

Авторы приходят к выводу, что для признания физического лица иностранным агентом по российскому законодательству должно присутствовать одновременно три элемента: наличие иностранного влияния, участие физического лица в политической деятельности и прямое или косвенное влияние на государственные органы или государственную политику. При этом основной проблемой правоприменения является разграничение реальных иностранных агентов и непатриотично настроенных граждан, активно выступающих против политики государства, которые могут использоваться «вслепую». В связи с этим широкое применение положений Закона об иностранных агентах является оправданным, а присвоение статуса иностранного агента подлежит индивидуализации.

Ключевые слова: физическое лицо; иностранный агент; иностранное влияние; реестр физических лиц иностранных агентов; закон об иностранных агентах; иностранное финансирование; иностранный принципал.

Для цитирования: Долгиев М. М., Долгиева М. М. Физическое лицо — иностранный агент: правовое регулирование // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 8. — С. 67–76. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.067-076.

© Долгиев М. М., Долгиева М. М., 2023

* Долгиев Магомед Муратбекович, кандидат экономических наук, член Ассоциации юристов России Мясницкая ул., д. 24/1, стр. 1, г. Москва, Россия, 101000 novator111@mail.ru

** Долгиева Мадина Муссаевна, кандидат юридических наук, советник юстиции, прокурор Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, докторант МГИМО МИД России ул. Большая Дмитровка, д. 15а, стр. 1, ГСП-3, г. Москва, Россия, 125993 novator111@mail.ru

An Individual as a Foreign Agent: The Legal Regulation

Magomed M. Dolgiev, Cand. Sci. (Economics), Member of the Association of Lawyers of Russia
ul. Myasnitskaya, d. 24/1, str. 1, Moscow, Russia, 101000
novator111@mail.ru

Madina M. Dolgieva, Cand. Sci. (Law), Counsellor of Justice; Prosecutor, Main Criminal Justice Department, Prosecutor General's Office of the Russian Federation; Honorary Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; Doctoral Student, MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
ul. Bolshaya Dmitrovka, d. 15a, str. 1, GSP-3, Moscow, Russia, 125993
novator111@mail.ru

Abstract. Foreign interference in Russia's internal political processes is almost always disguised as the constitutional right of citizens to ideological diversity, forming public opinion, provoking panic, as well as influencing the attitude of society towards governmental authorities. The influence of individuals who form public opinion on the basis of their recognition and pseudo-authority has significantly increased. A large-scale spread of social networks has caused a dramatic increase in the popularity of artists, musicians, public figures, whose statements can encourage society to make certain decisions.

The study is conducted in order to identify signs of foreign influence, as well as criteria for classifying individuals as foreign agents. Based on a comparative analysis of the legislation on foreign agents in Russia and the United States, the authors establish the conditions for the need to restrict the constitutional rights of citizens in order to maintain a balance of private and public interests.

In the preparation of the article, formal and logical methods were used, as a result of which the authors analyze socio-legal phenomena that allowed to identify the relationship between increased foreign influence and consolidation of domestic legislation on foreign agents as a response.

The authors come to the conclusion that in order for an individual to be acknowledged as a foreign agent under Russian law, three elements are needed: the presence of foreign influence, the participation of an individual in political activity and direct or indirect influence on state bodies or state policy. At the same time, the main problem of law enforcement is the distinction between real foreign agents and unpatriotic citizens who actively oppose the policy of the state, which can be used «blindly». In this regard, a wide application of the provisions of the Law on Foreign Agents is justified, and the assignment of the status of a foreign agent is subject to individualization.

Keywords: natural person; foreign agent; foreign influence; register of natural persons of foreign agents; law on foreign agents; foreign financing; foreign principal.

Cite as: Dolgiev MM, Dolgieva MM. Fizicheskoe litso — inostranny agent: pravovoe regulirovanie [An Individual as a Foreign Agent: The Legal Regulation]. *Lex russica*. 2023;76(8):67-76. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.067-076. (In Russ., abstract in Eng.).

Проблематика поиска справедливости присутствует во всех сферах правового регулирования жизни государства, общества и отдельных его членов. Соблюдение баланса интересов участников правоотношений (другими словами — равновесия в процессе взаимодействия сторон¹) является основной задачей государственной политики. В то же время непосредственным критерием сохранения государственности является устойчивость национальных интересов и контроль над политическими и социологическими процессами в обществе.

В современных условиях тотальной медийной и фактической конфронтации России с западным миром «орудиями» и «средствами» противодействия становятся собственные граждане. События, происходящие в мире после 24 февраля 2022 г., продемонстрировали реальное положение дел в международном пространстве, формальность, а порой даже ничтожность достигнутых договоренностей и абсолютное желание западных стран к дезинтеграции России². Значительно усилилось иностранное вмешательство в информационную

¹ Мальцев В. А. Баланс интересов в сфере обеспечения безопасности: понятие и механизм государственного правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 18. С. 5–10.

² Долгиева М. М., Долгиев М. М. Двойные стандарты Совета Европы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 108–112.

сферу жизни общества не только со стороны различных заинтересованных средств массовой информации, к которым может быть критическое отношение у граждан, но также и отдельных физических лиц, формирующих общественное мнение на основе своей узнаваемости и псевдоавторитетности. Масштабное распространение социальных сетей обусловило резкий скачок популярности таких лиц (артистов, музыкантов, общественных деятелей), высказывания которых могут побуждать общество к принятию определенных решений и формировать соответствующее общественное мнение. Такое неконтролируемое влияние на политические процессы остро ставит вопрос о защите государственного интереса в ущерб интересов этих граждан, выступающих против собственного государства. Принцип соразмерности при этом основывается на элементах «моральной» и «социальной» ответственности субъектов, пользующихся безусловными гражданскими правами, перед обществом и государством.

Указанным лицам в Российской Федерации с недавнего времени активно присваивается статус иностранных агентов, которые включаются в соответствующий реестр уполномоченным органом (Министерством юстиции).

Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»³ (далее — Закон об иностранных агентах) в ч. 1 ст. 1 называет иностранными агентами не только юридических, но и физических лиц, получающих поддержку и (или) находящихся под иностранным влиянием в иных формах. Это не означает, что любое абстрактное заявление известного гражданина, содержащее критику органов государственной власти, автоматически вовлекает его в правоотношения, основанные на Законе об иностранных агентах, а неоднократное невыполнение им требований, предъявляемых к иностранным агентам, сразу же делает его субъектом уголовной ответственности за неисполнение соответствующего законодательства (ст. 330.1 Уголовного кодекса РФ).

Уровень общественной опасности как личности иностранного агента, так и его деятельности, будучи одним из критериев дифференциации уголовной ответственности, является одинаково высоким. Факторы, определяющие

повышенную общественную опасность правонарушения, заключаются в том, что манипулирование общественным мнением носит не явный характер, а практически всегда прикрывается целью защиты определенных «демократических ценностей» или прав. В связи с этим такая нелегальная деятельность не сразу попадает в поле зрения правоохранительных органов и к моменту реагирования со стороны государства результаты деятельности иностранных агентов оседают в обществе, порождая непредсказуемые негативные последствия.

Таким образом, криминализация указанных деяний была продиктована угрозами национальной безопасности, суверенитету государства, а также необходимостью соблюдения интересов общества в целом и каждого гражданина в отдельности, гарантируемых законодательством России.

Обязательным признаком для признания лица иностранным агентом является ведение им политической деятельности в целях оказания влияния на выработку и реализацию государственной политики, формирование органов публичной власти, их решения и действия.

Закон об иностранных агентах является первым специальным законом, регулирующим правовой статус физических лиц — иностранных агентов, то есть лиц, находящихся под иностранным влиянием. При этом статус иностранного агента может быть присвоен не только гражданам Российской Федерации, но и любым другим лицам, чья политическая деятельность подрывает основы установленного правопорядка. Осуществление указанной деятельности и ранее признавалось незаконным, однако правовые положения не были консолидированными.

Стоит отметить, что российский Закон об иностранных агентах основан в первую очередь на аналогичном нормативном правовом акте США — Законе о регистрации иностранных агентов (Foreign Agents Registration Act, FARA) от 1938 г.⁴ В настоящее время данный закон содержит определение «иностранного принципала», к которым в широком смысле относятся любые иностранные правительственные учреждения, политические организации, предприятия, некоммерческие организации, государственные предприятия и даже частные лица⁵.

³ СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. II). Ст. 5222.

⁴ An Informational Resource in a New Era of Foreign Agents Registration Act Enforcement // URL: <https://www.fara.us/> (дата обращения: 22.12.2022).

«Агентом» при этом является физическое или юридическое лицо, которое действует на территории Соединенных Штатов по приказу, просьбе, указанию иностранного принципала или под его контролем⁶. Гражданин США, проживающий там же, не может являться иностранным принципалом. Кроме того, для признания агентом физическое или юридическое лицо также должно заниматься деятельностью, подлежащей регистрации, а именно заниматься политической деятельностью, чтобы «каким-либо образом повлиять на любое учреждение или должностное лицо правительства Соединенных Штатов или любую часть общественности в Соединенных Штатах», предоставлять определенные услуги по связям с общественностью (например, являться политическим консультантом), запрашивать, собирать, распределять деньги или другие ценные вещи, представлять интересы перед любым агентством или должностным лицом правительства США⁷. Соответственно, за нарушение правил регистрации предусматривается уголовная, гражданская и административная ответственность — в зависимости от умысла лица. Целенаправленное осознанное сокрытие сведений или ложные заявления об иностранном влиянии влекут за собой наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет и штрафа в размере до 10 000 долл. США⁸ (в общей сложности было инициировано 46 уголовных дел за всю историю действия закона⁹). Гражданские и административные иски о принудительном исполнении закона возможны при наличии «достаточных доказательств существенного нарушения». При этом в случае исполнения требований о регистрации никаких санкций на нарушителей не налагается (известно о 18 гражданских судебных делах с 1938 г.¹⁰). Таким образом, можно констатировать, что основоположником в области законодательства об иностранных агентах являются именно США.

Вместе с тем попытки к принятию аналогичных законов в других странах находят резкую критику администрации Соединенных Штатов Америки, даже если текст американского закона копируется дословно, что было явно продемонстрировано по отношению к Грузии во время протестов в начале 2023 г.¹¹

Как справедливо отмечается Р. А. Курбановым и К. И. Налетовым, Закон о регистрации иностранных агентов содержит намного более строгие правила функционирования таковых на территории США и более серьезную ответственность за невыполнение его требований по сравнению с нормами российского законодательства¹², при этом по аналогии с США новый Закон РФ об иностранных агентах включает положения о признании физического лица иностранным агентом, в том числе за распространение мнений о государственной политике и формирование общественно-политических взглядов и убеждений (п. 4, 5 ч. 5 ст. 4).

Обязательным условием наступления последствий, указанных в Законе об иностранных агентах, будет наличие иностранного влияния, определение которого также содержится в законе, при этом ранее законодательство о признании некоммерческой организации иностранным агентом применялось только в случаях доказанности одного лишь факта иностранного финансирования. Общим требованием к применению законодательства об иностранных агентах до и после принятия нового закона является критерий осуществления политической деятельности. Для сравнения: в США такая ответственность наступает за «действия по приказу, просьбе, под руководством, контролем иностранного принципала или лица, чья деятельность прямо или косвенно контролируется, направляется, финансируется или субсидируется иностранным принципалом», то есть агент занимается в Соединенных Штатах политиче-

⁵ 22 U. S. Code § 611 (b) // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/611> (дата обращения: 22.12.2022).

⁶ 22 U. S. Code § 611 (c) // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/611> (дата обращения: 22.12.2022).

⁷ 22 U. S. Code § 611 (o) // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/611> (дата обращения: 22.12.2022).

⁸ 22 U. S. Code § 618 (a) // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/611> (дата обращения: 22.12.2022).

⁹ Criminal Enforcement FARA // URL: <https://www.fara.us/resources-criminal> (дата обращения: 22.12.2022).

¹⁰ Civil Enforcement FARA // URL: <https://www.fara.us/resources-civil> (дата обращения: 22.12.2022).

¹¹ США против закона об иноагентах в Грузии, даже если он переведен слово в слово с американского закона — посол Келли Дегнан // Sputnik. Ближнее зарубежье. URL: <https://t.me/sputniklive/56345> (дата обращения: 01.04.2023).

¹² Курбанов Р. А., Налетов К. И. Статус иностранных агентов в России, США и Австралии: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 5. С. 5–15.

ской деятельностью в интересах иностранного принципала.

Российский термин «иностранное влияние», содержащийся в Законе об иностранных агентах, значительно более комплексный, характеризует политическую деятельность в интересах иностранных источников (ст. 3 Закона) в ущерб национальным интересам. Несмотря на то что в законе отсутствует определение национальных интересов, к таковым, согласно Указу Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в том числе относятся: поддержание согласия в стране, укрепление законности, защита конституционного строя, суверенитета, укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹³.

Длительное время на территории Российской Федерации функционировали организации и общественные объединения, получающие финансирование из-за рубежа и публично выступавшие против интересов российского общества и государственности. При этом нормотворчество в сфере регулирования деятельности иностранных агентов открыто критиковалось официальными международными организациями, в частности Европейской комиссией за демократию через право, известной как Венецианская комиссия¹⁴, и указывалось, что расширение определения «иностранных агентов» нарушает принцип соразмерности и необходимости в демократическом обществе, а потому распространение данного определения на более широкий круг лиц недопустимо¹⁵.

Также стоит отметить, что толкование официальными европейскими организациями норм национального российского законодательства в нарушение интересов Российской

Федерации не было направлено на упорядочение правоприменительной деятельности на международном и национальном уровнях вопреки собственным принципам¹⁶, а имело целью дискредитацию имеющегося законодательства и недопущение принятия нового в указанной области. Однако, как показала практика, выход Российской Федерации из Совета Европы был единственно верным решением, что позволило «освободить» национальное законодательство России от необходимости консолидации с европейским законодательством и мнениями Европейской Комиссии о том, какие государственные интересы подлежат защите, а какие нет¹⁷.

Основной претензией ряда отечественных публицистов к Закону об иностранных агентах в контексте п. 2 ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁸ является вмешательство государства в частную жизнь, в данном случае физических лиц, и такое вмешательство якобы не соразмерно защищаемому интересу, не является справедливым и выходит за пределы дозволенного при соблюдении баланса частных и публичных интересов¹⁹.

Между тем в 2014 г. Конституционный Суд РФ, рассматривая вопрос о соответствии положениям Конституции Российской Федерации законодательства об иностранных агентах, указал, что права граждан не являются абсолютными и могут быть ограничены законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, с целью достижения на основе баланса частных и публичных начал конституционно значимых целей²⁰.

¹³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

¹⁴ The European Commission for Democracy through Law — the Venice Commission // URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2021\)027-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2021)027-e) (дата обращения: 22.12.2022).

¹⁵ Бирюков П. Н. Венецианская комиссия и Россия: оценка законодательства об иностранных агентах // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2021. Т. 8. № 4. С. 26–31.

¹⁶ Хабриева Т. Я. Венецианская комиссия как субъект толкования национального права // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 5–14.

¹⁷ Долгиева М. М., Долгиев М. М. Указ. соч.

¹⁸ The European Convention on Human Rights // URL: <https://www.coe.int/en/web/human-rights-convention> (дата обращения: 22.12.2022).

¹⁹ Коновалов А. Закон об иностранных агентах — физлицах и права человека // URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/zakon-ob-inostrannykh-agentakh-fizlitsakh-i-prava-cheloveka/> (дата обращения: 22.12.2022).

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2014 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона “О некоммерческих ор-

Признание иностранным агентом в первую очередь предполагает, что любые материалы, распространяемые таким субъектом, должны сопровождаться соответствующей маркировкой, для понимания того, что имеются основания считать мнение данного субъекта противоречащим национальным интересам государства²¹. Ключевым обоснованием такой необходимости является право общества знать правду о том, кто и в каких целях влияет на решения, принимаемые государством.

Таким образом, объектом безусловной охраны Закона об иностранных агентах являются национальные интересы Российской Федерации.

Признание конкретных российских физических лиц иностранными агентами предполагает их вовлеченность в систему правоотношений, связанных не только с получением иностранных денежных средств или имущества, но и наличием иного иностранного влияния. В качестве ориентира при оценке статуса иностранного агента определяющими являются факты, указывающие на то, что «одна сторона работает на другую». При этом закон в данной части конкретики не содержит, что позволяет авторам высказать предположение о том, что к доказательствам иностранного влияния можно отнести:

1. Полное или частичное финансирование деятельности физического лица, в том числе гранты, благотворительные взносы и акции, обучение и повышение квалификации и т.д.

2. Оказание организационно-методической, научно-технической и иной помощи, в том числе помощи в получении иностранного гражданства, вида на жительство, места работы за границей.

3. Оказание воздействия на физическое лицо любыми способами в целях достижения *определенного иностранного интереса* вопреки интересам Российской Федерации.

И если с целенаправленным сбором сведений в области военной, военно-технической деятельности России, которые при их получении могут быть использованы против безопасности государства, вопросов не возникает, то определение политической деятельности требует научного толкования, так как и ранее в законодательстве об иностранных агентах данное определение считалось размытым и довольно широким, в связи с чем также необходимы и официальные разъяснения, что считать «влиянием», «воздействием» и «помощью».

Политическая деятельность — это осознанная целенаправленная деятельность, всегда связанная с «завоеванием, удержанием и использованием государственной власти»²², формы проявления активности в сфере таких интересов, которые способны конструктивно изменить отношение общества к государству, его органам и решениям, а также направлениям его внешних и внутренних процессов. Поэтому если физическое лицо проводит публичные мероприятия, акции и исследования, высказывая свое мнение, стремится повлиять на решения органов власти вне зависимости от преследуемых целей, изменить направление политики государства вопреки национальным интересам или конституционным ценностям, то такая деятельность может считаться политической. Безусловно, одного факта осуществления политической деятельности без участия иностранного источника недостаточно для возникновения анализируемых в данной статье правоотношений, поскольку политическая деятельность, хотя и оказывающая воздействие на принятие государственными органами решений и проводимую государственную политику, но при этом осуществляемая в целях «ложного патриотизма»²³ или критики государственной политики, не является предметом Закона об иностранных агентах. Именно сопоставление всех указанных

ганизациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л. Г. Кузьминой, С. М. Смиренского и В. П. Юкечева // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Нечкин А. В., Истомин М. А. Теоретико-правовые основы борьбы с манипулированием массовым сознанием в сети «Интернет» на примере Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1. С. 90–104.

²² Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1969–1978. Т. 20. С. 639.

²³ Очерки по стилистике русского языка / под ред. проф. К. И. Былинского. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1959. С. 113.

выше признаков является поводом для внесения определенного физического лица в реестр иностранных агентов. При этом рассматриваемая политическая деятельность в интересах иностранного источника может иметь как системный, так и имманентный характер.

В этой связи стоит обратиться к судебной практике США. Так, например, Апелляционный Суд США в деле по иску Генерального прокурора Соединенных Штатов против Irish People Inc²⁴ выразил мнение о том, что должно быть доказано две взаимосвязи:

- 1) что иностранный агент действует по приказу, просьбе, под руководством или контролем иностранного принципала, для или в его интересах;
- 2) что деятельность иностранного агента прямо или косвенно контролируется, направляется, финансируется или субсидируется полностью или в значительной части иностранным принципалом.

При этом суд указал, что необходимо учитывать точные формулировки, указанные в законе, для определения факта, когда человек считается *агентом* иностранного принципала, а когда он считается *посредником* иностранного принципала. Любое лицо, которое действует «по приказу, просьбе, под руководством или контролем иностранного принципала» или его посредника, может быть агентом, но посредником является лицо, «деятельность которого прямо или косвенно контролируется, направляется, финансируется или субсидируется полностью или в значительной части иностранным принципалом» (22 U.S.C. Разд. 611 (с) (1))²⁵. То есть, помимо двух установленных субъектов правоотношений — агента и принципала, в законе и в судебной практике США присутствует понятие посредника иностранного принципала, который не является агентом. Кроме того, суд указал, что существенная финансовая поддержка и совпадение политических точек зрения не служит безусловным доказательством присутствия предмета отношений «иностраный принципал — иностранный агент», следовательно, данный факт требует более весомых доказательств. Таким образом, зарегистрированный агент в соответствии с законодательством США часто также ошибочно квалифицируется

как посредник для иностранного принципала, не являясь таковым.

Российское законодательство не определяет разницы между иностранным источником и его посредником, объединив эти понятия в термин «иностранное влияние», что, на наш взгляд, является более логичным, поскольку доказанность иностранного влияния в контексте действующих норм закона об иностранных агентах не требует установления конкретного иностранного источника (иностранного физического или юридического лица, конкретного иностранного правительства и т.д.), а определяющим является его наличие как такового. При всей очевидности иностранного влияния финансирование может быть завуалировано, а указания не всегда поступают в письменном виде.

Таким образом, для признания физического лица иностранным агентом по российскому законодательству должно присутствовать одновременно три элемента:

- наличие иностранного влияния в вышеперечисленных авторами вариантах;
- участие физического лица в политической деятельности (публичные выступления, содержащие призывы к принятию, изменению или отмене государственных решений, проведению митингов, демонстраций, пикетирования; выдвижение законодательных инициатив вопреки государственной политике; проведение политических акций и протестов вопреки принятым решениям);
- прямое или косвенное влияние на государственные органы или государственную политику (распространение оценок принимаемых решений и проводимой политики с основной целью — оказать непосредственное воздействие на формирование общественного мнения, в том числе с использованием собственной узнаваемости, авторитета, общественного резонанса и привлечения внимания государственных органов и общества к своим высказываниям).

Отсутствие хотя бы одного из указанных признаков исключает отнесение физического лица к иностранным агентам.

Требования российского законодателя, устанавливающего обязанность физических

²⁴ Апелляция окружного суда Соединенных Штатов по округу Колумбия (гражданский иск № 76-01518) // URL: <https://openjurist.org/796/f2d/520/attorney-general-of-united-states-v-irish-people-inc> (дата обращения: 22.12.2022).

²⁵ 22 U. S. Code § 611 (c) // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/611> (дата обращения: 22.12.2022).

лиц — иностранных агентов подавать заявления о включении в реестр иностранных агентов, не являются дискриминационными в том случае, если иностранным агентом признается гражданин Российской Федерации, поскольку обеспечение информационной, а также имущественной прозрачности деятельности лица, намеревающегося влиять на принимаемые государственными органами политические и иные решения, не ограничивается соблюдением только частных интересов этого лица, а затрагивают общественно-правовые интересы как часть государственных интересов, являющихся системообразующими.

Существующие требования к прозрачности деятельности политических субъектов как в России, так и во всем мире основаны на обязанности государства обеспечить информирование о любой материальной или иной денежной заинтересованности лиц, оказывающих воздействие на формирование определенного общественного мнения. При этом государством не запрещается деятельность иностранных агентов, вопреки мнению критиков закона, и не нарушаются их конституционные права на идеологическое многообразие, а наоборот, обязанность уведомления соответствующего органа о наличии иностранного влияния согласовывается с положениями Конституции Российской Федерации о признании суверенной государственности России.

Стоит отметить для сравнения, что Министерство юстиции США в мае 2022 г. обратилось в суд с требованием обязать американского бизнесмена Стивена А. Винна зарегистрироваться в соответствии с Законом о регистрации иностранных агентов, который, по мнению прокурора, лоббировал интересы президента Трампа и бывших должностных лиц администрации по просьбе Китайской Народной Республики. В обоснование заявленного иска прокурором было указано, что «в тех случаях, когда иностранное правительство использует американца в качестве своего агента, чтобы влиять на политические решения в Соединенных Штатах, закон дает американскому народу право знать об этом»²⁶. Собственно, такое же

право должно существовать и у народа Российской Федерации. При этом стоит отметить, что решение о признании физического лица иностранным агентом может быть им обжаловано в суде, по аналогии с США, и на процедуру обжалования такого решения распространяются все предусмотренные процессуальным законом положения, в том числе и обязанность доказать обоснованность принятого решения.

Вместе с тем критика решений государственных органов, вызывающая негативное восприятие государственной политики, основанная на личном мнении физического лица, хотя и направленная на формирование общественного мнения, при отсутствии иностранного влияния исключает применение к нему положений Закона об иностранных агентах (ст. 13 Конституции РФ).

В этой связи основной проблемой применения данного Закона является разграничение реальных иностранных агентов и непатриотично настроенных граждан Российской Федерации, не получающих иностранного финансирования и не находящихся под иностранным влиянием, однако активно выступающих против политики государства. В общей массе общественных настроений такие граждане могут использоваться «вслепую», а с учетом жесткой борьбы государства с иностранным влиянием нельзя исключать ошибочных решений.

Единый реестр иностранных агентов на конец 2022 г. содержал свыше 200 физических лиц, признанных таковыми на основании решений Министерства юстиции РФ²⁷. При этом каждое такое решение оглашалось по факту его принятия. Законом не требуется предоставление общественности мотивировки принятого решения и доказательств, на основании которых оно было принято.

Стоит согласиться с мнением О. В. Романовской о том, что понятие «иностраный агент» несет в себе все негативные характеристики, которые сформировались в советскую эпоху по аналогии с «иностраным шпионом»²⁸. Поэтому такая стигматизация должна иметь под собой все законные основания. Вместе с тем в фактически военное время представляется

²⁶ Justice Department Sues to Compel a U. S. Businessperson to Register Under the Foreign Agents Registration Act // URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/justice-department-sues-compel-us-businessperson-register-under-foreign-agents-registration> (дата обращения: 22.12.2022).

²⁷ Единый реестр иностранных агентов // URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-01-12-2022.pdf> (дата обращения: 04.03.2023).

²⁸ Романовская О. В. Правовой статус иностранного агента // Гражданин и право. 2020. № 1. С. 36–48.

оправданным ограничение конституционных прав граждан, дестабилизирующих своей политической деятельностью умышленно или по незнанию социальные взаимоотношения внутри страны.

Активная, а в некоторых случаях агрессивно настроенная, оскорбительная позиция ряда лиц по отношению к государственным органам и решениям, принимаемым ими, нередко основана на их внутреннем убеждении. Иностранное влияние в данном случае может быть не прямым, а косвенным и выражаться в виде совпадения политических взглядов физического лица с политикой иностранных государств при отсутствии финансирования. Данное обстоятельство не признавалось бы существенным, если бы гражданин Российской Федерации не участвовал в формировании общественного мнения. Отсутствие третьего обязательного элемента — иностранного финансирования — в данном случае не позволяет в полной мере применять положения Закона об иностранных агентах, вместе с тем и не позволяет игнорировать такую политическую деятельность.

В сложный период принятие решений не может растягиваться во времени, а потому в вопросах признания физического лица иностранным агентом, на наш взгляд, первоопределяющим является факт его политической деятельности вопреки национальным интересам страны. При этом изначальное псевдо-иностранное влияние может проявляться как в бескорыстных мотивах, так и в заблуждениях

относительно политики собственного государства. Однако необходимо понимать, что любая политическая деятельность, посягающая на основы конституционного строя, формирующая негативное восприятие государственной политики, предполагает адекватную реакцию со стороны политического руководства страны. В связи с этим полагаем, что в настоящее время широкое применение Закона об иностранных агентах является оправданным, а положения об одновременном наличии всех трех признаков: участия в политической деятельности, наличия иностранного влияния и иностранного финансирования, подлежат индивидуализации.

Таким образом, новый Закон об иностранных агентах является актуальным консолидированным нормативным правовым актом, позволяющим обеспечить фундаментальные основы политической деятельности в государстве: транспарентность, законность и гласность всех ее субъектов. Ограничение конституционных прав граждан на этапе политического взаимодействия оправдано противодействием посягательствам на национальные интересы страны и сохранением государственности. Именно применением указанного Закона обеспечивается соблюдение баланса частных и публичных интересов, и в случае установления дополнительных обязанностей для физических лиц при признании их иностранными агентами гарантом соблюдения такого баланса будет выступать правосудие.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Долгиева М. М., Долгиев М. М. Двойные стандарты Совета Европы // Вестник Московского университета МВД России. — 2022. — № 5. — С. 108–112.
2. Бирюков П. Н. Венецианская комиссия и Россия: оценка законодательства об иностранных агентах // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2021. — Т. 8, № 4. — С. 26–31.
3. Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.
4. Коновалов А. Закон об иностранных агентах — физлицах и права человека // URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/zakon-ob-inostrannykh-agentakh-fizlitsakh-i-prava-cheloveka/>.
5. Курбанов Р. А., Налетов К. И. Статус иностранных агентов в России, США и Австралии: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2021. — Т. 17. — № 5. — С. 5–15.
6. Мальцев В. А. Баланс интересов в сфере обеспечения безопасности: понятие и механизм государственного-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. — 2007. — № 18. — С. 5–10.
7. Нечкин А. В., Истомин М. А. Теоретико-правовые основы борьбы с манипулированием массовым сознанием в сети «Интернет» на примере Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 1. — С. 90–104.

8. Очерки по стилистике русского языка / под ред. проф. К. И. Былинского. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1959. — 168 с.
9. Романовская О. В. Правовой статус иностранного агента // Гражданин и право. — 2020. — № 1. — С. 36–48.
10. Хабриева Т. Я. Венецианская комиссия как субъект толкования национального права // Журнал российского права. — 2016. — № 8. — С. 5–14.

Материал поступил в редакцию 16 апреля 2023 г.

REFERENCES

1. Dolgieva MM, Dolgiev MM. Dvoynye standarty Soveta Evropy [Double standards of the Council of Europe]. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;5:108-112. (In Russ.).
2. Biryukov PN. Venetsianskaya komissiya i Rossiya: otsenka zakonodatelstva ob inostrannykh agentakh [Venice Commission and Russia: Assessment of Legislation on Foreign Agents]. *Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*. 2021;8(1):26-31. (In Russ.).
3. Prokhorov AM (ed.). Bolshaya sovetskaya entsiklopediya [The Great Soviet Encyclopedia]. In 30 vols. 3rd ed. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ.; 1969–1978. (In Russ.).
4. Konovalov A. Zakon ob inostrannykh agentakh — fizlitsakh i prava cheloveka [The Law on Foreign Agents — individuals and human rights]. Available at: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/zakon-ob-inostrannykh-agentakh-fizlitsakh-i-prava-cheloveka/>. (In Russ.).
5. Kurbanov RA, Naletov KI. Status inostrannykh agentov v Rossii, SShA i Avstralii: sravnitelno-pravovoe issledovanie [The status of foreign agents in Russia, the USA and Australia: Comparative legal research]. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. 2021;17(5):5-15. (In Russ.).
6. Maltsev VA. Balans interesov v sfere obespecheniya bezopasnosti: ponyatie i mekhanizm gosudarstvenno-pravovogo regulirovaniya [Balance of interests in the field of security: the concept and mechanism of state-legal regulation]. *Constitutional and Municipal Law*. 2007;18:5-10. (In Russ.).
7. Nechkin AV, Istomin MA. Teoretiko-pravovye osnovy borby s manipulirovaniem massovym soznaniem v seti «Internet» na primere Rossiyskoy Federatsii [Theoretical and Legal Foundations of the Fight against Mass Consciousness Manipulation in the Internet on the Example of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;1:90-104. (In Russ.).
8. Bylinskiy KI (ed.). Ocherki po stilistike russkogo yazyka [Essays on the stylistics of the Russian language]. Moscow: Moscow University Publishing House; 1959. (In Russ.).
9. Romanovskaya OV. Pravovoy status inostrannogo agenta [The legal status of a foreign agent]. *Citizen and Law*. 2020;1:36-48(In Russ.).
10. Khabrieva TYa. Venetsianskaya komissiya kak subekt tolkovaniya natsionalnogo prava [The Venice Commission as a subject of interpretation of national law]. *Journal of Russian Law*. 2016;8:5-14. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.077-087

А. А. Нигметзянов*

Правовые основы цифровизации контроля граждан за деятельностью органов публичной власти

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы использования цифровых технологий во взаимоотношениях государства и личности. Одним из направлений таких взаимоотношений является контроль населения за работой органов управления в сфере предоставления услуг. Возможности контроля значительно увеличиваются при использовании цифровых технологий. Их внедрение в практику работы органов публичной власти и использование для расширения коммуникации с населением повышают объективность оценки качества предоставляемых услуг. Актуальность темы определяется двумя основными факторами: во-первых, цифровизация является неизменным этапом развития человечества, в том числе в сфере деятельности органов публичной власти, а во-вторых, цифровизация расширяет возможности осуществления контроля за деятельностью органов публичной власти, позволяет минимизировать риски коррупционных факторов, повысить прозрачность государственного управления. Исследование вопроса цифровизации проведено как с точки зрения подходов к формированию понятия, так и с точки зрения практической реализации феномена в контексте взаимоотношений государства и населения. Метод системного анализа позволил выявить основные теоретические положения о цифровизации в целом. Формально-юридический метод дал возможность адаптировать различные подходы исследователей к понятию цифровизации в широком смысле и к вопросам цифровизации органов публичной власти. Рассмотрение нормативной основы закрепления цифровых технологий дает основание прийти к выводу о широком охвате цифровой коммуникацией общественных отношений, что позволяет использовать различные формы и методы контроля населения за работой органов публичной власти. Основным препятствием в развитии коммуникации в цифровой сфере является недостаточная подготовка возрастных групп населения для использования современных информационных ресурсов.

Ключевые слова: цифровизация; цифровые технологии; контроль; надзор; правоотношения; государственный аппарат; органы публичной власти; органы управления; население; граждане; личность; эффективность.

Для цитирования: Нигметзянов А. А. Правовые основы цифровизации контроля граждан за деятельностью органов публичной власти // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 8. — С. 77–87. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.077-087.

© Нигметзянов А. А., 2023

* Нигметзянов Алмаз Альбертович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

Кремлевская ул., д. 18, г. Казань, Россия, 420008
diamondnig@mail.ru

Legal Foundations of Digitalization of Citizens' Control over the Activities of Public Authorities

Almaz A. Nigmatzyanov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University
ul. Kremlevskaya, d. 18, Kazan, Russia, 420008
diamondnig@mail.ru

Abstract. The paper discusses the use of digital technologies in the relationships between the state and an individual. One of the directions of such relationships is the control of the population over the work of government bodies providing services. Control capabilities are significantly increased with the use of digital technologies. Their introduction into the practice of public authorities and use to expand communication with the public increase the objectivity of assessing the quality of services provided by governmental authorities. The relevance of the topic is determined by two main factors. Firstly, digitalization is an invariable stage of human development, including public authorities. Secondly, digitalization expands the possibilities of monitoring the activities of public authorities, minimizes the risks of corruption-causing factors, and increases the transparency of public administration. The study of the issue of digitalization was carried out both from the point of view of approaches to the formation of the concept, and from the point of view of the practical implementation of the phenomenon in the context of the relationship between the state and the population. The method of system analysis made it possible to identify the main theoretical provisions on digitalization in general. The formal legal method made it possible to adapt various approaches of researchers to the concept of digitalization in a broad sense and to the issues of digitalization of public authorities. Consideration of the regulatory framework for the consolidation of digital technologies gives grounds to come to the conclusion about the wide coverage of public relations by digital communication, which allows the use of various forms and methods of public control over the work of public authorities. The main obstacle in the development of communication in the digital sphere is the insufficient preparation of aging groups of the population for the use of modern information resources.

Keywords: digitalization; digital technologies; control; supervision; legal relations; state apparatus; public authorities; governing bodies; population; citizens; personality; efficiency.

Cite as: Nigmatzyanov AA. Pravovye osnovy tsifrovizatsii kontrolya grazhdan za deyatelnostyu organov publichnoy vlasti [Legal Foundations of Digitalization of Citizens' Control over the Activities of Public Authorities]. *Lex russica*. 2023;76(8):77-87. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.077-087. (In Russ., abstract in Eng.).

Цифровизация является неотъемлемой частью общественного развития в различных сферах социума, в том числе в сфере деятельности государственного аппарата. При любом исследовании первоначально определяется смысловое значение исследуемых ключевых дефиниций. Изучение вопроса сущности цифровизации как термина носит междисциплинарный характер, что детерминирует наличие не только различных подходов к формированию и внедрению цифровых отношений в аппарат органов публичной власти, но и предопределяет многообразие интерпретаций самого термина. При этом тема цифровизации органов публичной власти, в том числе аспекты реализации контроля за их деятельностью в информационном поле, считается первоочередной ввиду глобализации мирового сообщества.

Ключевым фактором, определяющим значение цифровизации в области контроля за органами публичной власти, являются появляющиеся новые возможности вовлечения в эту сферу широких масс населения, объединений

граждан, институтов гражданского общества. В результате повышается объективность оценки работы органов управления, укрепление обратной связи по линии субъект-объект, создаются условия для создания наиболее прозрачной и свободной от неблагоприятных явлений модели функционирования органов публичной власти.

Развитие определенного феномена и его реализация в материальном мире неизменно проходят не только стадии адаптации к реальности, но и стадии выявления проблем, устранение которых является неотъемлемой частью приспособления явления к уникальным условиям социума в пределах единой территории. Данное положение применимо в том числе к выявлению и устранению проблем в части внедрения цифровых технологий в органах публичной власти.

При этом для наиболее эффективного развития и внедрения феномена цифровизации в органах публичной власти представляется целесообразным его наиболее полное закрепле-

ние в нормативных актах. Такие акты не только являются способом унификации различных положений по вопросам внедрения информационных технологий в аппарат публичного управления, но и служат ориентиром для реализации стратегий, программ и проектов, определяемых высшестоящими органами.

Феномен цифровизации неразрывно связан с эволюционированием общества, что обусловлено внедрением цифровых элементов в отношения различного уровня в пределах всех сфер общественной жизни. При этом сферы общества в рамках цифрового внедрения развиваются соразмерно друг другу, благодаря системной обустроенности социума. Определяющее значение для воздействия элементов цифровизации на общественные отношения играет их применимость и уровень эффективности в отношении отдельных категорий граждан и социальной жизни в целом. Видится целесообразным повышение результативности цифровизации элементов общества посредством расширения цифрового воздействия на отношения в различных сферах общественной жизни, а также на различных уровнях существования социума в пределах одной сферы. Иными словами, эффективность цифровизации необходимо оценивать с точки зрения ее увеличения и расширения в горизонтальной и вертикальной плоскостях.

Воздействию цифровизации подвержено большинство сфер общественной жизни. Сфера правового регулирования не является исключением. Цифровизация невозможна без правового оформления. Более того, сфера правового регулирования включает в себя два аспекта: с одной стороны, правовое воздействие на население, а с другой — воздействие населения на правовое регулирование¹. Цифровизация при такой особенности общественных отношений воздействует на публичную власть как элемент контроля, а в отношении населения используется не только в качестве способа влияния на принятие органами власти управленческих решений, но и в качестве возможности управле-

ния общественными процессами. Рассматривая же воздействие цифровизации на население, показателем эффективности цифровизации будет именно возможность управления властью, а часть управления населением посредством цифровизации будет представлять в виде некоего способа уведомления населения о предстоящих изменениях в сфере правового регулирования. Однако первопричина таких изменений так или иначе кроется во влиянии населения на правовые институты в рамках единого государства. Так, круг отношений в правовой сфере и воздействие на нее цифровизации включает и способность населения влиять на управленческие процессы, в том числе осуществлять контроль за соответствующими органами.

Цифровизация как явление имеет черты, определяемые учеными в качестве характеристик для установления его сущности. При этом дефиниция цифровизации так и не приобрела унификацию в трудах исследователей. Изучение исследуемой темы предполагает изучение основных подходов к определению понятия цифровизации, а также смежных с ним понятий. Так, группа исследователей из Центра оценки общественных инициатив ИППИ НИУ ВШЭ со ссылкой на Gartner Glossary² соотносит понятие цифровизации с тремя взаимосвязанными с ними дефинициями — оцифровка, цифровизация и цифровая трансформация, которые в последующем обозначаются авторами как стадии развития процесса цифровизации³. Некоторые авторы определяют цифровизацию через сущность смежных понятий либо путем приведения двух синонимичных понятий в единое смысловое поле. Например, Е. Б. Стариченко и Т. В. Никулина под цифровизацией понимают период времени, который основывается на технологиях нового уровня, при этом сущность проникновения цифровых технологий авторы определяют термином «информатизация»⁴. Сущность понятия цифровизации в виде явления, проникающего в сферы общества посредством преобразования информации в высокотехнологичные материалы в цифровой форме,

¹ Малый А. Ф., Нигметзянов А. А., Никитенко И. Г. Народовластие — фундамент демократического государства // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3 (65). С. 21–31.

² Gartner Glossary // URL: <https://www.gartner.com/en> (дата обращения: 22.12.2022).

³ Цифровизация некоммерческого сектора: готовность, барьеры и эффекты / Ю. Скокова, И. Краснопольская. И. Корнеева [и др.]. М., 2021. URL: <https://goo.su/WiY80I> (дата обращения: 22.12.2022).

⁴ Никулина Н. В., Стариченко Е. Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 11 (28). Т. 2. С. 564–567.

определяется Т. В. Фомичевой⁵. При этом позиция авторов, характеризующих понятие цифровизации посредством использования смежных дефиниций, обусловлена истоками его формирования. Так, термин «цифровизация» возник из слова «цифра», в переводе на английский язык — *digit*, от которого образованы смежные понятия: *digitization* и *digitalization*. Если первое обозначает преобразование элементов материального мира в цифровую сферу, то второе применяется для определения стратегии развития систем в правовой сфере⁶.

Анализируя исследования авторов по вопросам определения сущности понятия цифровизации, видится целесообразным разделение дефиниции на два основных аспекта: цифровизация как явление и цифровизация как способ изменения образов материального мира, преобразование в сферу информационных технологий. При этом цифровизация как явление охватывает гораздо более широкий круг отношений, который распространяется в том числе и на оцифровку материальных образов и представляется в виде некоторой стадии в развитии общества в целом. Цифровизация как способ закрепления объективной реальности в цифровом формате видится важным аспектом в рамках изучения данной темы ввиду того, что взаимодействие в электронной сфере органов публичной власти, а также населения как раз и определяется возможностью цифровизации существующих в реальной плоскости связей между двумя основными участниками правоотношений.

Таким образом, под цифровизацией следует понимать не этап в развитии человечества, а отображение материальных элементов объективной реальности в цифровой плоскости.

Подходы к пониманию цифровизации органов публичной власти целесообразно рассматривать с точки зрения внедрения цифровых технологий как в отдельные элементы государственного аппарата и частей, взаимодействующих с таким аппаратом, так и с точки зрения проникновения цифровых технологий в систему общественных отношений в целом. При этом

определяющим значением для формирования подхода и продуцирования соответствующих идей будут выступать способы цифровизации правоотношений в рамках публичного управления. Способы воздействия цифровых технологий на аппарат государственного управления тесно коррелируют с основными изменениями, которые в дальнейшем должны продемонстрировать повышение эффективности управления. Так, подходы к определению сущности цифровизации органов власти определяются новеллами, которые, в свою очередь, соотносятся со способами цифровизации общественных отношений. Суть подходов к цифровизации как к критериям состоит в данном случае в видоизменяющихся методах преобразования материальной действительности в цифровое пространство в деятельности государственного аппарата.

Некоторые исследователи при определении подходов к цифровизации органов публичной власти выделяют системные и прикладные аспекты в формировании электронной среды⁷. Под системным подходом понимается формирование цифровой среды во всем государственном аппарате, в том числе цифровизация публичного управления. Под частным подходом понимается цифровизация отдельных элементов в системе публичного управления с возможным переходом отдельных функций государственных органов в цифровое поле. Определение подхода, исходя из способа воздействия цифровых технологий на государственный аппарат, основывается на едином начале — трансформация управления, в том числе отдельных органов публичной власти, путем внедрения цифровизации в правоотношения, в том числе перевод данных в электронный вид.

Ценность каждого подхода в рамках единой классификации определяется его особенностями, которые формируются исходя из широты охватываемых отношений. Результатом исследований более обширного круга отношений, а именно при изучении подхода, охватывающего наибольший объем общественных связей, становится определение единых, наиболее объективных и универсальных начал. Что же касается

⁵ Фомичева Т. В., Катаева В. И. Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2. С. 80–84.

⁶ Данилова Л. Н., Ледовская Т. В., Соломин Н. Э., Ходырев А. М. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей // Вестник Костромского государственного университета. Серия «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2020. Т. 26, № 2. С. 5–12.

⁷ Демидов А. Ю., Лукашев А. И. Отдельные подходы к цифровой трансформации государственного управления // Государственная служба. 2021. № 1. С. 28–34.

исследования отдельных элементов в рамках единой структуры цифровизации государственного аппарата, то при таком изучении устанавливается связь между отдельными частями, которые, находясь в постоянной взаимосвязи с единой системой, определяют круг индивидуальных, особенных черт. При таком подходе формируется картина, представляющая наиболее детальное изучение цифровизации органов публичной власти как частей единой системы.

Интересно также оценить цифровизацию органов публичной власти с точки зрения решения практических и теоретических задач. Ключевым фактором при определении практической значимости цифровизации при формировании того или иного подхода будет его применимость в конкретных правоотношениях, а в дальнейшем возможность привести к нивелированию проблем, которые неизбежно возникнут. Наиболее интересный подход к цифровизации представляется в теоретическом плане, который основывается на нормативных началах, а также догмах и гипотезах, исследуемых при внедрении элементов цифровых технологий в практику государственного аппарата. Таким образом, сформированные теоретические и практические элементы наиболее универсальны в рамках исследования возникающих и внедряющихся цифровых технологий в аппарат органов публичной власти.

Так, выделяются системный и прикладной подходы, а также теоретический и практический подходы. При этом сформированные практический и теоретический подходы отличаются универсальностью ввиду возможности их применения по отношению к системному и прикладному подходам, как в целом, так и в частности.

При формировании новых правовых конструкций и их внедрении в общественные отношения неизбежны сложности их практической реализации, что вполне ожидаемо. Одной из наиболее распространенных проблем, возникающих при внедрении ранее не используемых (значительной частью населения) технологий, является неготовность и непонимание того, как именно использовать тот или иной циф-

ровой феномен. Истоки данной проблемы — в сформировавшейся в течение длительного времени практике взаимодействия органов государственной власти и населения без использования цифровых технологий. Интересно, что обозначенная проблематика не проявляется в тех случаях, когда взаимодействие части социума (как правило, это более молодое поколение) с органами публичной власти изначально основывается на принципах использования цифровых технологий. Для преодоления такой проблемы (характерной для более старшего поколения) создаются обучающие вкладыши, приложения, брошюры, в которых отражается порядок взаимодействия населения с органами публичной власти посредством использования цифровых технологий. Важно отметить, что при таком уровне неподготовленности населения переход к цифровизации органов публичной власти должен быть плавным, с частичным сохранением элементов реального взаимодействия и постепенным переходом на использование элементов информационных технологий.

Немаловажной проблемой, которая приобретает актуальность в свете последних событий, происходящих на мировой арене, являются кибератаки на сайты органов публичной власти, вывод их из нормального функционирования и, как следствие, обнародование данных пользователей, в том числе данных, содержащихся в официальных документах и не предназначенных для общего пользования. При этом данная проблема в основном соотносится с явлениями в общественной жизни, не подлежащими регулированию государством в одностороннем порядке.

Авторами наиболее ярко описывается проблема, состоящая в отсутствии четкой регламентации сферы цифровизации на законодательном уровне⁸, в том числе наличие пробелов в нормах права⁹. Правовая регламентация цифровизации как способа контроля или способа взаимодействия двух частей единой системы — государства и человека — представляется более разработанной по сравнению с нормативным закреплением положений об искусственном интеллекте, которое также явля-

⁸ Мартынов А. В., Ширеева Е. В., Логинова А. Э. Проблемы использования цифровых технологий в деятельности органов государственного контроля и надзора в условиях цифровой экономики // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2021. № 5. С. 119–135.

⁹ Косолапова Д. И. Проблемы и перспективы цифровизации государственного управления на региональном уровне // URL: https://elar.uafu.ru/bitstream/10995/98048/1/m_th_d.i.kosolapova_2021.pdf (дата обращения: 23.12.2022).

ется частью внедрения цифровых технологий в публичную сферу.

Искусственный интеллект на данном этапе развития не достиг того уровня практического применения, который мог бы быть использован в качестве способа решения той или иной задачи. Более того, в рамках изучения данной темы необходимо указать на наличие этической составляющей, возникающей при разрешении искусственным интеллектом проблем, связанных с деятельностью реальных людей. Данная этическая проблема проявляется в том, что искусственный интеллект, созданный на основе цифровых технологий, вершит право в отношении живого человека¹⁰. При этом решение указанной проблемы возможно лишь в случае принятия населением факта допустимости использования искусственного интеллекта для управления человеком.

Так или иначе, разрешение проблем, возникающих при внедрении элементов цифровых технологий в работу аппарата органов публичной власти, является ключевой задачей, решение которой возможно только при тщательной проработке нормативного механизма, позволяющего учитывать все нюансы применения искусственного интеллекта.

Для определения эффективности цифровизации как явления важно изучить достижение поставленных органами публичной власти целей, которые формируются исходя из запросов общества в целом. Так, цифровизация органов публичной власти предполагает достижение следующих целей:

1. Повышение уровня удовлетворенности граждан при их взаимодействии с органами публичной власти.

2. Уменьшение нагрузки на государственный аппарат и, как следствие, уменьшение издержек государственного управления.

3. Повышение уровня надежности и безопасности цифровой сферы в рамках государственного управления¹¹.

Особого внимания заслуживает цель, определяемая как стремление к снижению административной нагрузки на государственный аппарат и перевод ряда отношений, связанных с взаимодействием населения, в цифровое поле¹². А. Ю. Демидов при раскрытии сущности прикладного подхода к цифровизации органов публичной власти указывал, что подобное явление, направленное на уменьшение нагрузки государственного аппарата, будет соотноситься с цифровыми двойниками, которые виртуально выполняют аналогичные действия, направленные на достижение целей по взаимодействию населения и государства¹³. Обладая определенным набором электронных возможностей, реализация шаблонных действий в цифровом поле занимает гораздо более короткое время, в отличие от механической работы, что обусловлено вводом в программу заранее известной комбинации числовых вариантов, которая разрешает типовую ситуацию в соответствии с заданными параметрами. Вместе с тем работа подобных цифровых двойников имеет и негативные стороны, которые скрываются в невозможности разрешения нетиповых ситуаций, возникающих при взаимоотношениях населения и государства.

Уместным видится дополнить перечень целей, определяемых научным сообществом, намерениями, которые содержатся в нормативных источниках. Так, ключевой целью, определяемой в Указе Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030-е годы»¹⁴ (далее — Указ № 203), является создание условий для формирования в обществе соответствующих знаний об информационном пространстве, что в дальнейшем перерастает в необходимость реализации гражданами своих прав на объективную, достоверную и безопасную информацию. Важен в рассматриваемом контексте Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях

¹⁰ Daniel Martin Katz, Michael J Bommarito, Josh Blackman A General Approach for Predicting the Behavior of the Supreme Court of the United States // *Artificial Intelligence and Law*. 2014. № 22 (4). С. 337–374.

¹¹ Мартынов А. В., Ширеева Е. В., Логинова А. Э. Проблемы использования цифровых технологий в деятельности органов государственного контроля и надзора в условиях цифровой экономики // *Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского*. 2021. № 5. С. 119–135.

¹² Малый А. Ф. Взаимодействие как организационно-правовая форма сотрудничества субъектов // *Правовое государство: теория и практика*. 2023. № 1 (71). С. 62–66.

¹³ Демидов А. Ю., Лукашев А. И. Отдельные подходы к цифровой трансформации государственного управления // *Государственная служба*. 2021. № 1. С. 28–34.

¹⁴ СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹⁵, где ключевой целью является цифровизация отдельных элементов государственной системы управления в различных сферах общественной жизни: образования, медицины, экологии и др.

Следует отметить, что формирование целей на этапе теоретического исследования отношений в сфере цифровизации органов публичной власти носит прикладной характер и требует дальнейшего определения задач, необходимых для достижения результатов. При этом формирование задач должно соответствовать действительным и практически реализуемым способам внедрения элементов цифровых технологий в правовое поле.

Так, в Указе № 203 для достижения поставленных целей по формированию информационного пространства формулируются задачи, связанные с реализацией программ в сфере образования и просвещения, создания общедоступных систем по качественному повышению знаний в информационном поле. В Указе № 204 дополнительно определяется, что для достижения цели по цифровизации различных сфер общества необходимо ускорить подготовку качественных кадров, которые способствовали бы внедрению информационных технологий в различные сферы общества, а также необходимо увеличить затраты на формирование цифровой реальности.

Интересным представляется тот факт, что нормативные акты наиболее эффективно применяются на практике, в отличие от доктринальных выводов авторов по тем или иным вопросам. Безусловно, передовые исследования в той или иной области ложатся в основу формирования законодательных материалов, и именно нормативная база становится основой для совершения или несовершения тех или иных действий. В данной связи правовое закрепление целей и задач при формировании и внедрении цифровых элементов в деятельность органов публичной власти определяется прак-

тической необходимостью, в противном случае установление единых целей и определение задач для их достижения будет затруднительным. Таким образом, определяя генеральную цель по отношению к цели, устанавливаемой в нормативном правовом акте в отношении вопроса цифровизации государственных органов и их контроля, становится очевидным, что цель в законе не только формирует способы и варианты для осуществления того или иного действия, но и задает единый смысл для изменяемой сферы в целом.

Внедрение цифровых технологий в сферу функционирования органов публичной власти позволяет не только улучшить работу аппарата управления, оптимизировать взаимодействие граждан и органов публичной власти, но и ввести новые форматы контроля населения за их деятельностью.

Для определения форм и методов контроля за работой органов публичной власти следует обратиться не только к их способам, но и к субъектам, осуществляющим подобный контроль. Существуют различные подходы к определению сущности контроля и его пониманию в целом. Так, часть авторов полагают, что контроль представляет собой явление, с помощью которого осуществляется сбор определенной информации об эффективности деятельности государственного аппарата¹⁶. Некоторые видят в контроле способ управления деятельностью высших органов¹⁷. Часть авторов полагают, что контроль представляет собой прежде всего функцию¹⁸ по управлению государственным аппаратом¹⁹.

При этом если государственный контроль является неотъемлемой частью функционирования государственного аппарата в целом, то такое явление, как общественный контроль, является феноменом развивающегося общества. Государственный контроль представляет собой обязательную составляющую функционирования той или иной сферы общественных отношений, в то время как общественный контроль

¹⁵ СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

¹⁶ Тарасов А. М. Государственный контроль: сущность, содержание, современное состояние // Журнал российского права. 2002. № 1. С. 26–36.

¹⁷ Андреева Ю. А. К вопросу о соотношении понятий «контроль» и «надзор» // Административное право и процесс. 2009. № 2. С. 6–9.

¹⁸ Маштакова Е. А. Теоретико-правовые вопросы государственного контроля в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 28 с.

¹⁹ Акопов Л. В. Контроль в управлении государством: конституционно-правовые проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02. Ростов н/Д, 2002. 42 с.

является одним из способов, способствующих реализации гражданами правомочий, а также защиты своих прав. Значимость общественного контроля постоянно повышается благодаря тому, что именно контроль за деятельностью органов публичной власти извне способствует устранению коррупционных факторов, более того, такого рода контроль повышает уровень доверия со стороны населения в отношении этих органов.

Единство целей общественного и государственного контроля не предопределяет их отождествление²⁰, а лишь способствует эффективному устранению пробелов и проблем в аппарате органов публичной власти.

При определении объектного состава, осуществляющего контроль за деятельностью органов публичной власти, не стоит забывать и о способах осуществления такого контроля, в том числе путем реализации электронных технологий. Так, современные технологии предлагают различные способы цифрового контроля за деятельностью органов публичной власти, осуществление которого возможно посредством деятельности как общественных организаций, так и каждого человека индивидуально. Например, общественный контроль в цифровой сфере в рамках государственно-общественных отношений развивается в том числе посредством реализации программы «Активный гражданин»²¹, которая позволяет учесть мнение населения при взаимодействии с органами публичной власти, предлагает систему бонусной мотивации. Программа предусматривает возможность голосования граждан по актуальным вопросам развития общественной среды, разработки и реализации отдельных программ в рамках государственного управления. Так, в Республи-

ке Татарстан активно развивается программа «Школьный экопатруль», которая предусматривает цифровое взаимодействие школьников с представителями органов публичной власти, в рамках которого ученики могут сообщать о незаконных свалках. Для популяризации проекта органы публичной власти осуществляют не только мониторинг и устранение таких свалок, но и награждают наиболее активных участников проекта²².

Наиболее интересным с точки зрения реализации общественного контроля представляется проект «Ваш контроль»²³, который позволяет оценить работу органов публичной власти при их взаимодействии с населением в рамках оказания публичных услуг, предусмотренных нормативными предписаниями. Общественный цифровой контроль за деятельностью органов публичной власти осуществляется в том числе путем реализации программ, разработанных на платформах отдельных органов, предоставляющих услуги. Например, можно оценить качество предоставляемых услуг в Пенсионном фонде РФ²⁴. Соответствующая вкладка есть и на сайте Министерства экономического развития РФ²⁵. Интересной представляется и оценка качества посредством использования SMS-опроса, в котором граждане могут оценить качество предоставленных органами публичной власти услуг. Все данные поступают в Федеральный телефонный центр (ФТЦ)²⁶, который анализирует поступившие ответы. Далее, например, при оценке услуги на три балла по пятибалльной шкале сотрудники ФТЦ осуществляют звонок по номеру телефона, с которого поступила такая оценка, с целью определения негативных моментов при получении услуги.

²⁰ Дрейслер И. С. О соотношении государственного и общественного контроля как гарантий социалистической законности // Проблемы социалистической законности на современном этапе развития Советского государства. Харьков, 1968. С. 35–37.

²¹ Проект «Активный гражданин» // URL: <https://ag.mos.ru/> (дата обращения: 23.12.2022).

²² Участники конкурса «Школьный экопатруль» сообщили почти о 4,5 тыс. незаконных свалок // URL: <https://kzn.ru/meriya/press-tsentr/novosti/uchastniki-konkursa-shkolnyy-ekopatrul-soobshchili-pochti-o-4-5-tys-nezakonnykh-svalok/> (дата обращения: 23.12.2022).

²³ Проект «Ваш контроль» // URL: <https://vashkontrol.ru/> (дата обращения: 23.12.2022).

²⁴ Оценка качества предоставления государственных услуг // URL: https://pfr.gov.ru/about/smev/ocenka_kachestva/ (дата обращения: 23.12.2022).

²⁵ Оценка качества государственных услуг // URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/vnedrenie_novyh_principov_predostavleniya_uslug/ocenka_kachestva_gosuslug/ (дата обращения: 23.12.2022).

²⁶ Мониторинг качества госуслуг // URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/43/> (дата обращения: 23.12.2022).

Критериями для определения эффективности деятельности служат: время предоставления услуги и ее ожидания, комфортность предоставления услуги, доступность информации и удобство используемых процедур²⁷. Подобные критерии в большинстве своем едины при формировании оценки качества цифровых услуг.

Формами контроля со стороны населения за деятельностью органов публичной власти являются преимущественно опросы, анкетирование с использованием критериев, позволяющих оценить качество предоставляемых услуг. Вместе с тем посредством использования цифровых технологий распространены и способы информирования гражданами органов публичной власти о недостатках работы подведомственных учреждений.

В России создана правовая база, позволяющая осуществлять контроль с использованием цифровых технологий. Одним из актов является постановление Правительства РФ от 12.12.2012 № 1284²⁸. Данным постановлением предусмотрено использование электронных ресурсов для проведения опросов, нацеленных на выявление негативных моментов при предоставлении государственных услуг соответствующими органами. Следует отметить также, что постановление № 1284 содержит критерии для оценки эффективности деятельности органов публичной власти, а также способы выражения гражданами мнений по различным вопросам. При этом устанавливается, что соответствующими органами ведется учет мнений граждан, а в случае снижения показателя эффективности работы государственного органа проводится служебная проверка. Осуществление населением особого контроля реализуется путем не только возможности инициирования служебной проверки, но и возможности применения к должностному лицу мер воздействия, в том числе освобождения от занимаемой должности.

Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2014 № 991-р²⁹ определяет план мероприятий по оценке качества предоставляемых услуг населением на основании данных, полученных

посредством использования цифровых опросов и информационных технологий. Распоряжение не только содержит план по разработке и одобрению графиков мероприятий, осуществляемых органами публичной власти по оптимизации предоставляемых услуг, но и определяет требования к предоставлению услуг в цифровой сфере. Ключевым элементом распоряжения является часть, направленная на создание общего электронного поля, которое объединяет в себе автоматизацию информации и ее актуализацию, ведение справочников и реестров, нацеленных на пояснение возможностей и особенностей оказания публичных услуг в информационном поле.

Значителен массив ведомственных актов. Примером является приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 01.03.2013 № 38 «Об утверждении Положения об автоматизированной информационной системе “Федеральный телефонный центр сбора мнений граждан о качестве государственных услуг”»³⁰. Данный акт содержит в себе правовые основы, которыми регламентируется деятельность ФТЦ.

Отдельную группу нормативных актов составляют нормативные предписания в части закрепления порядка взаимоотношений органов публичной власти друг с другом в целях более эффективного взаимодействия в цифровой среде, целью которого является более качественная работа с населением. В число таких актов входят постановления Правительства РФ от 08.06.2011 № 451 «Об инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме»³¹, от 28.11.2011 № 977 «О федеральной государственной информационной системе “Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме”»³², от 08.09.2010

²⁷ Оценка качества предоставления государственных услуг // URL: https://pfr.gov.ru/about/smev/ocenka_kachestva/ (дата обращения: 23.12.2022).

²⁸ Постановление Правительства РФ от 12.12.2012 № 1284 «Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений)...» // СЗ РФ. 2012. № 51. Ст. 7219.

²⁹ Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2014 № 991-р // СПС «Гарант».

³⁰ Российская газета. 17.04.2013. № 83.

³¹ URL: <http://government.ru/docs/all/77558/> (дата обращения: 23.12.2022).

³² СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. V). Ст. 7284.

№ 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия»³³ и др.

Таким образом, в России создана обширная сеть нормативных правовых предписаний, позволяющих использовать цифровую коммуникацию для осуществления общественного контроля за деятельностью органов публичной власти. Правовыми актами предусмотрены различные формы и методы взаимодействия населения и органов публичной власти, что позво-

ляет решать ряд задач. Во-первых, повышать эффективность управления в части оказания публичных услуг; во-вторых, выявлять коррупциогенные факторы в деятельности органов публичной власти; в-третьих, вовлекать граждан в обсуждение общественно значимых вопросов организации жизни в городских и сельских поселениях; в-четвертых, повышать доверие населения к деятельности органов публичной власти.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акопов Л. В. Контроль в управлении государством: конституционно-правовые проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02. — Ростов н/Д, 2002. — 42 с.
2. Андреева Ю. А. К вопросу о соотношении понятий «контроль» и «надзор» // Административное право и процесс. — 2009. — № 2 — С. 6–9.
3. Данилова Л. Н. Ледовская Т. В., Сольмин Н. Э., Ходырев А. М. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей // Вестник Костромского государственного университета. Серия «Педагогика. Психология. Социокинетика». — 2020. — Т. 26. — № 2. — С. 5–12.
4. Демидов А. Ю., Лукашев А. И. Отдельные подходы к цифровой трансформации государственного управления // Государственная служба. — 2021. — № 1. — С. 28–34.
5. Дрейслер И. С. О соотношении государственного и общественного контроля как гарантий социалистической законности // Проблемы социалистической законности на современном этапе развития Советского государства. — Харьков, 1968. — С. 35–37.
6. Малый А. Ф. Взаимодействие как организационно-правовая форма сотрудничества субъектов // Правовое государство: теория и практика. — 2023. — № 1 (71). — С. 62–66.
7. Малый А. Ф., Нигметзянов А. А., Никитенко И. Г. Народовластие — фундамент демократического государства // Правовое государство: теория и практика. — 2021. — № 3 (65). — С. 21–31.
8. Мартынов А. В., Ширеева Е. В., Логинова А. Э. Проблемы использования цифровых технологий в деятельности органов государственного контроля и надзора в условиях цифровой экономики // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. — 2021. — № 5. — С. 119–135.
9. Маштакова Е. А. Теоретико-правовые вопросы государственного контроля в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2000. — 28 с.
10. Никулина Н. В. Стариченко Е. Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. — 2018. — № 11 (28). — Т. 2. — С. 564–567.
11. Тарасов А. М. Государственный контроль: сущность, содержание, современное состояние // Журнал российского права. — 2002. — № 1. — С. 26–36.
12. Фомичева Т. В. Катаева В. И. Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. — № 2. — С. 80–84.
13. Косолапова Д. И. Проблемы и перспективы цифровизации государственного управления на региональном уровне // URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/98048/1/m_th_d.i.kosolapova_2021.pdf.
14. Цифровизация некоммерческого сектора: готовность, барьеры и эффекты / Ю. Скокова, И. Краснопольская, И. Корнеева [и др.]. — М., 2021. — URL: <https://goo.su/WiY80I>.
15. Участники конкурса «Школьный экопатруль» сообщили почти о 4,5 тыс. незаконных свалок // URL: <https://kzn.ru/meriya/press-tsentr/novosti/uchastniki-konkursa-shkolnyy-ekopatruul-soobshchili-pochti-o-4-5-tys-nezakonnykh-svalok/>;
16. Katz D. M., Bommarito M. J., Blackman J. A General Approach for Predicting the Behavior of the Supreme Court of the United States // Artificial Intelligence and Law. — 2014. — № 22 (4). — P. 337–374.

Материал поступил в редакцию 27 апреля 2023 г.

³³ СЗ РФ. 2010. № 38. Ст. 4823.

REFERENCES

1. Akopov LV. Kontrol v upravlenii gosudarstvom: konstitutsionno-pravovye problemy: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Control in the management of the state: constitutional and legal problems: abstract. Dr. Diss. 12.00.02]. Rostov-on-Don; 2002. (In Russ.).
2. Andreeva YuA. K voprosu o sootnoshenii ponyatiy «kontrol» i «nazor» [On the question of the relationship between the concepts of «control» and «supervision». *Administrative Law and Process*. 2009;2:6-9. (In Russ.).
3. Danilova LN, Ledovskaya TV, Solomin NE, Khodyrev AM. Osnovnye podkhody k ponimaniyu tsifrovizatsii i tsifrovyykh tsennostey [Basic approaches to understanding digitalization and digital values]. *Bulletin of Kostroma State University. Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2020;26(2):5-12. (In Russ.).
4. Demidov AYu, Lukashev AI. Otdelnye podkhody k tsifrovoy transformatsii gosudarstvennogo upravleniya [Separate approaches to the digital transformation of public administration]. *Public Service*. 2021;1:28-34. (In Russ.).
5. Dreisler IS. O sootnoshenii gosudarstvennogo i obshchestvennogo kontrolya kak garantiy sotsialisticheskoy zakonnosti [On the correlation of state and public control as guarantees of socialist legality]. In: *Problems of Socialist Legality at the Present Stage of development of the Soviet State*. Kharkov; 1968. (In Russ.).
6. Maly AF. Vzaimodeystvie kak organizatsionno-pravovaya forma sotrudnichestva subektov [Interaction as an organizational and legal form of cooperation of subjects]. *The Rule of Law State: Theory and Practice*. 2023;1(71):62-66. (In Russ.).
7. Maly AF, Nigmatzyanov AA, Nikitenko IG. Narodovlastie — fundament demokraticeskogo gosudarstva [Democracy is the foundation of a democratic state]. *The Rule of Law State: Theory and Practice*. 2022;3(65):21-31. (In Russ.).
8. Martynov AV, Shireeva EV, Loginova AE. Problemy ispolzovaniya tsifrovyykh tekhnologiy v deyatel'nosti organov gosudarstvennogo kontrolya i nadzora v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki [Problems of using digital technologies in the activities of state control and supervision bodies in the digital economy]. *Bulletin of Lobochevskiy Nizhny Novgorod University*. 2021;5:119-135. (In Russ.).
9. Mashtakova EA. Teoretiko-pravovye voprosy gosudarstvennogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. [Theoretical and legal issues of state control in the Russian Federation: Author's Abstract]. Volgograd; 2000. (In Russ.).
10. Nikulina NV, Starichenko EB. Informatizatsiya i tsifrovizatsiya obrazovaniya: ponyatiya, tekhnologii, upravlenie [Informatization and digitalization of education: concepts, technologies, management]. *Pedagogical Education in Russia*. 2018;11(28):(2);564-567. (In Russ.).
11. Tarasov A.M. Gosudarstvennyy kontrol: sushchnost, sodержanie, sovremennoe sostoyanie [State control: essence, content, current state]. *Journal of Russian Law*. 2002;1:26-36. (In Russ.).
12. Fomicheva TV, Kataeva VI. Tsennosti rossiyan v kontekste tsifrovizatsii rossiyskoy ekonomiki [The Values of Russians in the context of digitalization of the Russian economy]. *The Standard of Living of the Population of the Regions of Russia*. 2019;2:80-84. (In Russ.).
13. Kosolapova DI. Problemy i perspektivy tsifrovizatsii gosudarstvennogo upravleniya na regionalnom urovne [Problems and prospects of digitalization of public administration at the regional level]. Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/98048/1/m_th_d.i.kosolapova_2021.pdf. (In Russ.).
14. Skokova Yu, Krasnopolskaya I, Korneeva I., et al. Tsifrovizatsiya nekommercheskogo sektora: gotovnost, barery i efekty [Digitalization of the non-profit sector: readiness, barriers and effects]. Moscow; 2021. (In Russ.).
15. Uchastniki konkursa «Shkolnyy ekopatrul» soobshchili pochti o 4,5 tys. nezakonnykh svalok [Participants of the School Ecopatrul competition reported almost 4.5 thousand illegal landfills]. 22 July 2020. Available at: <https://kzn.ru/meriya/press-tsentr/novosti/uchastniki-konkursa-shkolnyy-ekopatrul-soobshchili-pochti-o-4-5-tys-nezakonnykh-svalok/>. (In Russ.).
16. Katz DM, Bommarito MJ, Blackman J. A General Approach for Predicting the Behavior of the Supreme Court of the United States. *Artificial Intelligence and Law*. 2014;22(4):337-374.

Психологический аспект правового воздействия

Аннотация. В статье рассмотрен феномен правового воздействия как социально-психологического правового явления. Субъект права является центральной фигурой гносеологического анализа психологического аспекта правового воздействия. Субъект — единственный компонент, который способен активно реагировать на правовое воздействие. Активная реакция выражается в участии в правовом воздействии, получении и переработке правовой информации, моделировании собственного поведения в соответствии с полученной информацией. В статье автор осуществляет обзор исследований в данной области, на основании которого следует сделать вывод о необходимости усиления междисциплинарного взаимодействия между теорией права и психологическими науками в количественном и качественном ключе. Отсутствие подобных исследований обуславливает актуальность настоящего исследования. Определены основные свойства личности, определяющие стратегию ее поведения, влияние внешних и внутренних факторов. В системе социальной коммуникации человек является активным самоорганизующимся субъектом, который транслирует и осуществляет транзит правовой информации субъектам иных уровней социального взаимодействия. Оценка значимости правовой информации и выбор решения по ее использованию осуществляется субъектом самостоятельно, с применением собственного социального опыта и психологических свойств. Изучен механизм психологического правового воздействия. В рамках статьи автором обоснована необходимость введения в научный оборот понятия «направленное поведение», под которым следует понимать состояние субъекта, испытывающего правовое воздействие, а также последствия в виде определенных деяний субъекта, опосредованных правовым воздействием, процесс обмена между участниками социальной коммуникации значимой правовой информацией. Определена роль правосознания и правовой информации в механизме психологического правового воздействия.

Ключевые слова: правовое воздействие; психологическое правовое воздействие; правовая информация; социальная коммуникация; направленное поведение; правосознание.

Для цитирования: Берг Л. Н. Психологический аспект правового воздействия // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 8. — С. 88–98. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.088-098.

Psychological Aspect of Legal Impact

Lyudmila N. Berg, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Theory of State and Law, Ural State Law University
ul. Komsomolskaya, d. 21, Ekaterinburg, Russia, 620137
l.berg@egov66.ru

Abstract. The paper considers the phenomenon of legal impact as a socio-psychological legal phenomenon. The subject of law is in the core of the epistemological analysis of the psychological aspect of legal impact. The subject is the only component able to actively respond to legal impact. An active reaction is expressed as participation in legal impact, obtaining and processing legal information, modeling one's own behavior in accordance with the information received. In the paper, the author reviews some research in this field and concludes that there

© Берг Л. Н., 2023

* Берг Людмила Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137
l.berg@egov66.ru

is a need to strengthen interdisciplinary interaction between the theory of law and psychological sciences in a quantitative and qualitative way. The absence of such studies determines the relevance of this study. The main personality traits determining the strategy of its behavior, the influence of external and internal factors are determined. In the system of social communication, a person is an active self-organizing entity that transmits and transmits legal information to subjects of other levels of social interaction. The assessment of the significance of legal information and the choice of a decision on its use is carried out by the subject independently, using their own social experience and psychological properties. The mechanism of psychological legal impact has been studied. Within the framework of the paper, the author substantiates the need to introduce the concept of «directed behavior» into scientific circulation, which should be understood as the state of the subject experiencing legal influence, as well as the consequences in the form of certain acts of the subject mediated by legal impact, the process of exchange of significant legal information between participants in social communication. The role of legal awareness and legal information in the mechanism of psychological legal impact is determined.

Keywords: legal impact; psychological legal impact; legal information; social communication; directed behavior; legal awareness.

Cite as: Berg LN. Psikhologicheskiy aspekt pravovogo vozdeystviya [Psychological Aspect of Legal Impact]. *Lex russica*. 2023;76(8):88-98. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.088-098. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Субъект права является центральной фигурой гносеологического анализа психологического аспекта правового воздействия.

Иные компоненты процесса правового воздействия (правовые акты, государство, власть) не обладают свойствами психологического характера, они «душевно мертвы», но вызывать психологические проявления способны.

Субъект — единственный компонент, который способен активно реагировать на правовое воздействие. Активная реакция выражается в участии в правовом воздействии, получении и переработке правовой информации, моделировании собственного поведения в соответствии с полученной информацией.

В настоящем исследовании фокус внимания сосредотачивается на «субъекте правового воздействия»¹, исследование психологических аспектов правового воздействия возможно лишь опосредованно, через субъекта.

Разработка психологической структуры взаимосвязи субъекта и правового воздействия заставляет нас сосредоточиться на следующем важном моменте: человек не является лишь пассивным объектом информационного воздействия, не только конформистски приспосабливается к «информационному шуму», человек является актором активных действий в

общественных отношениях. Данный факт принципиально меняет научную парадигму.

Исходя из современных концепций в области психологии, рассматривающих человека как сумму результатов его собственного развития и влияния меняющихся внешних (общественных) факторов и условий, подход многих представителей юридической науки (например, криминологов), понимающих человека лишь как результат влияния среды, требует значительного пересмотра. Таким образом, «одно из условий успешного исследования поставленной проблемы — признание единства внутреннего и внешнего, субъективного и объективного»².

Отечественными юристами-правоведами проблематика психологических аспектов правового воздействия была достаточно подробно разработана с позиции теории права и методологии. В. В. Лапаева в монографии «Конкретно-социологические исследования в праве» (1987) исследовала правовое воздействие на личность с точки зрения психологического механизма в целом и его отдельных элементов, например установок. Данному аспекту посвящена целая глава. В. В. Лапаева пишет, что «чем больше цели внешнего регулирующего воздействия отличаются от внутренних целей регулируемой системы, тем сильнее должны быть стимулы в виде поощрения или принуждения»³. Мы соглашаемся с данным тезисом.

¹ Берг Л. Н. Социально-психологическая система правового воздействия: общетеоретический анализ // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 25–29.

² Берг Л. Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019.

³ Лапаева В. В. Конкретно-социологические исследования в праве. М., 1987. С. 111.

Тем не менее можно констатировать, что стройная теоретическая концепция психологического правового воздействия находится в стадии формирования. Проблема заключается в некоторых недостатках научно-методологического аппарата, применимого для изучения психологического механизма правового воздействия на субъекта.

Исследование сконцентрировано на тезисе: субъект одновременно воспринимает и воспроизводит значимую правовую информацию, являясь активным участником социальной коммуникации. Таким образом, анализ психологических аспектов правового воздействия необходимо проводить, опираясь на вектор понимания и уяснения психологических свойств поведения субъекта и его социальных связей, а также «через выяснение мотивационных, рефлексивных и социальных характеристик. Обладая соответствующими данными, можно более подробно представить правопсихологический механизм правового воздействия на субъекта, построить соответствующую картину этого процесса»⁴.

В теории правового воздействия, исходя из современных научно-теоретических разработок в части психологического правового воздействия на субъекта, можно выделить два аспекта такого воздействия: внешний и внутренний. Главным элементом внешнего аспекта психологического правового воздействия выступает юридическое нормирование (объективная сторона воздействия). «Учет личностных характеристик, сложившихся обстоятельств и ситуаций, условий деятельности субъекта, мотивационные, волевые, рефлексивные, коммуникативные стороны»⁵ — внутренний аспект (субъективная сторона воздействия).

Важной проблемой, до конца не решенной ни «юридической наукой»⁶, ни психологической теорией (А. Адлер, Э. Фромм, К. Хорни и др.), остается проблема того, какие «сугубо ситуативные характеристики личности определяют ее поведение»⁷. Для юристов этот вопрос ставится несколько по-другому, конкретнее: каким образом субъект может упорядочить

свое поведение в процессе отклика на получаемую правовую информацию? Какие свойства и характеристики позволяют это сделать? Какие стратегии поведения имеет субъект, если мы не ограничиваемся привычной классификацией деления поведения на правомерное и неправомерное? Из каких элементов образуется структура поведения субъекта в процессе получения значимой правовой информации, а значит, и претерпевания правового воздействия? Каким образом субъект способен изменить характер социальной коммуникации, основываясь на правовой информации?

Психологические свойства личности

Выделим три блока компонентов, предопределяющих психологическую структуру:

1. Характеристики субъекта, отражающие его личностные психологические свойства. Такие характеристики образуют мотивы, рефлексивный анализ, социальные характеристики (ориентация и направленность поведения, характер, степень коммуникабельности, вера, жизненные принципы, способность к риску и т.д.).

2. Характеристики субъекта, отражающие его деятельностные свойства (поступки, принятие решений, деятельность).

3. Характеристики субъекта, «формирующие результирующие свойства объективного плана (упорядочение социального поведения, социальных связей и отношений) и субъективного плана (тот или иной уровень психологической удовлетворенности и психологического благополучия)»⁸.

Психологический механизм правового воздействия выстроен из определенной последовательной комбинации компонентов: личностные свойства субъекта, характер его деятельности, результирующие свойства объективного и субъективного плана субъекта.

Данный подход основан на концепции известного российского психолога Л. И. Анцыферовой (ученица С. Л. Рубинштейна), в

⁴ Берг Л. Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика...

⁵ Дикая Л. Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). М., 2003. 318 с.

⁶ Жинкин С. А. Психологические проблемы эффективности права : монография. СПб., 2009. 376 с.

⁷ Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 2003. 608 с.

⁸ Цит. по: Шевеленкова Т. Д., Фесенко Т. П. Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–121.

соответствии с которой психологический механизм — это «закрепившиеся в психологической организации личности функциональные способности реализации ее психической жизни, в результате чего меняется режим ее функционирования. Психологические механизмы являются механизмами реальных или мысленных преобразований взаимоотношений человека с обществом, с миром в целом»⁹.

Соглашаясь с позицией Л. И. Анцыферовой, более развернуто рассмотрим те психологические свойства личности, которые дают субъекту определение активного участника социальной коммуникации, при этом находящегося под влиянием вышеназванных компонентов правового воздействия.

«Психологическое благополучие»¹⁰ — то, к чему стремится субъект, организуя собственное поведение под воздействием правовой информации, которая так или иначе содержит в себе определенное организующее начало.

Психологическое благополучие — ментальное стремление любой личности, но мотивы личности и личные жизненные ценности — рычаг, активирующий поведение субъекта. Указанные выше факторы имеют весомое значение, определяющее направленность действий в поведении субъекта. Затем, данные факторы дополняются притязаниями, ожиданиями, планами, что характеризует направленность социальной активности субъекта.

К данным характеристикам психологического облика следует добавить и характеристики, отражающие рефлексивные свойства субъекта, которые позволяют объяснять результаты поведения и последствия событий. Здесь запускается психологический механизм самопознания:

оценка и объяснение событий и собственной деятельности порождает реакцию в виде определенных эмоций, которые в дальнейшем определяют мотивацию и поведение субъекта.

Рефлексивные характеристики субъекта — определяющая способность человека для создания упорядоченности социальной коммуникации в процессе правового воздействия. На основании различных внутренних и внешних условий данные характеристики направляют социальную активность субъекта. Данная часть отвечает также за саморегуляцию и возникновение чувства ответственности. В этой связи К. А. Абульханова даже использует специальное понятие — «социальное мышление», которое является инструментом саморегуляции, «направляющим в море социальных отношений»¹¹.

Исследование субъективного аспекта правового воздействия вызывает сомнения относительно верности теоретического положения: «правовое воздействие осуществимо лишь посредством правовой нормы либо в результате воздействия правового явления, либо посредством получения и усвоения правовой информации». Является ли этот тезис точным? Продолжим искать ответ на данный вопрос.

XXI столетие является эпохой «виртуального общения», переноса большей части коммуникаций в виртуальное пространство. Информация (особенно если она значимая для субъектов) передается мгновенно огромному числу участников «сетевых общения»¹². Тенденция переноса коммуникаций в виртуальное пространство определяет возрастание влияния друг на друга участников виртуальных социальных коммуникаций. Данное влияние осу-

⁹ Анцыферова Л. И. Личность с позиций динамического подхода // Психология личности в социалистическом обществе : Личность и ее жизненный путь. М., 1990. С. 8.

¹⁰ Ширяева О. С. Психологическое благополучие личности в экстремальных условиях жизнедеятельности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Петропавловск-Камчатский, 2008.

¹¹ Абульханова К. А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности) : Избранные психологические труды. М. ; Воронеж, 1999. С. 125–126.

¹² В октябре 2022 г. число активных авторов в социальных медиа в России составило 62,2 млн. Авторы написали более 1,5 млрд публичных сообщений — постов, репостов и комментариев (в октябре 2021 г. — 1,1 млрд). Общее число авторов (62,2 млн) и общее число сообщений (1,5 млрд) не являются суммой показателей, представленных на графиках соцсетей. Это данные по всем социальным медиа, включающим соцсети, мессенджеры, форумы, блоги, геосервисы, отзовики, UGC-площадки и т.д. При этом общее количество авторов учитывает присутствие одних и тех же пользователей на различных площадках. А общее количество сообщений учитывает объем публикаций на источниках соцмедиа, данные по которым не выделены отдельно в данном исследовании. См. подробнее: Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2022 // Официальный сайт компании Brand Analytics. URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2022/> (дата обращения: 04.04.2023).

ществляется как в правовом поле, так и за его пределами.

Учитывая характер правового воздействия в условиях виртуальных социальных коммуникаций, можно остановиться на следующих выводах:

- Отдельные акты поведения субъектов виртуальной социальной коммуникации получают одобрение или осуждение со стороны других субъектов.
- Каждому из субъектов в целом необходима оценка своих действий.
- В процессе реализации виртуальной социальной коммуникации проходит социальный обмен материальными средствами, информационными ресурсами, эмоциональными проявлениями и т.д.
- Данные факты социальной коммуникации предопределяют осуществление субъектом конкретных действий: стимулируя и направляя одни, ограничивая и запрещая другие.
- Коммуникация в рамках виртуальной реальности значительно влияет на поведение субъекта в реальной жизни. В результате происходит запуск механизма саморегуляции функциональных состояний и активности субъекта.

Сделаем акцент на том, что демографические факторы, социальные характеристики субъекта и даже его экономический статус определяют психологические аспекты правового воздействия. Например, стаж работы, возраст, наличие высшего образования и др. — ряд переменных свойств непсихологического характера, влияющих на поведение субъекта и коммуникативные связи, которые он выстраивает. Такие свойства и отдельные факторы нельзя охарактеризовать как психологические, но так или иначе они способны оказывать значительное влияние на психологическую и эмоциональную составляющую субъекта, а следовательно, должны оставаться в поле внимания исследователя психологических аспектов правового воздействия.

Механизм психологического правового воздействия (направленное поведение)

В целях исследования и разработки механизма изменения поведения субъекта (психологических «сдвигов») под влиянием правового воздействия считаем необходимым ввести новое научное понятие — «направленное поведение». Данный термин определяет состояние субъекта, испытывающего правовое воздействие, а также последствия в виде определенных деяний субъекта, опосредованных правовым воздействием, процесс обмена между участниками социальной коммуникации значимой правовой информацией. Информационное воздействие права основано на том, что право является одной из разновидностей социальной нормативной информации¹³.

На основании эмпирических данных определены стратегии — реакции участника социальной коммуникации на правовую информацию:

- 1) полная реализация требований, содержащих правовую информацию (выполнение);
- 2) частичная реализация требований, содержащих правовую информацию (частичное выполнение);
- 3) привычная реализация требований, содержащих правовую информацию (усвоение);
- 4) уклонение от реализации требований, содержащих правовую информацию, игнорирование ее содержания;
- 5) прогноз и проектирование поведения в соответствии с правовой информацией в будущем.

Такое социальное поведение, выражающееся в 5 вариантах возможных поведенческих актов, будем именовать «направленным поведением»¹⁴.

«Данный термин позволяет понять, что такое поведение осуществляется в границах, рамках, определяемых релевантной для субъекта информацией»¹⁵ (см. рисунок на с. 93).

Примеры направленного поведения: покупка товаров в соответствии с рекомендациями блогеров в социальных сетях, следование рекомендациям риелтора по заключению сделки по покупке определенной недвижимости, сле-

¹³ Берг Л. Н. Правовое воздействие: социально-психологический аспект // Юридическая психология. 2016. № 2. С. 25–28. (25).

¹⁴ Изложенные выше модели направленного поведения, а также факторы, влияющие на него, имеют характер научной гипотезы и должны подтверждаться дальнейшими эмпирическими психологическими исследованиями.

¹⁵ Берг Л. Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика...

Структура поведенческого акта под влиянием правовой информации

дование предписаниям контрольно-надзорного органа (предостережение прокурора).

Возникает ли направленное поведение в повседневных бытовых ситуациях? Например, при применении рекомендаций близких и коллег в использовании кулинарных рецептов, настройке бытовой техники и т.п.? На наш взгляд, такое поведение является направленным, но как факт обычной социальной коммуникации, не включающей элементы правового воздействия.

Описанные ранее 5 стратегий (вариантов) поведения субъектов объединяются в 3 более крупные группы (стиля) поведения. Данное объединение основано на обобщении поведенческих актов посредством правового воздействия.

«Продуктивный» стиль поведения: прямое исполнение требований, содержащихся в правовой информации, моделирование и коррекция собственных поведенческих актов в соответствии с правовой информацией.

«Непродуктивный» стиль поведения: прямое нарушение требований, содержащихся в правовой информации, путем преступления установленных норм и правил.

«Нейтральный» стиль поведения: следование установкам правовой информации путем выполнения привычных поведенческих актов и реакций, шаблонное поведение. В психологической науке такое поведение обозначается как «паттерн»¹⁶. Например, паттерн осуждения — текстуальное выражение реакции человека, обладающего критическим мышлением, чаще всего высказываемое по поводу политических и правовых решений органов государственной власти. Применение нейтрального стиля осуществляется как сознательно, так и бессознательно. Поведенческие паттерны — типовые

акты поведения, способы реагирования на правовую информацию, выработанные заранее. Шаблонное поведение экономит энергию субъекта на мыслительных операциях. Субъект в системе социальной коммуникации, находясь в ситуации, которая диктует необходимость реакции на правовое воздействие, усваивает и адаптирует под свои личностные характеристики и психологические особенности конкретные паттерны поведения.

Скажем, имеется такая ситуация. Некий человек (например, коллега по работе) рассказывает знакомому о том, что он наткнулся на мошенников при осуществлении покупки онлайн. Знакомый воспринимает данную информацию определенным образом — сочувствует рассказчику и осуждает неправомерное поведение мошенников. Такая реакция носит типовой, стандартный характер, основанный на личном опыте, традициях и социальных нормах. Именно такую реакцию можно назвать шаблоном поведения.

Интеллект задает основные параметры направленного поведения, в частности психологические реакции субъекта в процессе восприятия правового воздействия.

Например, люди с высоким интеллектом, испытывая на себе весь пресс правового воздействия, стараются более эффективно применять правовую информацию, которую они получают от социума постоянной коммуникации (родственники, знакомые, коллеги, субъекты виртуальной социальной коммуникации и т.д.). Осмысление правовой информации субъекты правового воздействия с высокой интеллектуальной нагрузкой осуществляют с помощью собственных ресурсов. Степень «креативности субъекта»¹⁷ также имеет значение при воспри-

¹⁶ Сучкова Г. И. Паттерн коммуникации как тип эмоционального общения // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2010. № 2. С. 149–154.

¹⁷ Ильиных А. Е. Социальная креативность личности: психологическая структура // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2011. Т. 11. Вып. 3. С. 74–77.

яти правовой информации в процессе правового воздействия. Результатом деятельности высокоинтеллектуальных субъектов является повышение активности и адекватности восприятия правовой информации, а также рост уровня активности и адекватности (в зависимости от текущей жизненной ситуации) ее трансляции по личным каналам коммуникации другим субъектам правового воздействия. При поступлении правовой информации «негативного характера» субъект с высоким развитием интеллекта выстраивает из своих реакций систему психологической защиты. Интеллектуальный контроль является направляющей поведения субъекта.

Правовая информация нормативного характера чаще всего является основной составляющей направленного поведения — как результат внешнего правового воздействия. Ведь «одним из ключевых элементов механизма правового воздействия являются нормы права»¹⁸. Но также направленное поведение является выражением степени социальной активности субъекта, а значит, носит и социальный характер.

Факторы, влияющие на выбор стратегии субъектом:

- «характеристики возраста»¹⁹ и пола;
- характеристики, определяющие культурные особенности;
- характеристики индивидуального правосознания субъекта (отвечают за реакцию субъекта на правовую информацию, корректировку социальных связей);
- характеристики и установки коллективного правосознания в части восприятия правовой информации.

Таким образом, «направленное поведение — индивидуальный способ реагирования субъекта на процесс правового воздействия, выражающийся в коррекции (в большинстве

случаев — упорядоченности) социальных связей субъекта с учетом содержания получаемой им правовой информации»²⁰.

Правосознание в механизме психологического правового воздействия

Следует более тщательно проанализировать такой психологический фактор правового воздействия, как индивидуальное правосознание.

Теоретические и практические результаты научных представлений о правосознании как о правовом явлении остаются весьма неоднозначными. Точкой отсчета в формировании теории правосознания является начало XX в. Для этого периода в развитии теории правосознания характерно обилие неординарных идей (например, что право — это фактор и «продукт социально-психической жизни», по Л. И. Петражицкому²¹).

Психологический детерминизм развивался усилиями отечественных ученых-юристов в середине 70-х гг. XX в. (Е. А. Лукашева²², Г. С. Остроумов²³). Представители юридической науки провели серьезные эмпирические исследования. Интересны высказывания В. В. Оксамытного относительно соотношения правосознания и правовой культуры: «Правовая культура раскрывается и через определенный уровень развития индивидуального, группового или общественного правосознания»²⁴. А. В. Малько, В. В. Субочев для описания психологического воздействия на общественное правосознание предлагают введение категории «политико-правовое манипулирование»²⁵, объясняя отсутствие научных прорывов по данной проблематике отсутствием плодотворного научного сотрудничества между правоведами, политологами и психологами.

¹⁸ Курочкин С. А. Эффективность правовых норм как условие результативности правового воздействия (на примере норм процессуального права) // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2020. Т. 162. № 2. С. 69–83. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.2.69-83.

¹⁹ Handbook of Coping: Theory, Research, Applications / ed. by M. Zeidner, N. Endler. N. Y., 1996. 752 p.

²⁰ Берг Л. Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика...

²¹ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. 608 с.

²² Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. 344 с.

²³ Остроумов Г. С. Правовое осознание действительности. М., 1969. 175 с.

²⁴ Оксамытный В. В. Проблемы проявления правовой культуры в пограничном правовом поведении // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 221–226. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-6-221-226. (222).

²⁵ Малько А. В., Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория // Психология и право. 2021. Т. 11. № 1. С. 163–180. DOI: 10.17759/psylaw.2021110113.

«Отдельные успехи ученых, представленные в виде опубликованных исследований феномена правосознания в последние 10–15 лет»²⁶, лишь подчеркивают достаточно скромные итоги развития теории правосознания в отечественном правоведении. Но тем не менее методологический и терминологический инструментарий социогуманитарных наук позволяет нам определить некоторый ряд проблем самой теории правосознания, который возможно разрешить в процессе исследования влияния правового воздействия на сознание субъекта. Обозначим эти проблемы.

Первой проблемой является формирование и закрепление в индивидуальном сознании субъекта уважительного отношения к действующим законодательным актам. Исследование в области психологии М. И. Воловиковой показывает: «только 15 % российских граждан считают, что закон нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах»²⁷. Процент крайне невысок, что объясняет отсутствие полноценных результатов правового воздействия, предполагаемых законодателем и властью. Таким образом, официальная правовая информация, распространяемая по официальным каналам коммуникации, сталкивается с отрицанием в правосознании субъекта, что позволяет субъекту игнорировать определенный правовой запрет или предписание.

Второй проблемой является отсутствие или недостаточный уровень развития условий материального характера, социальная и экономическая поддержка, условия культурного и морально этического характера. Такие условия являются базой для формирования в правосознании субъекта аксиологических правовых установок об особой ценности права и прав человека, необходимости следования правовым предписаниям и соблюдения правовых норм. Трансформация сознания в целом и правосознания в частности — один из сложнейших культурных процессов. Отсутствие высокого уровня правосознания (группового и индивидуального) является серьезным порогом для выстраивания социальной коммуникации и восприятия правовой информации.

Третья проблема — индивидуальная коммуникативная активность, подконтрольная и направляемая сознанием субъекта. К факторам

формирования коммуникативной активности субъекта относятся: социальная среда, выбор и направление, определяемые самим субъектом, свобода выбора и стремление к вариативности. Активность субъекта способна модифицировать характеристики установленного взаимодействия и самой связи, упорядочить и выстроить систему поведения субъекта. Этому способствуют следующие психологические свойства: решительность и целеустремленность субъекта, его инициативность и настойчивость. Все эти свойства можно охватить понятием «воля». Именно воля — определяющий фактор активности в психологической структуре субъекта.

Правовая информация в механизме психологического правового воздействия

Проанализировав описанный процесс, мы приходим к выводу, что данные свойства субъекта есть выражение его социальной активности, а социальная активность приводит к изменениям его социальной коммуникации. Выстраивается логическая цепочка: социальная активность, направленная в правопозитивное русло, является предпосылкой для создания условий упорядочивания социальных связей в соответствии с требованиями правового воздействия, что, в свою очередь, приводит к упорядоченности общественных отношений.

Восприятие правовой информации (положительное или отрицательное, нейтральное или противоречивое), отношение к информации формируется исключительно субъектом, личностью, активным участником психологического правового воздействия. Благодаря этому, в процессе правового воздействия субъект не просто воспринимает правовую информацию, она аккумулируется его сознанием, обретает определенную направленность либо вообще блокируется. Так работает механизм саморегуляции деятельности субъекта.

Информация пронизывает всю систему социальной коммуникации через формальные и неформальные каналы и структуры. Субъекты, включенные в механизм обмена информацией, осуществляют различные действия по инициации данного обмена, трансляции информации, ее преобразованию. Преобразование деятель-

²⁶ Самигуллин В. К. Правосознание: корень добра и справедливости. Уфа, 2014. 176 с.

²⁷ Воловикова М. И. Нравственно-правовые представления в российском менталитете // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 16–23.

ности субъекта в зависимости от поступившей информации — это и есть упорядочивание (обретение направленности) его собственного социального поведения, это результат применения выбранной субъектом стратегии поведения.

Описательная часть представленной ниже структуры выглядит следующим образом.

Получение правовой информации, инициация деяния (действия или бездействия).

Переработка правовой информации, синтез с предыдущим опытом и знаниями.

«Информация детерминирует нейронные возбуждения в головном мозге»²⁸.

Нейронная структура мозга определяет мотивацию. Мотивация влияет на принимаемое решение и выбор определенного действия.

Перед воплощением выбора в реальность формируется модель результата исполнения данного действия.

Исполнение акта поведения субъекта определяет реализацию выбранной стратегии направленного поведения, на основе которой возможна разработка прогноза последующего поведения субъекта.

Деятельность формирует социальные связи, которые становятся упорядоченными под воздействием полученной релевантной правовой информации. Также эти социальные связи могут быть переработаны и трансформированы.

Использование средств психологического анализа позволяет более полно исследовать и оценить феномен правового воздействия как воздействия правовой информации, направленного на определенную цель. Цель данного воздействия — социальная система в целом, ее отдельные элементы, в частности правосознание.

Заключение

На наш взгляд, наиболее перспективная траектория применения данных разных теоретических концепций (классический психоанализ, бихевиоризм, социокультурная теория развития, гуманистическая психология) — дальнейшее развитие системного анализа психологического облика человека и тех изменений в сознании субъекта, которые происходят в процессе право-

вого воздействия. Эмпирическими основаниями для научного исследования в данной ситуации могут выступать: наблюдение изменчивости в поведении, деятельности, характере социальных связей, происходящих в процессе правового воздействия на субъекта.

Реализация правового воздействия зависит от компонентов как психологической, так и социальной составляющей. Данные компоненты определяют изменения в социальной коммуникации в зависимости от корректировки поведения субъекта. Психологическая и социальная переменные — важные составляющие правового воздействия, его психологического механизма.

В системе социальной коммуникации человек является активным самоорганизующимся субъектом, который транслирует и осуществляет транзит правовой информации субъектам иных уровней социального взаимодействия. Оценка значимости правовой информации и выбор решения по ее использованию осуществляется субъектом самостоятельно, с применением собственного социального опыта и психологических свойств. Психология субъективного восприятия объясняет релевантное восприятие правовой информации одними субъектами и игнорирование ее другими. Искажение правовой информации в сознании субъектов следует признать закономерностью правового воздействия как правового явления. Следовательно, степень влияния правовой информации и ее эффективность не одинаковы.

Поведение субъекта, осуществляемое в результате правового воздействия, можно обозначить как «направленное поведение». Оно имеет исключительно индивидуальный характер.

Интеллект субъекта является определяющим фактором направленного поведения. Люди с высоким интеллектом имеют склонность к более эффективному использованию правовой информации под давлением правового воздействия. Причина заключается в использовании такими субъектами собственного психолого-интеллектуального потенциала: познавательные способности, знания, мышление, ощущение, восприятие, память, представление, воображение, а также степень креативности личности.

²⁸ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957. С. 174–255.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абульханова К. А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности) : Избранные психологические труды. — М. ; Воронеж, 1999.
2. Анцыферова Л. И. Личность с позиций динамического подхода // Психология личности в социалистическом обществе : Личность и ее жизненный путь. — М., 1990.
3. Берг Л. Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика : дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2019.
4. Берг Л. Н. Правовое воздействие: социально-психологический аспект // Юридическая психология. — 2016. — № 2. — С. 25–28. (25).
5. Берг Л. Н. Социально-психологическая система правового воздействия: общетеоретический анализ // Общество и право. — 2016. — № 2 (56). — С. 25–29.
6. Воловикова М. И. Нравственно-правовые представления в российском менталитете // Психологический журнал. — 2004. — Т. 25. — № 5. — С. 16–23.
7. Дикая Л. Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). — М., 2003. — 318 с.
8. Жинкин С. А. Психологические проблемы эффективности права : монография. — СПб., 2009. — 376 с.
9. Ильиных А. Е. Социальная креативность личности: психологическая структура // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». — 2011. — Т. 11. — Вып. 3. — С. 74–77.
10. Курочкин С. А. Эффективность правовых норм как условие результативности правового воздействия (на примере норм процессуального права) // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2020. — Т. 162. — № 2. — С. 69–83. — DOI: 10.26907/2541-7738.2020.2.69-83.
11. Лапаева В. В. Конкретно-социологические исследования в праве. — М., 1987.
12. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. — М., 1973. — 344 с.
13. Малько А. В., Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория // Психология и право. — 2021. — Т. 11. — № 1. — С. 163–180. — DOI: 10.17759/psylaw.2021110113.
14. Оксамытный В. В. Проблемы проявления правовой культуры в пограничном правовом поведении // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 6. — С. 221–226. — DOI: 10.24412/2073-0454-2021-6-221-226.
15. Остроумов Г. С. Правовое осознание действительности. — М., 1969. — 175 с.
16. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. — СПб., 2000. — 608 с.
17. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. — М., 1957.
18. Самигуллин В. К. Правосознание: корень добра и справедливости. — Уфа, 2014. — 176 с.
19. Сучкова Г. И. Паттерн коммуникации как тип эмоционального общения // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». — 2010. — № 2. — С. 149–154.
20. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. — СПб., 2003. — 608 с.
21. Шевеленкова Т. Д., Фесенко Т. П. Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. — 2005. — № 3. — С. 95–121.
22. Ширяева О. С. Психологическое благополучие личности в экстремальных условиях жизнедеятельности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Петропавловск-Камчатский, 2008.
23. Handbook of Coping: Theory. Research. Applications / ed. by M. Zeidner, N. Endler. — N. Y., 1996. — 752 p.

Материал поступил в редакцию 5 апреля 2023 г.

REFERENCES

1. Abulkhanova KA. Psikhologiya i soznanie lichnosti (Problemy metodologii, teorii i issledovaniya realnoy lichnosti): Izbrannye psikhologicheskie trudy [Psychology and personality consciousness (Problems of methodology, theory and research of real personality). Selected psychological works]. Moscow, Voronezh; 1998. (In Russ.).

2. Antsyferova LI. Lichnost s pozitsiy dinamicheskogo podkhoda [Personality from the standpoint of a dynamic approach]. In: *Psikhologiya lichnosti v sotsialisticheskom obshchestve: Lichnost i ee zhiznennyy put* [Personality psychology in a Socialist society: Personality and its life path]. Moscow; 1990. (In Russ.).
3. Berg LN. Issledovanie pravovogo vozdeystviya: metodologiya, teoriya, praktika: dis. ... d-ra yurid. nauk [Research of legal impact: Methodology, theory, practice. Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Ekaterinburg; 2019. (In Russ.).
4. Berg LN. Pravovoe vozdeystvie: sotsialno-psikhologicheskii aspekt [Legal impact: Socio-psychological aspect]. *Yuridicheskaya psikhologiya* [Legal psychology]. 2016;2:25-28. (In Russ.).
5. Berg LN. Sotsialno-psikhologicheskaya sistema pravovogo vozdeystviya: obshcheteoreticheskiy analiz [Socio-psychological system of legal impact: General theoretical analysis]. *Obshchestvo i pravo* [Society and law]. 2016;2(56):25-29. (In Russ.).
6. Volovikova MI. Nravstvenno-pravovye predstavleniya v rossiyskom mentalitete [Moral and legal concepts in the Russian mentality]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal]. 2004;25(5):16-23. (In Russ.).
7. Dikaya LG. Psikhicheskaya samoregulyatsiya funktsionalnogo sostoyaniya cheloveka (sistemno-deyatelnostnyy podkhod) [Mental self-regulation of the functional state of a person (system-activity approach)]. Moscow; 2016. (In Russ.).
8. Zhinkin SA. Psikhologicheskie problemy effektivnosti prava: monografiya [Psychological problems of the effectiveness of law: A monograph]. St. Petersburg; 2009. (In Russ.).
9. Ilinykh AE. Sotsialnaya kreativnost lichnosti: psikhologicheskaya struktura [Social creativity of personality: Psychological structure]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika»* [Izvestiya of Saratov University. Series «Philosophy. Psychology. Pedagogy»]. 2011;11(3):74-77. (In Russ.).
10. Kurochkin SA. Effektivnost pravovykh norm kak uslovie rezul'tativnosti pravovogo vozdeystviya (na primere norm protsessualnogo prava) [The effectiveness of legal norms as a condition for the effectiveness of legal impact (on the example of procedural law norms)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»* [Scientific Notes of Kazan University. Series «Humanities»]. 2020;162(2):69-83. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.2.69-83. (In Russ.).
11. Lapaeva VV. Konkretno-sotsiologicheskie issledovaniya v prave [Specifically, sociological research in law]. Moscow; 1987. (In Russ.).
12. Lukasheva EA. Sotsialisticheskoe pravosoznanie i zakonnost [Socialist sense of justice and legality]. Moscow; 1973. (In Russ.).
13. Malko AV, Subochev VV. Politiko-pravovoe manipulirovanie kak psikhologicheskii fenomen i nauchnaya kategoriya [Political and legal manipulation as a psychological phenomenon and a scientific category]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law]. 2021;11(1):163-180. DOI: 10.17759/psylaw.2021110113. (In Russ.).
14. Oksamytnyy VV. Problemy proyavleniya pravovoy kultury v pogranichnom pravovom povedenii [Problems of manifestation of legal culture in borderline legal behavior]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2021;6:221-226. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-6-221-226. (In Russ.).
15. Ostroumov GS. Pravovoe osoznanie deystvitel'nosti [Legal awareness of reality]. Moscow; 1969. (In Russ.).
16. Petrazhitskiy LI. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriyey nravstvennosti [Theory of law and state in connection with the theory of morality]. St. Petersburg; 2000. (In Russ.).
17. Rubinstein SL. Bytie i soznanie [Being and consciousness]. Moscow; 1957. (In Russ.).
18. Samigullin VK. Pravosoznanie: koren dobra i spravedlivosti [Justice consciousness: The root of goodness and justice]. Ufa; 2014. (In Russ.).
19. Suchkova GI. Pattern kommunikatsii kak tip emotsionalnogo obshcheniya [Communication pattern as a type of emotional communication]. *Vestnik VGU. Seriya «Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya»* [Proceedings of Voronezh State University. Series «Linguistics and Intercultural Communication»]. 2010;2:149-153. (In Russ.).
20. Hjell L, Ziegler D. Teorii lichnosti [Theories of personality]. St. Petersburg; 2003. (In Russ.).
21. Shevelenkova TD, Fesenko TP. Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti [Psychological well-being of the individual]. *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics]. 2005;3:95-121. (In Russ.).
22. Shiryaeva OS. Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti v ekstremal'nykh usloviyakh zhiznedeyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk [Psychological well-being of the individual in extreme conditions of life: The Author's Abstract of the Cand. Sci. (Psychology) Thesis]. Petropavlovsk-Kamchatskiy; 2008. (In Russ.).
23. Zeidner M, Endler N, editors. Handbook of Coping: Theory. Research. Applications. N.Y.; 1996. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.099-108

А. В. Корнев*

Русская классическая литература в поиске гармонии между нравственностью и правом

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения права, нравственности и морали в ряде произведений русской классической литературы. Показывается, что данная проблематика характерна именно для русской литературы, безоговорочно признанной как одно из высших достижений мировой словесности. Особенность русской, а затем и советской литературы состоит в том, что она уделяет повышенное внимание внутреннему миру человека, мотивам его поведения. Так возник феномен, который получил название «русский психологический роман». Отечественные писатели неоднократно поднимали проблему несоответствия содержания законов и общепринятых представлений о морали, тем более нравственности. В статье говорится о преемственности советской и русской литератур, которая нередко отрицалась как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении.

Социологические, философские, а нередко и правовые проблемы первоначально поднимались именно в литературе. И уже затем они становились предметом обсуждения в специальных отраслях знания. Многие дореволюционные правоведы зарекомендовали себя и в качестве литераторов. Такого рода примеры имели место и в советский период.

Несоответствие нравственных и правовых оценок по-прежнему остается одной из актуальных проблем. Автор обосновывает свое убеждение, что литература должна воспитывать. Без нравственности право теряет свою ценность, на что неоднократно обращали внимание отечественные писатели. Возвращение привычки читать классическую (и не только) литературу, которое позволит вновь получить статус самой читающей страны мира, разрешит конфликт права и нравственности; автор доказывает подобную позицию в рамках научной статьи.

Ключевые слова: государство; литература; мораль; нравственность; наказание; право; преступление; рассказ; роман; сюжет.

Для цитирования: Корнев А. В. Русская классическая литература в поиске гармонии между нравственностью и правом // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 8. — С. 99–108. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.099-108.

Russian Classical Literature in Search of Harmony between Morality and Law

Arkadiy V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
avkornev@msal.ru

Abstract. The paper deals with the problem of the correlation of law, morality and morals in a number of works of Russian classical literature. It is shown that this problem is characteristic of Russian literature, which is unconditionally recognized as one of the highest achievements of world literature. The peculiarity of Russian and then Soviet literature is that it pays increased attention to the inner world of a person, the motives of their behavior. This is how the phenomenon that has been called the «Russian psychological novel» arose. Russian writers have repeatedly raised the problem of the discrepancy between the content of laws and generally

© Корнев А. В., 2023

* Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
avkornev@msal.ru

accepted ideas about morals, especially morality. The paper talks about the continuity of Soviet and Russian literature, which was often denied both in domestic and foreign literary studies.

Sociological, philosophical, and often legal problems were initially raised in the literature. And only then they became the subject of discussion in special branches of knowledge. Many pre-revolutionary jurists have established themselves as writers. Such examples took place in the Soviet period.

The discrepancy between moral and legal assessments remains one of the urgent problems.

The author justifies his belief that literature should educate. Without morality, the law loses its value, as Russian writers have repeatedly drawn attention to. The return of the habit of reading classical (and not only) literature, which will make it possible to regain the status of the most reading country of the world, will resolve the conflict of law and morality; the author proves a similar position in the framework of this paper.

Keywords: state; literature; morality; morality; punishment; law; crime; story; novel; plot.

Cite as: Kornev AV. Russkaya klassicheskaya literatura v poiske garmonii mezhdru npravstvennostyu i pravom [Russian Classical Literature in Search of Harmony between Morality and Law]. *Lex russica*. 2023;76(8):99-108. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.099-108. (In Russ., abstract in Eng.).

Русская классическая литература прочно вошла в сокровищницу мировой культуры. Это неоспоримый факт. Мало кто отваживается его оспаривать. Сегодня мы наблюдаем попытки «отмены» русской культуры. Но это вряд ли получится, поскольку мировую литературу без Ф. М. Достоевского или Л. Н. Толстого представить невозможно. Как и мир музыки без П. И. Чайковского. Так что подобные предложения могут исходить только от людей, интеллектуально и нравственно ущербных. Они, по большому счету, не заслуживают внимания. На этом и остановимся.

Выдающийся немецкий поэт Райнер Мария Рильке как-то сказал, что все страны в этом мире граничат друг с другом, и только Россия с небом. Да, поэты — народ особый. А тем более в России. В свое время Е. Евтушенко сказал: «Поэт в России больше, чем поэт». По всей видимости, сама нива поэзии или прозы предполагает наличие особых качеств у тех, кто ими занимается. Мы все наделены разными талантами и способностями. Однако только избранные могут при помощи слова передать то, что волнует поистине всех.

Феномен русской литературы формировался очень стремительно. Можно встретить мнение о том, что русская литература начинается со «Слова о полку Игореве» безымянного автора, или Владимира Мономаха, с его «Поучения», которое он адресовал детям. Конечно, нельзя не сказать и о митрополите Илларионе, который отставил нам «Слово о законе и благодати». Но можно ли любое печатное слово назвать литературой? Большой вопрос. Следует согласиться с тем, что «Слово о законе и благодати» является первым богословским и политико-правовым трактатом на Руси. Оно же является древним литературным памятником.

Не так давно довелось услышать на семинаре по современным правовым учениям мнение о том, что «Слово о законе и благодати» следует расценивать как зарождение отечественного конституционализма.

Однако при всем уважении к этой политико-правовой доктрине такая характеристика несколько умаляет величие этого выдающегося произведения. Смысл его совершенно иной. Митрополит Илларион хотел прежде всего показать принципиальную разницу между Ветхим и Новым Заветом. Если первый базировался на законе, разумеется в религиозном смысле, то второй — на благодати. Надо ли в этом видеть зарождение конституционных идей? Уверен, что нет. Иначе мы просто не понимаем значения этого выдающегося памятника богословской мысли, в котором содержатся, конечно же, некие правовые аспекты.

Представляется, что русская литература в таком виде, в котором ее знают во всем мире, появилась относительно недавно. А. С. Пушкин, «наше всё», родоначальник отечественной словесности в подлинном смысле этого слова, при жизни не имел всеобщего признания. А за границей его не знали вовсе. По степени влияния с ним вполне могли потягаться В. Жуковский, П. Вяземский. И разумеется, Г. Державин, Н. Карамзин.

Итак, о А. С. Пушкине в контексте заявленной темы. Гениальный русский поэт не обходил стороной проблему права, его соотношение с иными регуляторами. Он учился в Царскосельском лицее, преподавательский состав которого тщательно подбирался М. М. Сперанским. Александр Сергеевич всегда с благодарностью вспоминал А. П. Куницына — профессора нравственной философии и правоведения. Много позже в «Записке о народном воспитании» писал о

необходимости преподавания права во всех высших и средних учебных заведениях. Это связано с тем, что «Россия слишком мало известна: сверх ее истории... ее законодательство требует особенных кафедр в учебных заведениях»¹.

А. С. Пушкин был не только гениальным поэтом, но и большим патриотом своей страны. Известна его полемика с П. Чаадаевым касательно русской истории. Любопытно, что во время медового месяца в 1831 г., после женитьбы на Н. Гончаровой, он пишет пронзительное и современно звучащее стихотворение «Клеветникам России». Такое впечатление, что написано сегодня. Может, и не случайно повсеместно сносят памятники А. С. Пушкину на Украине?

Поэт был не только государственным деятелем. Он являлся носителем имперской идеи, которую у нас дискредитировали, как могли. Но это не мешало ему обличать пороки российского общества и видеть недостатки государственной системы. «Владыки! Вам венец и трон дает закон, а не природа. Стоите выше вы народа, но вечный выше вас Закон». В этих строках обнаруживаем заметные правовые мотивы. В стихотворении «Деревня» читаем «Здесь барство дикое...». Говорится не только о праве, но прежде всего о морали. Эта же тема прослеживается и в «Дубровском». А если говорить более конкретно о соотношении права и морали, то хотелось бы обратить внимание на два момента.

Первый. Судебный процесс, начатый генерал-аншефом К. П. Троекуровым против Дубровского-старшего. Некогда они были приятелями. Однако старый, бедный дворянин не смог стерпеть оскорбительных слов троекуровского псаря. Всесильный К. П. Троекуров, который держал в руках всю губернию, включая суды, затеял против своего старого друга судебное разбирательство. Он знал, что во время пожара документы на имение сгорели, и решил этим воспользоваться. А. С. Пушкин подробно описал процесс во всей его казуистической форме, предупредив читателя о том, как в России «...можем мы лишиться имения, на владение коим имеем неоспоримое право»². Потрясенный решением суда Дубровский-старший только и произнес: «Как! не почитать церковь

Божию! прочь хамово племя»³. «Хамово племя» своим решением продемонстрировало глумление не только над законом, хотя чисто формально это решение можно понять, но и над нравственностью и Богом.

Мы видим здесь очевидный конфликт. Русский человек более всего ценит правду и справедливость, а не букву закона. Не случайно первый памятник права назывался Русская Правда. Да и вообще, правда русского человека уже Божественной, но, несомненно, шире земной. Поэтому нас и не могут услышать на Западе в силу циничного прагматизма.

Второй. Мария Троекурова, влюбленная в В. Дубровского, вынуждена по воле деспотичного отца идти замуж за старого развратного князя Верейского⁴. Она могла бежать с Дубровским, когда со своим теперь уже мужем ехала в его имение после таинства венчания. Но коль скоро Дубровский не освободил ее до этого, она считала себя связанной узами брака. Пушкин пишет: «...Когда священник обратился к ней с обычными вопросами, она содрогнулась и обмерла, но еще медлила, еще ожидала; священник, не дождавшись ее ответа, произнес неотвратимые слова»⁵. Поступок священника, если можно так сказать, есть преступление перед Богом и моралью одновременно. Но это не повлекло за собой никаких последствий. Кроме тех, что после таинства бедная Маша была принуждена жить с нелюбимым человеком. Она поступила как высокоморальный, а главное — богобоязненный человек. А вот священник — нет.

Русскую литературу невозможно представить себе без Н. В. Гоголя. П. И. Чичиков, пожалуй, самый известный и отвратительный его персонаж. Не приходит ли нам в голову в часы уединения вопрос «А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?», размышлял писатель.

Чичиков стал таким, каким его сделала семья (отец) и общество (прежде всего учитель гимназии). Итак, отец: «Смотри же Павлуша, учись, не дури и не повесничай, а больше всего угождай учителям и начальникам. Коли будешь угождать начальнику, то, хотя и в науке не успеешь и таланту бог не дал, всё пойдешь в ход и всех опередишь»⁶.

¹ Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. М., 1976. Т. 7. С. 311.

² Пушкин А. Дубровский. М. : Эксмо, 2022. С. 165.

³ Пушкин А. Дубровский. С. 170–171.

⁴ Нужна поправка на время. Князю было около 50 лет, указывает А. С. Пушкин.

⁵ Пушкин А. Дубровский. С. 230.

⁶ Гоголь Н. В. Мертвые души. М. : Художественная литература, 1985. С. 213.

Отец, видимо, знал, о чем говорил. Павлуша пришел вполне себе подготовленным в гимназию и встретил полное понимание со стороны учителя: «Способности и дарования? Всё это вздор, — говаривал он, — я смотрю только на поведение. Я поставлю полные баллы во всех науках тому, кто ни аза не знает, да ведет себя похвально; а в ком я вижу дурной дух и насмешливость, я тому ноль, хотя он Солона заткни за пояс»⁷.

Этими постулатами и руководствовался Чичиков, вступив во взрослую жизнь. Служил он «честно», мелкие взятки не брал. Он зарабатывал репутацию и ждал. Это было девизом молодого чиновника. Такое усердие, по его мнению, должно быть вознаграждено. И вот когда он достигнет положения на службе, тогда уже можно развернуться по-настоящему. В разговоре с Маниловым Чичиков произносит совершенно фальшивую фразу: «Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов, хотя за это и потерпел на службе, но уж извините: обязанность для меня дело священное, закон — я немею перед законом»⁸. И это говорит человек, который в своей жизни преклонялся только двум идолам — чинам и деньгам.

Оставим пока хронологию. Да и она не очень уместна в нашем случае. Русские писатели, как принято считать, выросли из шинели Гоголя. Между прочим, сюжет поэмы «Мертвые души» был подсказан Гоголю А. С. Пушкиным. Хотелось бы вспомнить и А. П. Чехова, которого с Гоголем роднит ироничное восприятие действительности.

А. П. Чехов касался не только семейных перипетий, на что обращал внимание С. Довлатов, который, по его словам, хотел быть похожим только на него. В рассказе «Злоумышленник» драматург и писатель показал, как в России из маленького человека делают «козла отпущения». Конечно, нельзя гайки отвинчивать для ловли рыбы. Однако часто наказание не соответствует тяжести совершенного деяния. Безграмотный мужик Денис говорит судебному следователю в конце их недолгого общения: «Судья! Помер покойник барин-генерал, царство небесное, а то показал бы он вам, судьям... Надо судить умеючи, не зря... Хотя и высеки, но чтобы за дело, по совести»⁹.

«Драма на охоте» — это уже гораздо серьезней. Э. Лотяну снял замечательный фильм

«Мой ласковый и нежный зверь» с великолепным актерским ансамблем и не менее великолепной музыкой (Е. Дога). Судебный следователь (актер О. Янковский) расследует преступление, которое сам же и совершил. На каторгу пошел совершенно невиновный человек (актер Л. Марков), управляющий имением Арбенин. Когда судебный следователь принес рукопись своего романа издателю, тот, прочитав ее, сказал: «Как же Вы с этим жили». По сути, это есть нравственный приговор циничному следователю. Между прочим, дворянину.

Актер, игравший издателя, был загримирован так, что своим сходством сильно напоминал Ф. М. Достоевского. Полагаю, что не случайно. Интересно, что свое место в литературе ему могли занять два властителя дум той эпохи — Н. Некрасов и В. Белинский. Они же его потом стали всячески критиковать, буквально выдавливать из творчества. Причем не стеснясь в выражениях. Достоевский признавался, что он не мог сохранить добрые отношения с Белинским после того, как он неоднократно «по-матерному» посылал не кого-нибудь, а И. Христа. Такого терпеть глубоко верующий Достоевский не мог. В том, что их пути разошлись, ничего удивительного нет. Некрасов затем восстановил отношения с Достоевским. Но никогда не платил ему гонорары, равные его таланту. Федора Михайловича это ранило. Он был литературным каторжанином. Не только политическим. Вспомним «Записки из мертвого дома». В нем Достоевский показывает, *какие нравственные муки доставляет система бесполезного труда* всякому мыслящему человеку. А ведь как здорово подмечено! Созидание приносит удовлетворение. Бесполезный труд начисто лишен этого, поэтому он так был «органично» вплетен в продуманную каторжную систему. Добавим от себя — и в бюрократическую. В «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский касается многих тем, в том числе и нравственно-правовых.

Адвокаты, что само собой разумеется, и нередко судьи и прокуроры, что удивительно, либерально настроенные, нередко всё делали для того, чтобы облегчить участь тех, кто покушался на жизнь чиновников, государственных мужей. Нередко оглашались оправдательные или слишком мягкие приговоры под одобрительные овации публики несостоявшимся убий-

⁷ Гоголь Н. В. Указ. соч. С. 215.

⁸ Гоголь Н. В. Указ. соч. С. 30.

⁹ Чехов А. П. Повести и рассказы. М. : Правда, 1981. С. 45.

цам. Достоевский этого искренне не понимал. Он никак не мог объяснить сам себе, почему убийство, совершенное в пьяной драке, называется так сурово. В отличие от покушения на убийство по политическим мотивам. Он считал, что юристы просто глумятся не только над законом, но и над нравственностью. Его «Бесы» буквально «взбесили» либерально настроенную интеллигенцию. Он в этой книге всё предсказал. Так и получилось. Отпадение от Бога и нравственности неминуемо должно было привести Россию к катастрофе. Так и случилось. Сейчас как-то не принято вспоминать, что некоторое время Ф. М. Достоевский был запрещен. И только в 50-х гг. XX в. ограничения были сняты. Есть над чем задуматься.

Некоторое отступление. И в советской литературе появятся своего рода «Бесы». Речь идет о романе Владимира Анисимовича Кочетова «Чего же ты хочешь?», опубликованном в журнале «Октябрь» в 1969 г. Роман «Журбины» (1952) принес ему заслуженную славу. Особенно после экранизации. Более позднее произведение превратило его фактически в изгоя. Его возненавидели одновременно: правомонархисты, «прогрессивная интеллигенция» прозападной ориентации и, самое главное, власть. Первые и вторые до времени выражались очень дозированно. Они узнали себя в конкретных персонажах. Писатель увидел в них внутренних могильщиков страны. Власть разлюбила его в силу того, что он фактически обвинял ее в близорукости, неспособности просчитать ситуацию. Вскоре он умер, всеми забытый. В конце романа одному молодому советскому человеку будет сказано, что за ширмой западного ширпотреба скрывается желание уничтожения страны. А те, кто желает своей стране поражения, ждут того, что на русскую землю придут неонацисты и будут устанавливать свои порядки.

Все утонуло в смешках. Как справа, так и слева. А между тем прогноз оказался верным. Писатели, не думающие о славе и гонорах, а о судьбе России, нередко были в одиночестве. Увы.

И здесь также мы видим конфликт. Не особенно рискуя, «монархисты» и «либералы» в кармане показывали государству известную фигуру из трех пальцев, но при этом никак не хотели потерять кормушку в его лице. Не стоит забывать, что даже относительно известный писатель или поэт мог жить в СССР на доходы от

литературного труда. На Западе это могли себе позволить исключительно гранды, писатели с европейским или мировым именем.

Дореволюционные юристы считали произведение Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» сугубо криминалистическим. В нашем понимании — криминологическим. В западной литературе криминологию квалифицируют как уголовную социологию. Может быть, это более правильно. Во всяком случае, если устанавливать связь гениального романа с юридическими науками.

Можно вспомнить и о других писателях. Однако остановимся на творчестве Л. Н. Толстого. В романе «Война и мир» князь А. Волконский был привлечен реформатором М. М. Сперанским к чисто юридической деятельности — реформе гражданского и военного законодательства. Портрет Сперанского, созданный Толстым, не совпадает с тем, который имеет место в «официальной» историографии. Но это, так, что называется, к слову.

Очень сильная вещь «Отец Сергей». Великий писатель земли Русской показывает, насколько силен и одновременно слаб человек. Как он борется с искушением, но поддается ему. И в итоге тяжело расплачивается. Это если брать общепринятую точку зрения. Тем более, что герой принадлежит к высшим слоям русского общества. Бродяга Степан Касатский, князь, в прошлом отец Сергей, а в мирской жизни командир лейб-эскадрона кирасирского полка, презрев людское мнение, отдав последние 20 копеек слепому нищему, осознал: «Чем меньше имело значение мнение людей, тем сильнее чувствовался Бог»¹⁰.

Однако более всего проблема соотношения нравственности и права показана в его последнем романе «Воскресение». Полагаю, что его нужно обязательно прочитать и продумать всякому, кто хотел бы стать юристом.

Центральные фигуры этого крупного произведения Л. Н. Толстого — Катюша Маслова и князь Дмитрий Иванович Нехлюдов. К сожалению, он во многом был виновником столь печальной судьбы этой девушки, ставшей проституткой, на которую несправедливый суд взвалил вину за убийство богатого развратного купца. Ее судьба перевернула мировоззрение Нехлюдова, который совершенно переосмыслил свою жизнь, выбрав принципиальные иные ориентиры и ценности.

¹⁰ Толстой Л. Крейцерова соната. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. С. 414.

Одна из тем, которая занимает писателя, сводилась к попытке ответить на вопрос: по какому основанию одни люди присвоили себе право судить других? И внятного объяснения этому нет до сих пор.

Л. Н. Толстой дает портреты тех, кто будет решать судьбу Е. Масловой.

Председатель суда. Развратный человек, как и его жена. Главное для него состоит в том, чтобы поскорее кончить дело и встретиться в гостиничном номере с одной из своих любовниц.

Один из присяжных заседателей. С утра имел «сцену» с женой, которая растратила деньги и грозила ему отказать обедом. Вот и «живи после этого нравственной жизнью, подумал он и с завистью посмотрел на председателя».

Товарищ прокурора. Был не в духе, поскольку пили и играли в карты всю ночь, а под утро поехали в публичный дом, туда, где до этого была подсудимая Маслова.

Судебный пристав. Честный человек, но нигде не мог удержаться на месте, потому что пил запоем.

Прокурор. Честолюбив. Твердо решил делать карьеру, а потому добиваться всегда обвинительного приговора.

Знаменитый адвокат, хотя и не участвующий непосредственно в деле, но он помог отнять у одной старушки всё ее имущество в пользу одного дельца за гонорар в 10 000 руб. Все это знали, в том числе и судьи.

Старичок-священник. Служил 46 лет. Толстой пишет: «...Труд его в суде, состоящий в том, чтобы приводить людей к присяге над Евангелием, в котором прямо запрещена присяга, был труд нехороший, никогда не приходило ему в голову, и он не только не тяготился этим, но любил это привычное занятие, часто при этом знакомясь с хорошими господами. Теперь он не без удовольствия познакомился с знаменитым адвокатом, внушавшим ему большое уважение тем, что за одно только дело старушки с огромными цветами на шляпке он получил десять тысяч рублей»¹¹.

Купец, один из присяжных. Распространял вокруг себя запах вина и, удерживая шумную отрывку, на каждую фразу одобрительно кивал головой.

Как известно, граф Л. Н. Толстой был отлучен от церкви. Разумеется, не только за то,

что таким образом изобразил священника. Его расхождение с ней были очень глубокими. Но возникает вопрос: как старичок-священник с такими «моральными» устоями служил правосудию? Пусть это и литературный персонаж. Но он списан, что называется, с натуры.

Участь К. Масловой так затронула Д. Нехлюдова, что он стал интересоваться проблемами юридической науки. Он ранжировал всех осужденных на пять разрядов и никак не мог понять, «...зачем все эти столь разнообразные люди были посажены в тюрьмы, а другие, точно такие же люди ходили на воле и даже судили этих людей...»¹².

Для ответов на эти вопросы он обратился к юридической науке. Купил книги Ломброзо, Ферри, Тарда и др. К слову, сам Л. Н. Толстой учился на юридическом факультете Казанского университета, но, как тогда говорили, не кончил курса.

Придется привести длинную цитату, чтобы понять, чего мы ждем и что не получаем от науки. «Но по мере того, — пишет Толстой, — как он читал их, он всё больше и больше разочаровывался. С ним случилось то, что всегда случается с людьми, обращающимися к науке не для того, чтобы играть роль в науке: писать, спорить, учить, а обращающимися к науке с прямыми, простыми, жизненными вопросами; наука отвечала ему на тысячи разных очень хитрых и мудреных вопросов, имеющих связь с уголовным законом, но только не на тот, на который он искал ответа. Он спрашивал очень простую вещь; он спрашивал: зачем и по какому праву одни люди заперли, мучают, ссылают, секут и убивают других людей, тогда как они сами точно такие же, как и те, которых они мучают, секут, убивают? А ему отвечали рассуждениями о том, есть ли у человека свобода воли или нет. Можно ли человека по измерению черепа и прочему признать преступным или нет? Какую роль играет наследственность в преступлении? Есть ли природная безнравственность? Что такое нравственность?»¹³.

Можно сказать, что Толстой предъявляет много претензий науке. Но в чем-то он прав. Нуждающиеся и корыстные люди, сделавшие себе профессией судить и наказывать людей, сами развращаются до крайней степени. Толстой категоричен в том, что наказание только

¹¹ Толстой Л. Воскресение. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. С. 40.

¹² Толстой Л. Воскресение. С. 401.

¹³ Толстой Л. Воскресение. С. 402.

плодит преступников. А еще их количество пополняется преступниками-судьями, прокурорами, следователями, тюремщиками, которые сидят и наказывают людей.

Увы, и у А. П. Чехова такое же мнение. Причина индифферентизма к заключенным кроется, как он считает, в «...чрезвычайной необразованности нашего русского юриста; он мало знает и также не свободен от профессиональных предрассудков... Он сдает университетские экзамены только для того, чтобы уметь судить человека и приговаривать его к тюрьме и ссылке; поступив на службу и получая жалованье, он только судит и приговаривает, а куда идет преступник после суда и зачем, что такое тюрьма и что такое Сибирь, ему неизвестно...»¹⁴.

А дальше эти ссыльные попадают в «места не столь отдаленные», где природа и общество довершают их моральное падение. Это хорошо показано у А. П. Чехова. Во время своего путешествия он замечает: «Местная интеллигенция, мыслящая и не мыслящая, от утра до ночи пьет водку, пьет неизящно, грубо и глупо... Если говорить о пьянстве, то не ссыльные деморализуют население, а население ссыльных»¹⁵.

Такая вот безрадостная картина. Не должно быть такого в христианском государстве, считает Чехов. Толстой устами Д. Нехлюдова говорит, что нужно руководствоваться заповедями. Всего их нужно пять. Это по Толстому. Все из Евангелия от Матфея. Вот тогда можно достигнуть доступного человеку блага — Царства Божия на земле. А в их исполнении состоит «...единственный разумный смысл человеческой жизни, что всякое отступление от этого есть ошибка, тотчас влекущая за собой наказание»¹⁶.

Широкой известности в Европе, а затем и во всем мире русская литература обязана прежде всего И. С. Тургеневу. Он подолгу проживал за границей. Дружески общался с мэтрами французской литературы. Был вхож в самые изысканные литературные салоны. Его превосходный французский и собственные литературные произведения послужили мостиком между отечественной словесностью и европейской литературой. Благодаря его переводам французские читатели и, что самое главное, писатели познакомились с творчеством А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и др. Важно было начало. А уже потом интерес к русской литературе

стал только возрастать. Сам И. С. Тургенев, много пострадавший от своей деспотичной матери, исходивший с ружьем две-три губернии, хорошо знал крестьянскую жизнь. Считается, что решение об отмене крепостного права как явления безнравственного было принято после публикации цикла рассказов «Записки охотника».

Много позже в университетах всего мира, а не только в Европе, стали возникать кафедры славистики. Даже в США. К слову, известный славист, профессор русской литературы К. Проффер совместно с женой основал издательство «Ардис», в котором издавались писатели-эмигранты, а также и те, кто жил в СССР.

Конечно, если у советского писателя вышла книжка за рубежом, то ничего хорошего это не сулило. Б. Пастернак был исключен из Союза писателей за то, что его «Доктор Живаго» был опубликован за границей. Это, кстати, далеко не литературный шедевр. Для В. Набокова Б. Пастернак был «патентованным ничтожеством». Тем не менее он был издан. Писатель получил «статус» гонимого и Нобелевскую премию по литературе. На «очереди» был сам В. В. Набоков, которого в связи с Пастернаком «передвинули». Но не повезло. Как, впрочем, и второй раз, когда исключительно за «политику» нобелевским лауреатом стал А. И. Солженицын. Так что Набоков, чей литературный талант стоит неизмеримо выше, остался без премии. Но это совсем другая история.

По всей видимости, русская литература была обречена на оглушительный успех, прежде всего потому, что она, как никакая другая, поднимала такие проблемы, которые не были «сквозными» для других литератур. Русские писатели всегда и основательно «копались» в душах своих героев и проникали туда порой так далеко, куда другие предпочитали не заглядывать. «Русский психологический роман» и «система Станиславского» стали своего рода визитными карточками нашей литературы и театра.

То, что прекрасный писатель, блестящий стилист В. В. Набоков остался без престижной премии, в какой-то мере закономерно. Ибо он естественным образом выпадал из русской литературной традиции. А традиция эта состояла в том, что писателя, «инженера человеческих душ», волновали вопросы, которые есть суть бытия человека: подвиг и награда; преступле-

¹⁴ Чехов А. П. Из Сибири. Остров Сахалин. М. : Правда, 1985. С. 39.

¹⁵ Чехов А. П. Из Сибири. Остров Сахалин. С. 40.

¹⁶ Толстой Л. Воскресение. С. 570.

ние и наказание; добро и зло; перипетии семейной жизни и некоторые другие.

Иное дело В. В. Набоков. Он практически ерничал в отношении многих русских, а тем более советских писателей за то, что они в своих произведениях поднимали какие-то «идеи». Дело писателя есть эстетика слова, а не идеи. На этом и стоял. Понятна его нелюбовь к Горькому, «пролетарскому писателю и буревестнику революции». Ведь его гонорарам мог бы позавидовать любой «буржуазный писатель». Пьесы с большим успехом шли на театральных подмостках многих европейских стран.

Революция же отняла у Набокова многое: огромный дом на Морской улице в Петербурге, именина, загородные дома, роллс-ройс, на котором его, гимназиста, возили на занятия. Преимущественное проживание в гостиницах, даже после того, как у него появились средства (публикация «Лолиты»), объяснялось тем, что Дом у него был, но он был отнят. Эти личностные переживания очень сильно сказались на его мировоззрении. В эмиграции он согласился побеседовать только с двумя выходцами из советской России — Б. Ахмадулиной и В. Максимова. Последний был уже эмигрантом.

Набоков сомневался в литературных дарованиях даже Достоевского. Ну и, конечно же, он не любил его только за то, что он был слишком «идейным» писателем.

И. Бунин и В. Набоков очень не любили М. Шолохова. Кстати, интерес к его творчеству не утихает¹⁷. Известно, что Жан-Поль Сартр отказывался получать Нобелевскую премию в связи с тем, что ее пока получил М. Шолохов.

Сам Владимир Владимирович Набоков являлся блестящим стилистом. Как и И. Бунин. В силу этого они не очень любили друг друга. Так вот, назначение литературы Набоков видел в том, чтобы доставлять эстетическое удовольствие читателю. От чтения по спинному мозгу должен протекать некий «ток удовольствия». Поэтому книги следует не читать, а перечитывать. А всякие там поиски глубинных смыслов, общественно значимых проблем его не особенно волновали. В каждом произведении, считал он, должна быть продуманная структура и изысканный стиль. Художественные произведения призваны формировать хороший литературный вкус. И только.

Между тем сам Набоков вольно или невольно попал под «чары» Ф. М. Достоевского. Ф. Кафку Набоков безоговорочно признавал в качестве литературного дарования. Еще бы. Трудно найти в мире интеллектуала, который был бы равнодушен к творчеству этого выдающегося писателя. И все-таки не нужно обладать навыками профессионального литературоведа, чтобы не увидеть очевидные сходства между «Преступлением и наказанием» Достоевского и «Процессом» Ф. Кафки. Очень похожи некоторые эпизоды.

У В. В. Набокова есть «Приглашение на казнь». Как несомненный литературный талант, он не мог не думать о возможных параллелях между Достоевским, Кафкой и им самим. Дело в том, что вся мировая литература, так или иначе, построена на очень немногих проблемах. Все они, так или иначе, находятся на «стыке» права и нравственности. Или морали.

С. Д. Довлатов полагал, что А. П. Чехов сделался мировой знаменитостью на ниве «семейной драмы». Конечно, это слишком вольное и в чем-то вульгарное объяснение феномена Чехова. Ведь по масштабам постановки его пьес на театральных подмостках он уступает только У. Шекспиру. Кстати, даже в самой Англии немало тех, кто реально сомневается в физическом существовании такого драматурга. Есть много пятен в его «официальной» биографии. Но это к делу особенно не относится.

Ф. М. Достоевский попытался проникнуть в глубинные мотивы преступления и наказания. Ф. Кафка и В. В. Набоков пошли несколько дальше. Этому способствовали изменения, которые имели место в жизни социума. Писатели попытались понять, каким образом у современного человека формируется чувство вины. Не столько перед обществом, сколько перед властью. Они предчувствовали усиление контроля над личностью, которая, так или иначе, будет озабочена проявлением лояльности по отношению к властным структурам. Особенно эта проблема обострилась в настоящее время в связи с интенсивным внедрением цифровых технологий. Многие стали говорить о «цифровом рабстве», «цифровом ГУЛАГе». Все фиксируется. Кругом камеры и микрофоны.

Конечно, всё это «вторгается» в сферу права и нравственности. В свое время Е. Замятин,

¹⁷ Прилепин З. Шолохов. Незаконный. М. : Молодая гвардия, 2023.

Кстати, М. А. Шолохову присвоена степень доктора права Сент-Эндрюсского университета (Шотландия). Оксфордский университет присвоил почетную степень доктора права И. С. Тургеневу (1879).

инженер по образованию, написал «Мы». Эта книга во многом оказалась пророческой. Вместо конкретного человека с фамилией, именем, отчеством появляется некий «номер». И люди общаются уже не с друг с другом, а с носителями этих самых номеров.

В некотором роде В. В. Набоков пострадал от «господства идеи» в литературе. Солженицын с его гулаговской темой пришелся весьма кстати. И здесь опять много вопросов. Какое нравственное воспитание можно получить от книг Солженицына, если школьникам под маской исторической правды вдавливать сугубо негативный образ страны. Тем более, что «тюремная» проблематика освещена и очень неплохо. К примеру, В. Шаламовым. В педагогическом сообществе давно поднимается вопрос о той литературе и писателях, которых должны проходить в школе. Прав был С. Михалков: «Сегодня — дети, завтра — граждане». Очень хорошо, что в школу вернули «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Молодую гвардию» А. Фадеева. Но не поздно ли? Но как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Литература всегда была отражением эпохи. Однако литература, как и искусство в целом, должны нести определенную миссию. В том числе и воспитательную.

Деятели культуры, как правило «либеральной политической ориентации», любят повторять, что «искусство и культура никому ничего не должны». Но при этом требуют денег от государства, отказывая ему в праве все-таки проявлять интерес к тому, что же происходит внутри, так сказать, творческого процесса.

Вряд ли с этим можно согласиться. Прежде чем требовать денег от государства, неплохо бы задуматься над тем, откуда они у него берутся. А это, между прочим, деньги налогоплательщиков, то есть общества. Государство, как известно, само ничего не производит. Надо ли учитывать вкусы общества, тем более их формировать? Свообразным ответом на этот вопрос является понимание культуры, свойственное выдающемуся семиотику Ю. М. Лотману: «Культура есть система ограничений». Заметим, ограничений. В эту систему ограничений органично входят нравственность и право. Вот это, как мне кажется, принципиальное соображение. У нас же сегодня любая пошлость квалифицируется в качестве «чего-то неоднозначного»,

а банальное воровство «нецелевым расходом» может быть, пришла пора называть вещи своими именами?

Какого человека отражает и какого человека формирует литература? Вот то, над чем следует задуматься особо.

Одно время наших русских писателей занимала проблема «лишнего» человека. Таковыми были Е. Онегин, Г. Печорин. «Удаление» от мира стало модным. Типичных представителей этого класса не особенно интересовало то, что происходит вокруг. Как правило, это были самовлюбленные эгоисты, не совсем понимающие, зачем они живут. Почти исповедь находим у Печорина: «...Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия...»¹⁸.

Советскую литературу такой подход явно не устраивал. Героем становится человек с выраженной активной позицией. Интересы общества и государства у него на первом месте. Кстати, первые опросы производились на оккупированных немцами территориях уже в начале войны, то есть летом 1941 г. Они показали, что молодежь, сформированная советским строем, принципиально не поддерживает идею «освобождения» страны от большевизма. Именно тогда появились обоснованные сомнения не только в скором времени окончания военной компании, но и исхода войны как таковой. Среди людей старшего поколения, которые пережили трансформацию общественных и государственных институтов, количество готовых к сотрудничеству с немцами было несравненно больше. Мы должны понимать, что поколение 1918–1927 годов рождения, которое и обеспечило победу, было воспитано на ценностях советского общества. Эти ценности и прививала советская литература, в отношении которой Набоков позволял себе не совсем лестные оценки. Литература советская не менее значимый феномен, чем русская. А вместе они и составляют отечественную словесность. Мы не должны их разделять, как это было принято раньше.

А вот кто герой нашего времени? Нужны ли ему прочные нравственные основы? При наличии гражданского общества и правового государства можно быть законопослушным человеком и моральным уродом одновременно. Прагматизм современного общества размывает моральные и нравственные ориентиры. Се-

¹⁸ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. М. : Советская Россия, 1981. С. 166.

годня мы, что называется, спохватились. Треть IT-специалистов уехали. А ведь они так нужны стране, которая противостоит агрессивному Западу, жаждущему уничтожения России. Никто уже ничего не скрывает. Уверен, что большинство из них получили образование за государственный счет. С другой стороны, что можно было ожидать, если два поколения как минимум учились по учебникам, которые издавались на деньги Дж. Сороса.

Убежден, что литература должна воспитывать. И еще. Без нравственности право теряет свою ценность. Отечественные писатели много раз обращали на это внимание. Если мы снова станем самой читающей страной мира, то конфликт права и нравственности может быть менее драматичным. Во всяком случае, основания так думать имеются. Социальный опыт, накопленный нашей страной, лучше всего говорит об этом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гоголь Н. В. Мертвые души. — М. : Художественная литература, 1985. — 368 с.
2. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. — М. : Советская Россия, 1981. — 224 с.
3. Прилепин З. Шолохов. Незаконный. — М. : Молодая гвардия, 2023. — 1087 с.
4. Пушкин А. Дубровский. — М. : Эксмо, 2022. — 288 с.
5. Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 7. — М., 1976. — 400 с.
6. Толстой Л. Воскресение. — СПб., 2021. — 576 с.
7. Толстой Л. Крейцера соната. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 416 с.
8. Чехов А. П. Из Сибири. Остров Сахалин. — М. : Правда, 1985. — 456 с.
9. Чехов А. П. Повести и рассказы. — М. : Правда, 1981. — 640 с.

Материал поступил в редакцию 17 апреля 2023 г.

REFERENCES

1. Gogol NV. Mertvye dushi [Dead souls]. Moscow: Fiction Publ.; 1985. (In Russ.).
2. Lermontov MYu. Geroy nashego vremeni [A hero of our time]. Moscow: Soviet Russia Publ.; 1981. (In Russ.).
3. Prilepin Z. Sholokhov. Nezakonnyy [Sholokhov. Illegal]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ.; 2023. (In Russ.).
4. Pushkin A. Dubrovskiy. Moscow: Eksmo Publ.; 2022. (In Russ.).
5. Pushkin AS. Sbranie soch.: v 10 t. [Collection of Works: in 10 vols.]. Vol. 7. Moscow; 1976. (In Russ.).
6. Tolstoy L. Voskresenie [Ressurrection]. St. Petersburg; 2021. (In Russ.).
7. Tolstoy L. Kreytserova sonata [The Kreutzer Sonata]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus Publ.; 2019. (In Russ.).
8. Chekhov AP. Iz Sibiri. Ostrov Sakhalin [From Siberia. Sakhalin Island]. Moscow: Pravda Publ.; 1985. (In Russ.).
9. Chekhov AP. Povesti i rasskazy [Novellas and short stories]. Moscow: Pravda Publ.; 1981. (In Russ.).

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COMPARATIVE STUDIES

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.109-122

Цзя Шаосюе*

Реализация закона КНР «О высшем образовании» в Китае: достижения, проблемы и пути решения

Аннотация. Закон КНР «О высшем образовании» является основным нормативным актом в области высшего образования в Китае. Он был принят в 1999 г. и произвел существенное влияние на сферу образования в целом, позволив решить ряд ключевых на тот период проблем.

В статье проанализированы соответствующие данные об имеющихся достижениях реализации Закона КНР «О высшем образовании» за период более 20 лет, прошедших с момента его вступления в силу. Качество подготовки кадров неуклонно улучшалось; эффективность, масштаб и структура высшего образования достигли существенных успехов. Закон эффективно гарантировал право граждан на получение высшего образования, постепенно рационализировал внутренние и внешние структуры управления высшими учебными заведениями.

Раскрыты также причины фундаментальных проблем; предложены способы совершенствования действующего законодательства и пути решения возникающих проблем, например: создание более научной и эффективной системы оценки и контроля в целях укрепления роли академического совета вузов; совершенствование каналов разрешения академических споров, расширение категорий споров между профессорами и вузами, подсудных судам; сформулированы способы раскрытия информации об оценке уровня высшего образования; ускорена глубокая интеграция современных информационных технологий и преподавания в области образования и т.д.

Закон КНР «О высшем образовании» дает более ясные ответы на ряд важнейших вопросов развития высшего образования, таких как взаимоотношения между государством (правительством) и вузами, автономия вузов и внутренняя система управления вузами. Однако с учетом быстрого развития общества, его демократизации и возрастающего интереса к механизмам защиты прав личности институт высшего образования в Китае, во многом построенный на основании анализируемого нормативного акта, едва ли способен далее выполнять свою роль в условиях нового времени.

Ключевые слова: образование; высшее учебное заведение; профессор; профессия; Закон КНР «О высшем образовании»; международный опыт; проблема; достижение.

Для цитирования: Шаосюе Цзя. Реализация закона КНР «О высшем образовании» в Китае: достижения, проблемы и пути решения // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 8. — С. 109–122. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.109-122.

© Шаосюе Цзя, 2023

* Шаосюе Цзя, доктор юридических наук, Центр международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС Шанхайского политико-юридического университета
Вайцинсун ш., 7989, р-н Циппу, г. Шанхай, Китайская Народная Республика, 201701
ys02302041@126.com

Implementation of the Law of the People's Republic of China «On Higher Education» in China: Achievements, Problems and Solutions

Shaoxue Jia, Dr. Sci. (Law), Center for International Legal Training and Cooperation for the SCO, Shanghai University of Politics and Law
Weiqinsong sh., 7989, Qippu District, Shanghai, People's Republic of China, 201701
ys02302041@126.com

Abstract. The Law of the People's Republic of China «On Higher Education» is the main regulatory act in the field of higher education in China. It was adopted in 1999, had a significant impact on the education sector as a whole, and made it possible to solve a number of key problems at that time.

The paper analyzes the relevant data on the achievements of the implementation of the Law of the People's Republic of China «On Higher Education» for a period of more than 20 years since its entry into force. The quality of staff training has steadily improved; the efficiency, scale and structure of higher education have achieved significant success. The law effectively guaranteed the right of citizens to receive higher education, gradually rationalized the internal and external management structures of higher education institutions.

The causes of fundamental problems are also disclosed. The author proposes ways to improve the current legislation and ways to solve emerging problems. For example, it is suggested creating a more scientific and effective assessment and control system in order to strengthen the role of the academic council of universities; improving channels for resolving academic disputes, expanding the categories of disputes between professors and universities, subject to courts; ways of disclosing information on the assessment of the level of higher education; accelerated deep integration of modern information technologies and teaching in the field of education, etc.

The Law of the People's Republic of China «On Higher Education» gives clearer answers to a number of important issues of the development of higher education, such as the relationship between the state (government) and universities, the autonomy of universities and the internal management system of universities. However, taking into account the rapid development of society, its democratization and the growing interest in the mechanisms of protection of individual rights, the institute of higher education in China, largely built on the basis of the analyzed normative act, is hardly able to continue to fulfill its role in the conditions of modern times.

Keywords: education; higher education institution; professor; profession; Law of the People's Republic of China «On Higher Education»; international experience; problem; achievement.

Cite as: Shaoxue Jia. Realizatsiya zakona KNR «O vysshem obrazovanii» v Kitae: dostizheniya, problemy i puti resheniya [Implementation of the Law of the People's Republic of China «On Higher Education» in China: Achievements, Problems and Solutions]. *Lex russica*. 2023;76(8):109-122. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.109-122. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Закон КНР «О высшем образовании» (далее — Закон) является основным нормативным правовым актом в области высшего образования в Китае. Данный Закон был принят на 4-й сессии Всекитайского Народного собрания и вступил в силу 1 января 1999 г. В 2015 и 2018 гг. были реализованы поправки. Закон состоит из 8 глав, 69 статей. Реализация Закона эффективно способствовала развитию высшего образования и повышению уровня управления вузами. Однако с быстрым экономическим и социальным развитием Китая всё большее количество положений Закона стали несовместимы с реальной ситуацией в стране. Исходя из изменяющихся обстоятельств и новых требований по ускорению развития высшего образования, Закон должен

своевременно совершенствоваться и вбирать в себя опыт, накопленный в процессе его применения. Рассмотрим ряд важных элементов при реализации Закона в Китае.

1. Достижения за период реализации Закона

1.1 Успехи в области расширения масштабов вузов

Статья 6 Закона гласит, что государство создает высшие учебные заведения и активно развивает высшее образование в различных формах. Статья 18 устанавливает, что высшее образование осуществляется высшими учебными заведениями и другими высшими учебными учреждениями. С момента вступления в силу Закона государственные органы всех уровней

постепенно увеличили инвестиции в высшее образование и приняли ряд мер по развитию высшего образования.

За почти 20 лет — с 1999 по 2018 г. — количество, масштаб и площадь вузов, а также количество штатных преподавателей существенно выросли. Так, количество колледжей и университетов увеличилось с 1 942 до 2 940 (на 51,39 %), при этом среднее количество студентов в одном учебном заведении увеличилось с 3 815 до 10 605 человек (на 177,98 %), количество штатных преподавателей увеличилось с 425 700 до 1 672 800 (на 292,95 %), площадь учебных зданий увеличилась с 175 247 900 кв. м до 977 135 600 кв. м (на 457,57 %), средний годовой рост занимаемой учебными заведениями площади составил 40 094 400 кв. м¹.

Следует отметить, что развитие высшего образования добилось значительного прогресса в районах проживания нацменьшинств. Во время основания нового Китая (1949 г.) в районах проживания нацменьшинств было всего четыре вуза и в них обучалось всего 1 280 студентов-нацменьшинств. При этом студенты-нацменьшинства принимались не во все из этих четырех вузов. Чтобы изменить ситуацию «бедности и слабости» нацменьшинств в сфере высшего образования, государство возвело политику развития высшего образования в районах проживания нацменьшинств на приоритетный правовой уровень.

Правительство приняло ряд стратегий и мер развития высшего образования среди нацменьшинств. Во-первых, помочь создать в районах нацменьшинств специальные этнические колледжи и общие высшие учебные заведения. Во-вторых, создать специальные классы нацменьшинств в других районах, которые не являются местами проживания этнических меньшинств. В-третьих, создать подготовительные классы для студентов из числа этнических меньшинств, плохо владеющих общенациональным китайским языком, или студентов низкого культурного качества.

За более чем 20 лет, прошедших с момента вступления в силу Закона, количество специаль-

ных этнических высших учебных заведений в этнических автономных регионах увеличилось с 12 до 18, а количество обычных вузов в этнических автономных регионах увеличилось с 74 до 204, что значительно превышает темпы роста высших учебных заведений в других регионах. Кроме того, число штатных преподавателей из числа этнических меньшинств увеличилось с 23 300 до 97 600 человек (на 318,88 %), т.е. увеличение преподавательского состава в среднем составило 3 700 человек в год².

1.2. Гарантии прав граждан на получение высшего образования

Пункт 1 ст. 9 Закона предусматривает, что граждане имеют право на получение высшего образования. После вступления в силу данного Закона, чтобы удовлетворить сильное желание народа поступать в университет, в 1999 г. государством была реализована политика «расширения набора». Всё больше и больше людей поступали в университет своими силами, и право граждан на получение высшего образования изменилось от «лозунга» к «реальности».

С 1999 по 2018 г. число бакалавров увеличилось с 2 754 500 до 7 909 900 человек (на 187,16 %), число магистров увеличилось с 92 200 до 858 000 человек (на 830,59 %), общая численность студентов увеличилась с 7,42 млн до 38,33 млн (на 416,58 %).

Валовой показатель поступления в вуз увеличился с 10,5 % до 48,1 %³. Это означает, что раньше только один из 10 школьников смог поступить в вуз, теперь почти половина из них поступает в вуз. С тех пор доступ к высшему образованию перестал быть прерогативой немногих «элит», а стал фундаментальным правом, которого обычные граждане могут добиться своими собственными силами.

Помимо обеспечения гарантии права на образование обычных граждан, Закон также предусматривает особую защиту этнических меньшинств и учащихся, испытывающих экономические трудности. Пункт 2 ст. 9 Закона гласит, что государство принимает меры по оказанию помощи студентам из числа этнических мень-

¹ См.: Национальный статистический бюллетень развития образования 2018 года // Министерство образования КНР : [официальный сайт]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_ftjtjgb/201907/t20190724_392041.html (дата обращения: 11.02.2023).

² См.: Национальный статистический бюллетень развития образования 2018 года // Министерство образования КНР : [официальный сайт]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_ftjtjgb/201907/t20190724_392041.html (дата обращения: 11.02.2023).

³ См.: Национальный статистический бюллетень развития образования 2018 года.

шинств и студентам, испытывающим экономические трудности, в получении высшего образования.

Для того чтобы помочь студентам из числа этнических меньшинств получить высшее образование, государство разработало для них специальный план приема. Так, студентам из числа этнических меньшинств было снижено пороговое количество баллов для приема или добавлялись дополнительные баллы для льготного поступления. Эти меры эффективно улучшили их возможности для получения высшего образования.

За семь лет, прошедших с момента реализации специального плана, доля учащихся из числа этнических меньшинств в средней школе увеличилась с 6,06 % в 1999 г. до 9,53 % в 2018 г. В целях увеличения доли учащихся в сельских и экономически неблагополучных районах были введены специальные планы приема для сельских и бедных районов. Количество приема студентов по специальному плану достигло 478 400 человек⁴.

Кроме того, пункт 3 ст. 9 Закона предусматривает, что высшие учебные заведения должны принимать студентов-инвалидов, которые отвечают критериям приема, установленным государством, и не могут отказать в приеме из-за их инвалидности. Но в Законе нет конкретного положения о способах помощи студентам-инвалидам и правовой ответственности за отказ в их приеме. Чтобы заполнить правовые пробелы, Закон «О защите инвалидов» устанавливает, что если высшее учебное заведение отказывается в приеме студенту-инвалиду, то заинтересованная сторона (в том числе родственник или опекун) может обратиться в соответствующий департамент с требованием разобраться в сложившейся ситуации, после

чего департамент уполномочен приказать вузу зачислить студента⁵.

Если дошкольные учреждения, школы и вузы, а также другие образовательные учреждения и их сотрудники нарушают законодательство об образовании инвалидов, компетентный административный департамент должен издать приказ, исправляющий такие нарушения, а лицо, непосредственно ответственное за нарушение, подлежит наказанию в соответствии с законом: если деяние представляет собой нарушение общественной безопасности, органы общественной безопасности применяют административное наказание; если деяние представляет собой преступление, то нарушителю подлежит нести уголовную ответственность. В частности, к таким нарушениям относятся:

- 1) отказ в зачислении учащихся-инвалидов, удовлетворяющих условиям приема, изложенным в законах и правилах;
- 2) дискриминация, оскорбление или физическое наказание учащихся-инвалидов или потакание дискриминационным высказываниям или действиям в отношении учащихся-инвалидов с сопутствующим причинением физического или психического ущерба учащимся-инвалидам;
- 3) отказ от сокращения размера оплаты или отмены оплаты за обучение или других сборов для учащихся-инвалидов, испытывающих финансовые трудности, согласно соответствующим государственным нормативам⁶.

Положение «Об организации государственного экзамена для приема инвалидов в обычные высшие учебные заведения»⁷, обнародованное в 2017 г., дополнительно уточняет требование о предоставлении удобных условий для участия студентов-инвалидов во вступительных экзаменах в вуз. Введение и реали-

⁴ См.: Ответ на рекомендацию № 2193 второй сессии тринадцатого Всекитайского собрания народных представителей // Министерство образования КНР : [официальный сайт]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xhggk/xhggk_jyta/jyta_ghs/201910/t20191016_403780.html (дата обращения: 14.02.2023).

⁵ См.: Закон от 28.12.1990 № 36 «О защите инвалидов» в редакции от 26.10.2018 // Правовые документы КНР. Всекитайское собрание народных представителей: [официальный сайт]. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/wxzl/gongbao/2000-12/05/content_5004544.htm (дата обращения: 14.02.2023).

⁶ См.: положение от 23.08.1994 № 161 «Об образовании инвалидов» в редакции от 07.02.2017 // Центральное народное правительство : [официальный сайт]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-02/23/content_5170264.html (дата обращения: 20.02.2023).

⁷ См.: положение от 21.04.2015 № 4 «Об организации государственного экзамена для приема инвалидов в обычные высшие учебные заведения» в редакции от 07.04.2017 // Министерство образования КНР : [официальный сайт]. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A15/moe_776/s3258/201704/t20170428_303388.htm (дата обращения: 20.02.2023).

зация вышесказанных положений и политики эффективно гарантируют право студентов-инвалидов на высшее образование.

1.3. Рационализация системы внешнего управления вузами

В настоящее время государственное управление высшими учебными заведениями сводится к следующему: государство дает вузам некоторые инструкции, которым вузы должны следовать, и выделяет им средства на осуществление своей деятельности, а общество и академические советы осуществляют оценку деятельности вузов. Этот тезис подтверждается статьями 11–14 Закона, гласящими, что высшие учебные заведения должны создать связь с обществом, самостоятельно и демократически управлять вузами в соответствии с законом. Государство поощряет сотрудничество высших учебных заведений с другими вузами, научно-исследовательскими учреждениями, а также с предприятиями, с целью дополнения преимуществ друг друга и повышения эффективности использования образовательных ресурсов. Государство поощряет и поддерживает международные обмены и сотрудничество в области высшего образования.

Государственное руководство и управление вузами осуществляется через Государственный совет. Народные правительства провинций, автономных районов и муниципалитетов, находящихся в непосредственном подчинении Центрального правительства, координируют деятельность в области высшего образования в своих административных районах и управляют высшими учебными заведениями, предназначенными в основном для подготовки местных кадров, а также учреждениями, уполномоченными Государственным советом.

Административный отдел образования при Государственном совете отвечает за высшее образование в масштабах всей страны и руководит высшими учебными заведениями, которые определены Государственным советом как учреждения, в основном готовящие таланты для всей страны. Другие соответствующие департаменты Государственного совета несут ответственность за работу высшего образования в рамках своих обязанностей, предписанных Государственным советом.

С момента вступления в силу Закона центральное правительство продолжало повышать степень децентрализации управления вузами и ускорило трансформацию правительственных функций, способствовал реализации концепции «Правительство управляет, вузы реализуют, общество оценивает». Так, центральное правительство постепенно сокращает вмешательство в микроменеджмент вузов: с 2013 г. центральное правительство официально отменило разрешительный порядок создания образовательных сайтов, онлайн-школ и новых специальностей, позволив учебным заведениям самостоятельно принимать решения на этот счет. Кроме того, в целях укрепления связей и сотрудничества между вузами и обществом в 2014 г. Министерство образования обнародовало приказ № 37, содержащий Положение о Совете обычного высшего учебного заведения (для пробного внедрения)⁸, направленное на укрепление связей между вузами и обществом, усиление демократического и научного принятия решений вузами.

Таким образом, за 20 лет реформирования института высшего образования в Китае можно выделить следующие особенности. Во-первых, в управлении вузами центральное правительство принимает только некоторые принципиальные решения. Во-вторых, правительство провинций также делегировало некоторые из своих прежних полномочий учебным заведениям. В-третьих, учебные заведения могут самостоятельно принимать широкий спектр решений. В-четвертых, общественные организации могут участвовать в делах учебных заведений, например сотрудничать, инвестировать в вузы или разрешать студентам приезжать на практику.

1.4. Защита прав студентов

Глава VI Закона регулирует права и обязанности вузов и студентов. Статьи 53–59 указывают, что студенты имеют право на получение бюджетных мест, премий и займов без процентов, имеют право на получение помощи в поиске работы, право на получение консультаций по трудоустройству. Студенты, испытывающие финансовые трудности, могут претендовать на студенческие субсидии или снижение платы за обучение.

⁸ См.: Правила Генерального Совета высших учебных заведений (экспериментальная редакция от 25.07.2014 № 37 в редакции от 25.07.2014 // Министерство образования КНР : [официальный сайт]. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A02/s5911/moe_621/201407/t20140725_172346.html (дата обращения: 17.02.2021).

В начале XXI в. государство предприняло многие меры для увеличения количества и качества выпускаемых студентов, например, выпускники вузов направляются в разные регионы Китая для трудоустройства и наработки стажа; государство оплачивает обучение или займы для студентов во время учебы; государство создает бюджетные места для студентов по специальности «педагогика»; государство выплачивает стипендии студентам, обучающимся на военных кафедрах. В 2018 г. было субсидировано в общей сложности 43 878 900 студентов из обычных вузов, при этом объем финансирования достиг 115,03 млрд юаней (1,090 трлн руб. по среднегодовому курсу ЦБ РФ за 2018 г.)⁹.

Таким образом, реализация Закона, особенно после 18-го Национального съезда партии, способствовала увеличению финансирования студентов, и объем финансирования продолжает увеличиваться, что обеспечивает права на образование студентов из малообеспеченных семей. Помимо эффективной защиты прав на получение образования малообеспеченными абитуриентами, значительно повысился и уровень защиты права на образование уже зачисленных студентов.

Ранее суды не считали подсудными споры между студентами и образовательными учреждениями. Это приводило к тому, что их споры по исключению студентов, отмене стипендий или наложению санкций на студентов решались самими учебными заведениями. Суды просто отклоняли иски студентов по таким спорам и не рассматривали их.

Но в связи с ростом осведомленности о правах студентов и резким ростом споров между студентами и вузами суды начали рассматривать подобные споры. Сейчас судом рассматриваются дела об отчислении студентов, получении степени, зачислении студентов и дела о других спорах. Судебная власть защищает студентов от произвола со стороны руководства вуза, таким образом, суды играют важную роль в защите прав студентов.

Кроме того, в качестве основы студенческого управления обучением в вузах Положение «Об управлении студентов в общеобразова-

тельных учреждениях высшего образования» в 2005 и 2017 гг. закрепило поправки, идея которых заключается в предоставлении учащимся контроля за деятельностью учебных заведений. Ранее подобные нормы уже существовали, но они не имели должного авторитета и фактически не имели силы. Теперь же законодательство постепенно переходит от «управления студентами со стороны вузов» к «контролю вузов со стороны студентов», что эффективно защищает законные права и интересы студентов. Можно сказать, что реализация Закона стала основой трансформации прав студентов из прав, лишь прописанных на бумаге, в «реальные права».

1.5. Внедрение уставов в качестве основного документа учебных заведений

Согласно ст. 27 Закона, устав вуза подлежит обязательному утверждению при создании высших учебных заведений, но большинство государственных университетов Китая было создано до 1998 г. (до принятия Закона), когда от университетов не требовалось предоставление уставных документов, поэтому многие университеты фактически осуществляли свою деятельность без устава.

В целях реализации принципа управления вузами в соответствии с уставом, который позволил бы создать современную университетскую систему, в 2011 г. Министерство образования издало Положение «Временные меры по формулированию устава высших учебных заведений»¹⁰ (далее — Положение). Положение создано для того, чтобы вузы руководствовались им при создании уставов. Положение устанавливает содержание устава, процедуру разработки, утверждения, надзора и другие аспекты, одновременно с этим осуществляя контроль за деятельностью высших учебных заведений. В 2013 г. Министерство образования утвердило первые шесть уставов университетов, включая Юго-Восточный университет; в конце 2014 г. были утверждены уставы университетов Китая, входивших в «Проект 985», а в 2015 г. также были утверждены уставы университетов, входивших в «Проект 211». До 7 февраля 2017 г. за

⁹ См.: Доклад о развитии финансовой помощи студентам Китая (2018 г.) // Министерство образования КНР : [официальный сайт]. URL: http://www.moe.gov.cn/fbh/live/2019/50353/mtbd/201903/t20190301_371763.html (дата обращения: 15.02.2023).

¹⁰ См.: положение от 12.07.2011 № 31 «Временные меры по формулированию устава высших учебных заведений» // Министерство образования КНР : [официальный сайт]. URL: http://www.gov.cn/flfg/2012-01/09/content_2040230.html (дата обращения: 18.02.2023).

девять чтений Министерство образования КНР утвердило уставы 113 вузов¹¹.

В настоящее время сформулированы и утверждены уставы всех вузов Китая, таким образом, реализован принцип управления «один вуз — один устав». Ситуация «управления вузом без устава» осталась в прошлом. Устав не только рационализирует внутреннюю структуру управления вузами, но и уточняет границы ответственности и полномочий между правительством и вузами, а также становится новой базой для самостоятельного развития вуза. Устав стал основным руководством для управления вузом.

2. Основные проблемы, возникающие при реализации Закона

2.1. Ограниченная функция академического совета

Статья 42 Закона предусматривает, что высшие учебные заведения создают академический совет для выполнения следующих функций:

- 1) рассмотрение проектов дисциплин и специальностей, планов преподавания и научных исследований;
- 2) оценка результатов преподавания и научных исследований;
- 3) разрешение академических споров;
- 4) проверка диссертаций или статей на уникальность и определение характера академических проступков;
- 5) рассмотрение и принятие решений по другим вопросам, связанным с академическим развитием, академической оценкой и академическими нормами, в соответствии с уставом.

После опубликования Регламента академического совета высших учебных заведений¹² (далее — Регламент) разные вузы сформулировали и усовершенствовали свои уставы, но возникли некоторые проблемы.

Во-первых, необходимо уточнить границу ответственности между академическим советом и директором вуза. Хотя в Регламенте под-

черкивается правовой статус академического совета как высшего научного органа вузов (академический совет рассматривает основные академические вопросы), но власть принятия окончательных решений часто находится в руках директора вуза. Таким образом, фактически академический совет играет лишь роль «мозгового центра», но не высшего научного органа вуза.

Во-вторых, по-прежнему существует неопределенность в полномочиях академического совета. Закон об образовании только в общих чертах закрепляет полномочия академического совета по расследованию, оценке и обсуждению академических исследований. Статьи 15–18 Регламента подробно перечисляют конкретные вопросы, которые академический совет имеет право рассматривать, оценивать, консультироваться и выносить решения, что, несомненно, является большим прогрессом по сравнению с Законом. Но отношения между академическим советом, советом по оценке звания и другими академическими учреждениями в вузах, границы их полномочий и другие вопросы так и не были уточнены. Правовые отношения между академическим советом на уровне университета и академическим советом на уровне факультета также нуждаются в дальнейшем регулировании. По мере реализации реформы системы образования становится ясно, что расплывчатость и абстрактность законов об образовании затрудняют достижение ими максимального нормативного эффекта. Таким образом, академические советы могут брать на себя только функции микроменеджмента, и не более, что углубило социальное непонимание Закона об образовании и ослабление его авторитета.

В-третьих, отсутствие механизма надзора над академическим советом. Существует возможность злоупотребления любой властью, и академическая власть не является исключением. Хотя Регламент принципиально предусматривал регламентирование состава академического совета, правила голосования, разрешения конфликта интересов, гласность и другие режи-

¹¹ См.: Отчет Инспекционной группы по обеспечению соблюдения законов Постоянного комитета ВСНП по проверке выполнения Закона КНР «О высшем образовании» // Всекитайское собрание народных представителей : [официальный сайт]. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201910/5e021a6d9c5f4577a0a090c9757ed640.shtml> (дата обращения: 13.02.2023).

¹² См.: Регламент академического комитета вузов от 01.03.2014 № 35 // Министерство образования КНР: [официальный сайт]. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A02/s5911/moe_621/201401/t20140129_163994.html (дата обращения: 19.02.2023).

мы, но конкретные механизмы обжалования, пересмотра, контроля, надзора, ответственности и другие аспекты всё еще нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

2.2. Недостаточные гарантии прав преподавателей

Защита прав студентов в высших учебных заведениях является более комплексной, в то же время защита прав преподавателей оставляет желать лучшего. В статье 43 Закона четко указано, что высшие учебные заведения через профессиональный союз работников и другие формы организации обеспечивают участие кадрового состава в демократическом управлении и надзоре, а также охраняют законные права кадрового состава. Но на практике профессиональный союз не реализовывает себя в достаточной мере, чтобы обеспечить защиту прав преподавателей.

Введение в действие Закона значительно улучшило условия труда и жизни преподавателей, гарантировало их права на научные исследования, улучшило подготовку кадров и обмен кадрами. Однако в результате ускоренной реформы системы образования, ввиду найма вузами внештатных преподавателей, значительно возросло число споров между университетами и преподавателями по поводу их прав, а также всё чаще стали возникать споры по поводу увольнения, оценки успеваемости, защиты пенсионных прав и т.д.

В настоящее время преподаватели в случае нарушения их прав часто вынуждены отстаивать свои права лицом к лицу с университетами, в то время как профессиональный союз работников, который является правовым органом по защите прав преподавателей, не оказывает преподавателям достаточной поддержки и правовой помощи. Такая ситуация ставит преподавателя в неблагоприятное положение. Отсутствие в Законе подробного регламентирования процедуры обжалования нарушения прав преподавателей затрудняет их защиту. В Законе «О педагогах» содержится только одна статья о системе рассмотрения жалоб педагогов, в которой не ясны область компетенции, процедуры и решения по жалобам, а также не закреплены сроки рассмотрения жалоб, поэтому фактическая защита прав преподавателей

часто осуществляется в соответствии с обычаем, а не с законом.

Отмеченные выше обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что многие споры, связанные с преподавателями, трудно разрешать в судебном порядке, и большинство из них разрешается в административном порядке. Несмотря на то что Верховный народный суд путем разъяснения законодательства включил в круг рассматриваемых в суде дел споры преподавателей по поводу отставки, увольнения, выполнения трудового договора и т.д., суды по-прежнему не принимают к рассмотрению такие иски. Многие дела, затрагивающие личные интересы преподавателей, с трудом рассматриваются в судебном порядке. Путь к восстановлению прав преподавателей становится всё более трудным, и в настоящее время в случае нарушения трудовых прав преподавателей их положение можно считать безвыходным.

Так, в деле о кадровых спорах между Сун Гуйляном и Шэньянским университетом химических технологий Шэньянский средний народный суд постановил, что в соответствии с положением «О разрешении кадровых споров» спор об оценке учебного звания не может быть разрешен путем арбитража или гражданского судопроизводства. Из материалов дела следует, что, хотя квалификация Сун Гуйяна в качестве профессора была утверждена, Шэньянский университет химических технологий фактически не назначил Сун Гуйяна на должность профессора. Вопрос о том, должен ли был Сун Гуйлян быть назначен профессором, не входил в сферу рассмотрения гражданских исков народного суда, как и требование Сун Гуйяна об оплате труда на уровне должности профессора, — на основании того, что эти споры не относятся к компетенции рассмотрения гражданских исков народного суда¹³. Хотя эти споры всё еще могут быть разрешены путем обращения с заявлением в компетентный административный отдел образования, большинство из этих органов не склонно выносить решения в пользу преподавателей.

Защита прав преподавателей и предоставление им справедливых и эффективных средств правовой защиты является большим препятствием на пути осуществления Закона и нуждается в скорейшем разрешении. Наряду с

¹³ См.: апелляционное постановление Шэньянского среднего народного суда провинции Ляонин КНР от 17.03.2014 по делу № 173 // Документ опубликован не был. Доступ из интернет-портала судебных актов КНР: [официальный сайт]. URL: <https://wenshu.court.gov.cn> (дата обращения: 17.02.2023).

развитием концепции прав человека и увеличением числа академических споров, необходимо уточнить механизм разрешения академических споров в законодательстве и сформировать разнообразные способы разрешения конфликтов.

2.3. Несвоевременное обнаружение информации об оценке качества образования

Статья 44 Закона в редакции от 01.01.1999 предусматривает, что уровень функционирования и качество образования высших учебных заведений подлежат надзору и оценке, организуемым административным департаментом образования. Когда в 2015 г. в Закон были внесены поправки, вышеуказанная норма подверглась серьезному пересмотру: теперь высшие учебные заведения должны создать систему оценки уровня управления своими вузами и качества образования, своевременно раскрывать соответствующую информацию и принимать социальный надзор. Административный департамент образования должен организовать экспертов или поручить профессиональным учреждениям оценить текущий уровень, эффективность управления и качество образования высших учебных заведений. Результаты оценки должны доводиться до всеобщего сведения.

Закон с поправками от 2015 г. не только расширяет содержание самооценки и внешней оценки высших учебных заведений, но и требует от субъекта оценки своевременно раскрывать общественности результаты оценки. Раскрытие оценочной информации стало законодательно закрепленной обязанностью вузов и других субъектов оценки. В настоящее время все виды оценки для вузов связаны с качеством преподавания, построением дисциплины, научными исследованиями, подготовкой кадров и другими аспектами. Оцениванию подлежат все типы обычных университетов.

При этом раскрытие информации об оценке не осуществляется своевременно. Помимо отчета о качестве преподавания уровня бакалавриата и оценки дисциплины, проводимой Министерством образования, другие результаты оценки не раскрываются, как того требует законодательство, и не принимаются под социальный надзор. На сайтах всех уровней администраций образования результаты оценки не обнаруживаются.

2.4. Подготовка кадров не в полной мере связана с потребностями социального развития

Статья 5 Закона гласит, что задача высшего образования заключается в воспитании высококвалифицированных специалистов с чувством социальной ответственности, духом новаторства и практической способностью в развитии науки, техники и культуры, а также в содействии социалистической модернизации. Статья 31 гласит, что высшие учебные заведения сосредоточиваются на воспитании кадров, осуществляют педагогическую, научно-исследовательскую и общественную деятельность, а также обеспечивают соответствие качества образования и преподавания стандартам, установленным государством. Некоторые колледжи и университеты мало заинтересованы в выращивании кадров и уделяют слишком много внимания внешней оценке, вкладывая свои силы и ресурсы в получение «показных» результатов, таких как рейтинг вузов, количество публикаций и участие в государственных программах в области образования. Планирование долгосрочного развития при этом отходит на второй план. Существуют также университеты, которые не прилагают больших усилий по реформированию и внедрению инноваций в учебный процесс, по разработке учебных программ, учебных материалов и методов, что затрудняет удовлетворение потребностей учащихся в личностном росте, а также в достижении успеха и получении качественного образования.

Для проверки применения Закона 21 октября 2019 г., на 14-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей XIII созыва, была создана Инспекционная группа по вопросам правопорядка Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. В ее докладе о проверке отмечается, что некоторые университеты не имеют научного позиционирования, не различают особенности дисциплин и специальностей, а подготовка кадров недостаточно тесно связана с потребностями национального экономического и социального развития.

Выпускникам не хватает прикладных, сложных и технических навыков, наиболее востребованных для экономического и социального развития, что влечет за собой проблемы с трудоустройством выпускников. Нехватка специалистов в стратегически важных развивающихся отраслях, таких как искусственный интеллект и большие данные, а также относительная не-

хватка специалистов в области здравоохранения и социальной сфере, таких как врачи общей практики, семейный медсестринский персонал, и воспитателей детей младшего возраста.

Причина этих проблем заключается в том, что некоторые колледжи и университеты в действительности не переориентировали свое мышление на обслуживание потребностей страны и экономическое и социальное развитие. Они не имеют точного представления о социальных потребностях, а механизм взаимосвязи между планом трудоустройства и обучением талантливых специалистов не был создан в необходимой мере¹⁴.

3. Совершенствование режима управления вузами в законодательстве и на практике

3.1. Уменьшение административной власти над академическим советом

Причина отсутствия полноценного выполнения функций академическим советом заключается в том, что административная власть в университетах слишком сильна, что затрудняет выполнение указанных в законе положений об управлении академическим советом в китайских вузах, где отсутствуют традиции академической автономии и атмосфера демократического управления. Что касается состава и отбора членов академических советов, большинство университетских уставов и уставов академических советов обычно требуют, чтобы членами академических советов были профессора с высокими квалификациями и академическими способностями. Однако, безусловно, стоит отметить, что некоторые университеты прямо закрепляют в уставах директоров либо вице-директоров или даже членов всего руководства университета в качестве членов академического совета.

Во-первых, существующие академические советы отдельных университетов не имеют четкого правового регулирования своей работы. Большинство вопросов решается административными отделами, и окончательное принятие решений по основным академическим вопросам в основном относится к сфере обсуждения и принятия решений директором и его служеб-

ным совещанием, а профессорский состав не реализует активную академическую власть.

Во-вторых, существуют только принципиальные положения для работы академических советов по обжалованию, но нет механизма надзора за полномочиями директора и вице-директора. Поэтому состав академического совета и способ отбора его участников нуждаются в урегулировании в Регламенте академического совета высших учебных заведений. Такими нормами, в частности, могут быть: ограничение доли участников, занимающих руководящие должности в университете, не более чем одной пятой частью; обеспечение определенной доли молодых преподавателей, что может эффективно обеспечить мобильность и разнообразие членов академического совета и предотвратить злоупотребление академической властью.

Такие изменения позволят передать академическому совету все академические вопросы для обсуждения и принятия решений, а также позволят создать более научную и эффективную систему оценки и контроля функционирования вуза.

3.2. Увеличение разнообразия подсудных категорий дел по защите прав преподавателей

В настоящий момент основная идея образования заключается в том, чтобы «ставить человека на первое место и содействовать его всестороннему развитию». Это требует законодательной защиты прав учащихся и преподавателей, а также создания надежных механизмов для защиты их прав и разрешения споров.

Суть затруднения рассмотрения споров между преподавателями и вузами заключается в том, что в Законе и в Толковании верховного суда «О рассмотрении народными судами кадровых споров в учреждениях» (далее — Толкование), которое имеет в Китае статус закона, не уточнен перечень подсудных категорий споров. Толкование устанавливает, что круг рассматриваемых в суде дел ограничивается спорами между педагогическими кадрами по поводу отставки, увольнения, выполнения трудового договора и т.д. Даже в Положении «О рассмотрении споров с персоналом», которое приме-

¹⁴ См.: Отчет Инспекционной группы по обеспечению соблюдения законов Постоянного комитета ВСНП по проверке выполнения Закона КНР «О высшем образовании» // Всекитайское собрание народных представителей: [официальный сайт]. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201910/5e021a6d9c5f4577a0a090c9757ed640.html> (дата обращения: 13.02.2023).

няется в трудовом арбитраже, установлено, что арбитраж в сфере трудовых правоотношений занимается разрешением конфликтных ситуаций между работодателем и работником в сферах исполнения трудовых договоров и прекращения рабочих отношений с работником.

Таким образом можно увидеть, что закон устанавливает открытый перечень категорий подсудных дел в области кадровых споров, но совсем не упоминает споры о продвижении по службе, научном звании, пенсии и т.д. Из-за чего на практике судьи отказываются рассматривать данные типы дел и законные права преподавателей остаются без судебной защиты.

Но даже если суд принял дело к производству, преподаватели зачастую не могут рассчитывать на разрешение спора в свою пользу. Анализ 134 судебных дел по спорам в сфере образования показал, что преподаватели выиграли лишь 32 дела, что составляет 23,88 %.

Поскольку в законодательстве об образовании существует мало статей о судебной защите преподавателей, которыми могли бы руководствоваться судьи, большую роль в этом процессе играют дискреционные факторы. Учитывая, что споры о продвижении по службе или об увольнении, о лишении преподавательской квалификации и об оценке званий серьезно затрагивают личные интересы заинтересованных сторон, необходимо расширять круг дел, по которым преподаватели могли бы обращаться в суд, а также совершенствовать процедуры подачи апелляций, жалоб и проведения слушаний.

В то же время профессиональный союз работников играет важную роль в обеспечении законных прав и интересов профессорско-преподавательского состава, из-за чего необходимо менять его роль с простого «органа социального обеспечения» или «организатора культурных и спортивных мероприятий» на роль гаранта участия профессорско-преподавательского состава в демократическом управлении и контроле учебного заведения, и обеспечить открытость каналов для участия профессиональных юристов или групп юристов в разрешении споров в колледжах и университетах.

3.3. Совершенствование режима раскрытия информации об оценке деятельности университета

В настоящее время ни правительство, ни вузы не уделяют внимания раскрытию информации об оценке. Глубоко укоренившаяся

причина, по которой информация об оценке несвоевременно обнародуется, заключается в отсутствии достаточно четкого правового регулирования. Действующее законодательство лишь предусматривает, что информация должна быть обнародована, без четких инструкций о том, как именно это должно происходить.

Некоторые ученые предлагают следующие пути изменения законодательства. Во-первых, принять специальный закон об оценке высшего образования. В нем необходимо определить правовой статус субъектов оценки высшего образования, включая правительство, университеты, профессиональные учреждения и организации по оценке, установить их права и обязанности по оценке и квалификацию оценки. Кроме того, в законе следует установить перечень объектов оценки, технические стандарты и обоснованность заключений различных субъектов оценки, а также создать систему надзора за оценкой для регулярного проведения проверки субъектов оценки, включая проведение надзора и проверки раскрытия информации об оценке. Во-вторых, необходимо также разработать интеллектуальные методы оценки. Исследование и разработка цифрового оборудования для сбора информации и данных в вузах с помощью интеграции и применения новых технологий, таких как мобильный Интернет, репозитории, большие данные и искусственный интеллект, позволяют сильно усовершенствовать текущие методы оценки учебных заведений.

Технология искусственного интеллекта может быть использована для анализа данных, внесенных университетами в электронный репозиторий, а также данных, собранных оценщиками, на основе критериев оценки, установленных в законе, и позволит быстро получать результат с целью своевременного раскрытия данных обществу.

Помимо результатов оценки, в сферу раскрытия информации должна быть включена информация о субъектах, принципах, показателях оценки, о ее процедурах и процессах. Учитывая тот факт, что результаты оценки будут непосредственно влиять на репутацию вуза и распределение ресурсов, а также затрагивать важные интересы участвующих сторон, возможно использование электронных систем искусственного интеллекта и для расширения каналов обжалования результатов оценки, т.е. заинтересованные стороны смогут обратиться через электронную систему искусственного ин-

теллекта в компетентный административный департамент образования, если у них есть возражения против результатов оценки, а результаты оценки могут быть пересмотрены, если в них действительно имеются существенные ошибки и упущения. Кроме того, если вузы и оценивающие организации своевременно не раскроют необходимую в соответствии с законом информацию, компетентные органы смогут принять такие дисциплинарные меры, как ограничение или приостановление зачисления студентов, запрет на повышение рейтинга вуза, приостановление или отмена квалификационной аттестации до тех пор, пока субъект оценки не раскроет информацию об оценке и не пройдет социальный контроль.

3.4. Интеграция технологии искусственного интеллекта в образование

В настоящее время мы вступили в эпоху искусственного интеллекта. Общество испытывает нехватку специалистов по искусственному интеллекту, что означает нехватку учебных специальностей по искусственному интеллекту, курсов по искусственному интеллекту, а также недостаточную интеграцию технологии искусственного интеллекта в образование.

Быстрое развитие технологии искусственного интеллекта позволит эффективно восполнить некоторые недостатки и недочеты традиционного образования, будет способствовать изменениям в традиционной модели подготовки специалистов — развитию подготовки специалистов для удовлетворения не только потребностей современного общества, но и общества будущего, формируя новый путь «искусственный интеллект + образование».

Преподаватели могут использовать искусственный интеллект для проведения онлайн-тестов, своевременного мониторинга и анализа процесса обучения учащихся. Делая выводы на основе анализа соответствующих данных, преподаватели также могут выяснять, в чем студенты хороши или слабы в учебе, а затем внести предложения по улучшению образовательной программы и разработать индивидуальные программы обучения, чтобы повысить эффективность преподавания.

В дополнение к этому можно построить «умный» вуз. Во-первых, создание «умной» системы сбора данных, включающей в себя использование интеллектуальных роботов для сбора данных об условиях преподавания

и обучения студентов, получение своевременного анализа и обратной связи. Во-вторых, создание «умного» учебного и экспериментального оборудования. Например, создание лаборатории симуляции для моделирования экспериментальных данных и прогнозирования результатов. В-третьих, создание интеллектуальных роботов — помощников преподавателей, которые будут отвечать на вопросы студентов.

В эпоху совместной работы преподавателей и искусственного интеллекта с помощью новых технологий открываются огромные перспективы по совершенствованию программ подготовки кадров, повышению сложности курсов, устранению некачественных учебных материалов, созданию идеальных курсов учебных материалов и разработке передовых методов обучения. Высшее образование должно быть в большей степени адаптировано к потребностям экономического и социального развития, росту уровня науки и технологии. Оно должно брать на себя инициативу по развитию дисциплин, связанных с развитием стратегических отраслей промышленности.

Заключение

Закон КНР «О высшем образовании» всесторонне обобщал и фиксировал в себе опыт развития высшего образования Китая на протяжении многих лет. Закон дает более ясные ответы на ряд важнейших вопросов развития высшего образования, таких как взаимоотношения между правительством и вузами, автономия вузов и внутренняя система управления вузами и т.д. Таким образом, Закон определяет направление развития высшего образования в дальнейшем. Однако с быстрым развитием общества, демократизацией и возрастающим запросом на защиту прав личности институту высшего образования в Китае, построенному в соответствии с Законом КНР «О высшем образовании», трудно играть надлежащую роль в новых исторических условиях.

Многие практические проблемы долгое время тормозят развитие высшего образования в Китае, что вызывает большую озабоченность китайского общества. Для решения этих проблем необходимо сбалансировать административную власть и укреплять академическую автономию в вузах; расширять круг подсудных дел по спорам между вузами и преподавате-

лями, чтобы они могли эффективно защищать свои законные интересы в суде. Для решения проблем неполного или несвоевременного раскрытия информации о качестве вузов и проблем подготовки не востребовавшихся обществом

специалистов имеет большой потенциал применение технологии искусственного интеллекта в развитии вузов и образования в целом, т.е. руководство принципом «искусственный интеллект + образование».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Chen Baosheng*. Student Aid Should Play A Bigger Role in Poverty Alleviation // *People's Daily*. — 2019. — 1 March (13). (In Chinese).
2. *Dong Xiaoping, Shi Qiuhe*. Modernization of China's higher education assessment system: history, challenges and prospects // *Journal of Southwestern University: Social Science Edition*. — 2021. — No. 1. — P. 104–110. (In Chinese).
3. *Duan Binbin, Sun Xiaobing*. From «Management Law» to «Control Law» — Based on The Text Analysis of The Three Editions of «College Students Management Regulations» // *Modern University Education*. — 2017. — No. 5. — P. 79–85. (In Chinese).
4. *Ha Jingxiong*. Retrospect and Prospect of Higher Education for Ethnic Minorities in New China // *Educational Research*. — 2001. — No. 4. — P. 59–65. (In Chinese).
5. *Ma Huaide*. Study on Degree Law — Suggestions and Reasons for the Amendment of Academic Degrees Ordinance. — Beijing : Legal publishing house, 2014. — 280 p. (In Chinese).
6. *Sun Miantao*. University Governance: Governing What and How // *Educational Research*. — 2015. — No. 11. — P. 35–38. (In Chinese).
7. *Wang Xigen*. Study on the Legal Protection of Educational Equity. — Beijing : China Social Sciences Press, 2012. — 309 p. (In Chinese).
8. *Xu Leitao, Haofei*. A study on the current situation and characteristics of personnel dispute litigation among teachers in public universities — an empirical perspective based on 134 adjudication documents // *Fudan Education Forum*. — 2017. — No. 4. — P. 40–46. (In Chinese).
9. *Yao Jinju*. Research on the Problem of Education Law. — Beijing : Legal Press, 2017. — 253 p. (In Chinese).
10. *Yu Shengquan*. The future role of artificial intelligence teachers // *Open Education Research*. — 2018. — No. 1. — P. 16–28. (In Chinese).
11. *Zhan Zhongle, Wang Chunlei*. Construction of Academic Committee System in University Governance — Comment on the Regulations of Academic Committee in Colleges and Universities // *Journal of Peking University: Philosophy and Social Sciences*. — 2016. — No. 053(002). — P. 76–83. (In Chinese).
12. *Zhan Zhongle*. On the Perfection of Teachers Appeal System in China's Colleges and Universities // *Chinese Educational Law Review*. — 2008. — No. 6. — P. 105–134. (In Chinese).

Материал поступил в редакцию 3 марта 2023 г.

REFERENCES

1. Chen Baosheng. Student Aid Should Play A Bigger Role in Poverty Alleviation. *People's Daily*. 2019. 1 March (13). (In Chinese).
2. Dong Xiaoping, Shi Qiuhe. Modernization of China's higher education assessment system: history, challenges and prospects. *Journal of Southwestern University: Social Science Edition*. 2021;(2):104-110. (In Chinese).
3. Duan Binbin, Sun Xiaobing. From «Management Law» to «Control Law» — Based on The Text Analysis of The Three Editions of «College Students Management Regulations». *Modern University Education*. 2017;(5):79-85. (In Chinese).
4. Ha Jingxiong. Retrospect and Prospect of Higher Education for Ethnic Minorities in New China. *Educational Research*. 2001;(4):59-65. (In Chinese).
5. Ma Huaide. Study on Degree Law — Suggestions and Reasons for the Amendment of Academic Degrees Ordinance. Beijing: Legal publishing house; 2014. (In Chinese).

6. Sun Miantao. University Governance: Governing What and How. *Educational Research*. 2015;(11):35-38. (In Chinese).
7. Wang Xigen. Study on the Legal Protection of Educational Equity. Beijing: China Social Sciences Press; 2012. (In Chinese).
8. Xu Leitao, Haofei. A study on the current situation and characteristics of personnel dispute litigation among teachers in public universities — an empirical perspective based on 134 adjudication documents. *Fudan Education Forum*. 2017;(4):40-46. (In Chinese).
9. Yao Jinju. Research on the Problem of Education Law. Beijing: Legal Press; 2017. (In Chinese).
10. Yu Shengquan. The future role of artificial intelligence teachers. *Open Education Research*. 2018;(2):16-28. (In Chinese).
11. Zhan Zhongle, Wang Chunlei. Construction of Academic Committee System in University Governance — Comment on the Regulations of Academic Committee in Colleges and Universities. *Journal of Peking University: Philosophy and Social Sciences*. 2016;053(002):76-83. (In Chinese).
12. Zhan Zhongle. On the Perfection of Teachers Appeal System in China's Colleges and Universities. *Chinese Educational Law Review*. 2008;(6):105-134. (In Chinese).

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ PROBLEMA PRINCIPALE

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.123-132

А. В. Кротов*

Государственная идеология как обязательный признак конституционного государства

Аннотация. Новейшая история российского государственного строительства непосредственно связана с многочисленными, и не всегда удачными, попытками формулирования государственной идеологии. Такие попытки «идеологического искания» активизировались с принятием поправок к Конституции России в 2020 г. Несмотря на ряд научных работ, посвященных проблематике формирования государственной идеологии, на сегодняшний день в российской правовой доктрине полярность мнений относительно содержания государственной, национальной, конституционной идеологии не устранена, что, в свою очередь, влияет на процесс развития государства, права. Цель настоящей работы — выявить причины закрепления в ч. 2 ст. 13 Конституции РФ запрета на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной, формулирование ряда авторских терминов, имеющих отношение к теме исследования, разрешения конкуренции между государственной идеологией, национальной, конституционной и идеологией правящей группы.

В статье применены такие методы научного исследования, как синтез, абстрагирование, обобщение; использованы работы: Е. Ю. Бархатовой, В. И. Якунина, П. А. Астафичева, Н. С. Бондаря, Э. Э. Барина, В. В. Лазарева, Б. С. Эбзеева и иных авторов.

Результаты исследования заключаются в формулировании авторской трактовки ряда терминов: национальная идеология; государственная идеология; конституционная идеология; идеология правящей группы. Показана взаимосвязь государственной идеологии и национальной идеологии, а также идеологии правящей группы. Отдельно раскрыты принципы формирования национальной идеологии, показаны особенности государственной идеологии в СССР. Результаты исследования могут быть использованы в науке конституционного права, общей теории государства и права, политологии.

Ключевые слова: государственная идеология; национальная идеология; конституционная идеология; идеология правящей группы.

Для цитирования: Кротов А. В. Государственная идеология как обязательный признак конституционного государства // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 8. — С. 123–132. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.123-132.

© Кротов А. В., 2023

* Кротов Андрей Владиславович, доктор юридических наук, преподаватель кафедры юридических дисциплин Нижегородского института (филиала) Московского гуманитарно-экономического университета Сорновское ш., д. 20, г. Нижний Новгород, Россия, 603074 pravonnov@yandex.ru

State Ideology as a Mandatory Feature of the Constitutional State

Andrey V. Krotov, Dr. Sci. (Law), Lecturer, Department of Legal Disciplines, Nizhny Novgorod Institute (Branch), Moscow University of Humanities and Economics
Sormovskoe sh., d. 20, Nizhny Novgorod, Russia, 603074
pravonnov@yandex.ru

Abstract. The recent history of Russian state building is directly connected with numerous, and not always successful, attempts to formulate state ideology. Such attempts at «ideological search» intensified with the adoption of amendments to the Constitution of Russia in 2020. Despite a number of scientific works devoted to the problems of the formation of state ideology, today in the Russian legal doctrine the polarity of opinions regarding the content of state, national, constitutional ideology has not been eliminated, which, in turn, affects the process of development of the state and law. The purpose of this work is to identify the reasons for the consolidation in Part 2 of Article 13 of the Constitution of the Russian Federation of the prohibition on the establishment of any ideology as state or mandatory. It also aims to formulate a number of terms related to the research topic, resolve the competition between state ideology, national, constitutional and ideology of the ruling group.

The paper uses such methods of scientific research as synthesis, abstraction, generalization. The author analyses the works of E. Y. Barkhatova, V. I. Yakunin, P. A. Astaficheva, N. S. Bondar, E. E. Barinov, V. V. Lazarev, B. S. Ebzeeva, and other authors.

The results of the study consist in the formulation of the author's interpretation of a number of terms: national ideology; state ideology; constitutional ideology; ideology of the ruling group. The interrelation of the state ideology and the national ideology, as well as the ideology of the ruling group, is shown. Separately, the principles of the formation of national ideology are disclosed, the features of the state ideology in the USSR are shown. The results of the research can be used in the science of constitutional law, the general theory of state and law, political science.

Keywords: state ideology; national ideology; constitutional ideology; ideology of the ruling group.

Cite as: Krotov AV. Gosudarstvennaya ideologiya kak obyazatelnyy priznak konstitutsionnogo gosudarstva [State Ideology as a Mandatory Feature of the Constitutional State]. *Lex russica*. 2023;76(8):123-132. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.123-132. (In Russ., abstract in Eng.).

Принятые в 2020 г.¹ поправки к Конституции России перезапустили процесс, именуемый «идеологическим исканием», активизировали дискурс относительно интерпретации содержания п. 2 ст. 13 Конституции: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»².

Спектр мнений относительно толкования п. 2 ст. 13 Конституции достаточно широк.

Например, как пишет Е. Ю. Бархатова, установление одной идеологии в качестве государственной или обязательной представляет опасность, «ни Конституция РФ, ни законодательный или иной правовой акт не должен прямо или косвенно утверждать и закреплять какую-либо идеологию... Ни одна из них не имеет и не может иметь приоритета перед другими, который

бы закреплялся официально государством с помощью закона или иным способом... Государство не может навязывать гражданам какую-либо идеологию, которую они обязаны под страхом уголовного и иного наказания разделять, изучать и пропагандировать»³. Л. А. Музаелян, отмечая «установление мировоззренческого и идеологического плюрализма... как важнейшее завоевание молодой российской демократии, освободившейся от коммунистического тоталитаризма», в то же время указывает, что право без идеологии в классовом обществе существовать не может (да и не в классовом тоже. — К. А.), в свою очередь, «мировоззренческий (методологический) и идеологический плюрализм, считающийся крупным достижением постсоветской демократической

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

² Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // URL: <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.

³ Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации : новая редакция (постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. С. 87.

России, способствовал формированию социальной реальности, не отвечающей фундаментальным принципам демократического общества — равенства всех перед законом и торжества справедливости»⁴.

В современных работах 2021–2022 гг. прежде звучавшие в научной среде категоричные выводы о невозможности установления одной идеологии в качестве государственной или обязательной были смягчены.

П. А. Астафичев отмечает: «Под идеологией можно подразумевать довольно узкую смысловую категорию: например, мировоззрение (систему взглядов и идей, миропонимание, видение, образ мыслей и т.п.), на которых основывается политико-экономическая система... Если запрет ч. 2 ст. 13 Конституции РФ истолковать именно таким образом, то получается, что конституционный законодатель имел в виду лишь недопустимость государственного и обязательного установления марксистско-ленинского мировоззрения (“крайне левая” идеология) и каких-либо ее “крайне правых” противоположностей... Запрещая государственную или обязательную идеологию, конституционный законодатель не может исключить мировоззренческое осмысление парламентом или главой государства своих конституционных функций. Мировоззрение политических деятелей придает государственной политике осознанный и системный характер»⁵.

Н. С. Бондарь и Э. Э. Баринов отмечают, что «имеющие конкретно-историческое происхождение требования ч. 2 ст. 13 Конституции РФ,

ориентированные на решимость нового Российского государства отказаться от своего тотального присутствия в политико-идеологической сфере, создать реальные предпосылки для идеологического многообразия, многопартийности, не препятствуют... выработке ценностных ориентиров личностного самоопределения и публично-властной практики в данной сфере на основе достижений конституционной аксиологии»⁶.

Н. С. Певцова считает, что запрет на установление идеологии в качестве государственной или обязательной следует рассматривать как элемент идеологический, при этом сама Конституция России построена на основе либеральной идеологической платформы⁷. Сходного мнения придерживается В. В. Лазарев, оценивая внесение поправок в Конституцию РФ как элемент идеологии России в качестве суверенного государства⁸, при этом он поддерживает мнение ряда ученых относительно возможного исключения ст. 13 из Конституции РФ или как минимум модификации ее толкования с учетом современных политико-правовых реалий.

Интерес представляет содержание заключения Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3⁹, в котором судьи отметили, что включение Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ ряда идеологических по сути положений в текст Конституции не может рассматриваться как несовместимое с положениями гл. 1 и 2 Конституции, поскольку, будучи призванными отразить содержательную направленность и конституционно-правовые

⁴ Мусаелян Л. А. Методологический плюрализм и некоторые проблемы теории и практики права в России // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.) : избранные материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М. : Статут, 2016. С. 312, 314.

⁵ Астафичев П. А. Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслении и обосновании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 12–18.

⁶ Бондарь Н. С., Баринов Э. Э. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть I. Конституционное мировоззрение в ценностном измерении обновленной Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 3–12.

⁷ Певцова Н. С. Физические аспекты существования человека в отечественном конституционном строительстве // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 51–57.

⁸ Лазарев В. В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. 2021. № 4. С. 5–17.

⁹ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона РФ о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

условия деятельности органов государственной власти Российской Федерации и в значительной степени — субъектов Российской Федерации, предлагаемые нормы носят неполитический, надпартийный и внеконфессиональный характер и не могут расцениваться, толковаться и применяться как устанавливающие государственную или обязательную идеологию, изменяющие принципы плюралистической демократии и светского характера Российского государства.

Столь радикальное содержание ч. 2 ст. 13 национальной Конституции, закрепившей запрет на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной, непосредственно связано с советским периодом развития России. В Конституции (Основном Законе) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, принятой ВС РСФСР 12.04.1978¹⁰, в ст. 6 отмечалась особая роль Коммунистической партии Советского Союза, «вооруженной марксистско-ленинским учением», а сама Конституция была буквально пропитана идеями ленинского марксизма, господством социалистической моноидеологии практически во всех сферах человеческого бытия.

Известный теоретик советского права А. Я. Вышинский писал: «Советская идеология, идеология партии Ленина — Сталина — великая созидательная сила... Товарищ Сталин говорил о том, что она [Конституция СССР 1936 г.] "...представляет собой итог пройденного пути, итог уже добытых завоеваний", "...является, стало быть, регистрацией и законодательным закреплением того, что уже добыто и завоевано на деле", что она опирается на основные устои социализма»¹¹.

В Доктринальном комментарии к Конституции РФ под редакцией Ю. И. Скуратова отмечается, что «господство одной идеологии и подавление всех остальных свойственно авторитарным и диктаторским политическим режимам, таким как социализм, фашизм, маоизм, исламский фундаментализм... Сращивание со-

циалистической идеологии с государственной бюрократией привело не только к многочисленным жертвам режима "социалистической демократии", но и к краху СССР, РСФСР и других государственных режимов на постсоциалистическом пространстве. Поэтому авторы Конституции закрепили в ней принцип "департизации" государства, юридического размежевания государства и идеологии, какой бы безупречной на первый взгляд она ни казалась»¹². Сходное мнение содержится в Комментарии к Конституции Российской Федерации под редакцией В. Д. Зорькина: «Признание идеологического многообразия (наряду с признанием политического многообразия и многопартийности) в качестве одной из основ конституционного строя Российской Федерации есть рефлекс на насаждавшийся десятилетиями идеологический монизм, закреплявшийся в советских Конституциях и поддерживавшийся всеми институтами государственной власти»¹³.

Разноплановый подход в науке конституционного права к интерпретации содержания ч. 2 ст. 13 Конституции основан на двух генеральных факторах: во-первых, отличии в методиках толкования конституционного текста и, во-вторых, различии в понимании термина «государственная идеология».

Как известно, российская правовая наука является преемником советской доктрины права. Многие ученые правовую систему современной России характеризуют в качестве постсоветской, что, в свою очередь, предопределяет, как правило, ориентацию на буквальное толкование права, присущее строгой позитивистской концепции, которое также возможно именовать грамматическим. Однако конституция не является позитивным законом и к ней не применима исключительно методика буквального толкования.

В основе конституции находится сложная материя человеческой жизни, особенности формирования нации, исторические и бытийные перипетии во всем их многообразии, соответ-

¹⁰ Декларация ВС РСФСР от 12.04.1978 «О принятии и объявлении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Свод законов РСФСР. Т. 1. С. 12. 1988 г.

¹¹ Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 292.

¹² Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М. П. Авдеенкова, А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына [и др.] ; рук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев ; науч. ред. Ю. И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М. : Статут, 2013. С. 410.

¹³ Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, Н. С. Бондарь [и др.] ; под ред. В. Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М. : Норма, Инфра-М, 2011. С. 207.

ственно, постичь смысл конституции возможно только через использование совокупности массива интерпретационных методов, познавая за конституционной нормой интересы и преследуемые цели, а именно используя такие методы, как исторический, систематический, теологический (целевой) и грамматический¹⁴.

Применяя указанную методологию толкования, мы приходим к выводу о том, что включенный в текст Конституции РФ запрет на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной действительно, как отмечает ряд ученых, является рефлексией на идеологический монизм советских конституций и потерю привлекательности идей марксизма-ленинизма в советском обществе. Как отмечал первый Президент СССР М. С. Горбачев, тоталитарная система лишила страну возможности стать благополучной и процветающей¹⁵, государство, вынужденное обслуживать идеологию, было обречено.

Обеспечивая защиту от попыток возврата к советскому прошлому, запрет на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной непосредственно связан с особенностями политической организации на момент разработки и принятия Конституции РФ и представляет собой реверанс в сторону западных демократий от общества, сбросившего оковы деспотизма и ориентирующегося на западную либеративную модель демократии.

Часть 2 ст. 13 Конституции подразумевает не запрет как таковой государственной идеологии, а предполагает исключительно запрет на установление идеологии правящей партии (властной группы) в качестве государственной или обязательной, что является прямым следствием провозглашения демократического политического режима и республиканской формы правления.

Непосредственно интерпретация ч. 2 ст. 13 Конституции РФ в качестве «запрета для государства, его органов и должностных лиц в

своей официальной деятельности по осуществлению государственно-властных функций и полномочий руководствоваться не Конституцией, законом, иными нормативными актами, а той или иной идеологией, включая идеологию либерализма, социал-демократизма, марксизма-ленинизма и прочее»¹⁶, о чем пишут составители Комментария к Конституции Российской Федерации под редакцией В. Д. Зорькина, представляет собой *апорию*, основанную во многом как на господствующем в России позитивистском типе правопонимания, так и на наличии противоречий между наукой конституционного права, текстом Конституции и правовой реальностью.

Не отрицая значимость в науке перечисленных подходов в части толкования термина «государственная идеология», мы считаем возможным предложить авторское определение терминов «государственная идеология», «национальная идеология», «конституционная идеология», «идеология правящей группы», что представляется необходимым в рамках проблематики, исследуемой в настоящей работе.

Содержание вышеуказанных терминов непосредственно связано с особенностями устройства современного социума, рассматриваемого как единое соционормативное пространство, а также с изменением соотношения власти нормативного и власти социального, а именно цивилизационной практикой смены «фактической силы нормативного» на «нормативную силу фактического».

Под национальной идеологией, формирование которой стало возможным по причине гомогенности населения, мы предлагаем понимать систему ценностей, представлений и установок¹⁷, проявляющихся в различных сферах социального функционирования, обладающих признаком стабильности и разделяемых большинством населения.

Национальная идеология, преломляясь в континууме современной цивилизации, харак-

¹⁴ В соответствии со ст. 74 Федерального закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», конституционный суд принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов. Использование исключительно указанных методов толкования, по нашему мнению, не безупречно.

¹⁵ Горбачев М. С. Жизнь и реформы : в 2 т. М., 1995. Т. 1. С. 5–8.

¹⁶ Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. Д. Зорькина. С. 207.

¹⁷ Ф. Хайек писал, что неотъемлемой частью идеологии являются факты, теории, и вопросы морали (Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству / пер. с англ. М. : Новое издательство, 2005. С. 161).

теризует нацию в целом, не только объединяя население, но и артикулируя общечеловеческие ориентиры справедливости, являясь основой самоопределения как личности в качестве члена нации, коллективного «мы», так и нации как части человеческой популяции. Подлинно национальная идеология не только формирует обязательное поведение, но и оказывает влияние на мысли человека, показывает причины и условия существования нации, раскрывает цели государственного строительства и ведет к их достижению.

В условиях, когда национальная идеология становится метаосновой национальной правовой системы, находит свое выражение в Конституции, предопределяет задачи и цели государственного управления, наполняет жизнью гражданские институты, формирует воззрения индивидуума, такая национальная идеология становится государственной идеологией.

В свою очередь, различия государственной идеологии и идеологии правящей группы заключаются в том, что в основе идеологии правящей группы находятся интересы и ценности группы властвующих, их лидера, а не населения. Идеология, таким образом, обслуживает исключительно правящую группу, а государство становится идеологическим рабом политических властей.

Когда рождается идеология правящей группы? В момент, когда политики поддаются соблазну безраздельной власти, когда правители отвлечены от общей воли и воли государственной организации¹⁸.

Осуществление государственного управления на основе идеологии правящей группы, а не национальной идеологии побуждает население не к действиям на основе добровольного убеждения в обязательности властных предписаний, их моральной и этической правильности как на уровне групп, так и на уровне индивидуумов, осознающих их необходимость в целях максимизации своих жизненных устремлений, а к обязательному поведению под угрозой применения силы, через использование властвующей группой аппарата устрашения.

Отдельно, по нашему мнению, следует выделить конституционную идеологию.

Как известно, конституция не относится к статутному праву и не может задавать содержание государственной идеологии по воле властвующих. В противном случае, если относиться к конституции как к простому позитивному закону, любая идеология, заложенная в конституции, в итоге будет служить лишь интересам правящей группы или подвергнется пересмотру в ее интересах¹⁹ и будет существовать лишь в качестве рефлексии инстинкта политического самосохранения.

Конституция «встраивает» национальную идеологию в правовую систему; в свою очередь, и сама национальная идеология проходит этап модификации как под влиянием национальной конституции, так и в связи с воздействием глобального конституционного (космополитического) права. Таким образом формируется юридическая форма национальной идеологии — конституционная идеология.

Проиллюстрируем этот процесс на примере формирования конституционной идеологии современной России. Ключевые лозунги реформ 1980–1991 гг., инициированные Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым, были модифицированы и нашли поддержку у населения в процессе выборов 12 июня 1991 г., а также на Всероссийском референдуме 25 апреля 1993 г. Далее национальная идеология была закреплена в тексте Конституции РФ от 12.12.1993. Принятые поправки к Конституции РФ продолжили процесс модернизации национальной идеологии, не только актуализировали ее в фокусе современных правовых, культурных и политических ценностей, достижений юридической науки, но и имплементировали ее в систему национального конституционного права, что повлияло на ее содержание.

Нередки случаи, когда конституционная идеология представляет собой квинтэссенцию ценностей самой конституции, иными словами, конституционная идеология является идеализированной моделью конституционных начал и отношений, оформленных в основном законе.

¹⁸ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. М. : Канон-Пресс, Кучково поле, 1998. С. 112.

¹⁹ В. В. Лазарев отмечает: «Во всяком случае, очевидно, что партии имеют свою идеологию и правящая партия проводит ее в законодательстве, делая тем самым государственной и обязательной. Разумеется, через посредство воплощения соответствующих идей в конкретные правовые нормы» (Лазарев В. В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 4. С. 5–17).

Такая идеология представляется самодостаточной, является «Ding an sich», как правило, она независима ни от воли населения, ни от воли правящей группы, что и предопределяет в итоге ее низкую эффективность.

По каким причинам властвующая группа заинтересована в формировании государственной идеологии с замещением национальной идеологии идеологией правящей группы? Ответ содержится в инстинкте политического самосохранения. Правление силой убеждения (пусть во многом и формального), с апелляцией к нарративам государственной идеологии, намного более стабильно и долговечно, чем правление под угрозой простого применения силы.

Формирование идеологии — это всегда особый процесс поиска. Со стороны населения это поиск оптимальной модели коллективного существования, со стороны правящей группы — оптимальной модели властвования. Чем более режим правления авторитарен, тем более активно параллельно формируется национальная идеология, конституционная идеология и идеология правящей группы. Это процесс действительно параллелен, например, в конституционной идеологии вполне могут совместно существовать положения как национальной идеологии, так и идеологии правящей группы, но со временем всё более автократичное правительство уменьшит долю положений национальной идеологии до минимума, перестроив и конституционную идеологию.

Безусловно, можно констатировать отсутствие в мире неидеологизированных государств, как и неидеологизированных конституций.

В России действует целый ряд нормативных правовых актов, обладающих идеологической составляющей, например: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2022)²⁰ — ч. 1 ст. 3; Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ред. от 31.07.2020)²¹ и иные. Явно выраженным идеологическим характером обладает Ежегодное Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации; содержание Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и прочее, что уже опровергает наличие

реального (а не конституционно декларируемого) запрета установления государственной идеологии.

Национальное государство не может существовать без государственной идеологии. Любое государство, а, как известно, государство представляет собой прежде всего политический институт, является сферой наиболее жесткой конкуренции различных идеологических концепций.

В Восточной Германии, писал С. Хантингтон, коммунизм обеспечивал идеологический базис разделения Германии; если отказаться от идеологии, исчезала логическая причина существования восточногерманского государства²². Такая же ситуация сложилась и в СССР.

Конечно, демократическое государство постмодерна не связано какой-либо исключительной идеологией, наоборот, идеологическая свобода, как правило, гарантируется в большинстве конституционных порядков. Во многом такой идеологический плюрализм является необходимостью, так как прогресс общества основан прежде всего на вариативности идей, целей, действий. Например, в ст. 2 Конституции Чешской Республики закреплено следующее: «Государство основано на демократических ценностях и не может быть связано ни исключительной идеологией, ни вероисповеданием»; в соответствии со ст. 15 Конституции Украины: «Общественная жизнь в Украине основывается на принципах политического, экономического и идеологического многообразия. Ни одна идеология не может признаваться государством как обязательная».

Но это не значит, что формирование государственной идеологии, закрепление ее в тексте конституции находится под запретом. Запрет действует на возведение идеологии правящей группы в ранг единственно верной, эксклюзивной для государства. Государство связано национальной и конституционной идеологией, но не идеологией правящей группы.

Конституционный запрет на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной предполагает обеспечение идеологической свободы и гарантированность модернизации государственной идеологии в зависимости от эволюции идеологии национальной и конституционной,

²⁰ СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

²¹ СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. 1). Ст. 3378.

²² Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / пер. с англ. М., 2003. С. 57.

а не запрет на установление государственной идеологии как таковой (что само по себе является апорией). Иными словами, государственная идеология не является чем-то «вечным» и представляет собой подвижную конструкцию, актуализация которой необходима.

Государственная идеология, в отличие от идеологии правящей группы, не формируется по воле политиков, она неотделима от человека, не существует вне его чаяний и потребностей, она является живой и рефлектирующей.

Современное демократическое государство выполняет ряд функций в идеологической сфере:

1. Гарантирует идеологическую свободу.

2. Обеспечивает реализацию национальной и конституционной идеологии. Например, в соответствии со ст. 141 Конституции Федеративной Демократической Республики Непал: «1) Лица, объединенные общей политической идеологией, философией и программой в соответствии с законами, изданными на основании п. “с” ч. 3 ст. 12, вправе на организацию и деятельность в качестве политической партии по своему выбору. Они могут доводить до общества свою идеологию, философию и программу в целях получения поддержки и объединения с другими лицами, а также выполнять любую другую деятельность в этих целях. Любой закон, предписание или решение, ограничивающие такую деятельность, являются несовместимыми с Конституцией и *ipso facto* не применяются».

3. Запрещает крайние формы идеологии, влияющие на «жизнеспособность» государства. Например, в соответствии со ст. 98 Конституции Республики Коста-Рика: «Все граждане имеют право объединяться в партии для участия в национальной политике. Однако запрещается создание или деятельность партий, которые по своим идеологическим программам, приемам деятельности или международным связям стремятся ликвидировать основы демократического строя в Коста-Рике или выступают против ее суверенитета. Решения по этому вопросу принимаются Законодательным собранием большинством двух третей ее членов и по по-

лучении информации от Верховного суда по избирательным делам». В соответствии со ст. 160 Конституции: «1. Утрачивают свой мандат депутаты, которые: ...d) признаются в судебном порядке виновными в преступлении, связанном с выполнением ими своих функций, или в участии в организациях, которые придерживаются фашистской идеологии».

Перманентно продолжающиеся во всех национальных государствах²³ «идеологические искания» связаны с тем, что подлинная государственная идеология отражает в себе общие, наиболее значимые и стабильные черты нации, национального права, закрепляет особенности государственного управления, что делает возможным существование государства как самостоятельного и в определенной степени замкнутого социально-политического организма. Это, в свою очередь, способствует сохранению государства как такового, обеспечивает его стабильное существование и развитие²⁴.

Если национальная и конституционная идеология не сформированы, а идеология правящей группы приобрела статус государственной, то вполне резонной представляется постановка вопроса о существовании национального государства как такового.

Какая национальная идеология будет востребована населением?

Та, которая «работает» на население, обеспечивает защиту и рост благосостояния, и тут обнажаются отличия с идеологией правящей группы, возведенной в один ранг с государственной, целью которой является защита и рост благ правящей группы.

Отсутствие государственной идеологии, неопределенность ее положений, изменение под влиянием политической конъюнктуры, замещение ее идеологией правящей группы приводят к тому, что национальные чувства, а именно чувство сплоченности, общности населения, легитимация принимаемых властью решений, связываются не с государством, а с правящей группой, ее лидером, что в итоге влечет раскол национального общества.

²³ Национальное государство представляет собой единый социальный организм, объединяющий людей на основе ряда признаков: единого языка, культуры, религии, истории и т.п. В национальном государстве идея прав нации (то есть групповая идеология), доминирует над правами и свободами человека.

²⁴ В качестве примера результата подмены национальной идеологии идеологией властвующей группы в XX в. приведем судьбу СССР. Государство было образовано в целях реализации идеологии марксизма-ленинизма, но такая идеология не стала идеологией нации, что в итоге и привело к распаду такого искусственного образования.

Государственную идеологию невозможно сформировать по указанию политиков, она не возникает из работ мудрецов прошлого, не рождается в результате толкования религиозных текстов.

Если правящая группа пытается создать государственную идеологию «под себя», то в таком случае поиски государственной идеологии становятся бесконечным процессом, а

само государство теряет привлекательность у населения.

Идентификация национальной идеологии в качестве государственной, соответствующее формирование конституционной идеологии представляют собой мощное оружие, позволяющее легитимизировать властные решения, объединить население государства под знаком убеждения, а не властного принуждения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Астафичев П. А. Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслении и обосновании // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 8. — С. 12–18.
2. Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации : новая редакция (постатейный). — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2020. — 740 с.
3. Бондарь Н. С., Баринов Э. Э. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть I. Конституционное мировоззрение в ценностном измерении обновленной Конституции России // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 12. — С. 3–12.
4. Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. — М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1949. — 450 с.
5. Горбачев М. С. Жизнь и реформы : в 2 т. Т. 1. — М., 1995. — 656 с.
6. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, Н. С. Бондарь [и др.] ; под ред. В. Д. Зорькина. — 2-е изд., пересмотр. — М. : Норма, Инфра-М, 2011. — 1008 с.
7. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М. П. Авдеенкова, А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына [и др.] ; рук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев ; науч. ред. Ю. И. Скуратов. — 2-е изд., изм. и доп. — М. : Статут, 2013. — 810 с.
8. Лазарев В. В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. — 2021. — № 4. — С. 5–17.
9. Мусаелян Л. А. Методологический плюрализм и некоторые проблемы теории и практики права в России // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.) : избранные материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. — М. : Статут, 2016. — 1100 с.
10. Невинский В. В. Рецензия: Крылов Б. С. Проблемы влияния идеологии на общество и государство: научно-публицистическое издание // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 5. — С. 75–76.
11. Певцова Н. С. Физические аспекты существования человека в отечественном конституционном строительстве // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 12. — С. 51–57.
12. Поярков С. Ю. Ценностные основания идеологии российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 6. — С. 18–20.
13. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты : пер. с фр. — М. : Канон-пресс, Кучково поле, 1998. — 414 с.
14. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века : пер. с англ. — М. : Российская политическая энциклопедия (Роспэн), 2003. — 368 с.
15. Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству : пер. с англ. — М. : Новое издательство, 2005. — 317 с.

Материал поступил в редакцию 18 апреля 2023 г.

REFERENCES

1. Astafichev P. A. Konstitutsionnyy zapret na gosudarstvennyuyu ili obyazatelnyuyu ideologiyu: k voprosu o doktrinalnom osmyslenii i obosnovanii [Constitutional prohibition of State or Compulsory Ideology: On the

- issue of doctrinal understanding and justification]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2022;8:12-17. (In Russ.).
2. Barkhatova EYu. Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: novaya redaktsiya (postateynyy) [Commentary to the Constitution of the Russian Federation: New edition (article-by-article)]. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. (In Russ.).
 3. Bondar NS, Barinov EE. Aksiologiya konstitutsionnogo mirovozzreniya. Chast I. Konstitutsionnoe mirovozzrenie v tsennostnom izmerenii obnovlennoy Konstitutsii Rossii [The axiology of the constitutional worldview. Part I. Constitutional Worldview in the Value dimension of the Updated Constitution of Russia]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2021;12:3-7. (In Russ.).
 4. Vyshinskiy AYa. Voprosy teorii gosudarstva i prava [Problems of Theory of State and Law]. Moscow: State Publishing House of Legal lit.; 1949. (In Russ.).
 5. Gorbachev MS. Zhizn i reformy: v 2 t. [Life and reforms: in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow; 1995. (In Russ.).
 6. Andrichenko LV, Bogolyubov SA, Bondar NS, et al. Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii (postateynyy) [Commentary to the Constitution of the Russian Federation (article-by-article)]. Edited by Zorkin VD. 2nd ed., rev. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2011. (In Russ.).
 7. Avdeenkova MP, Golovistikova AN, Grudtsyna LYu, et al. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Doktrinalnyy kommentariy (postateynyy) [The Constitution of the Russian Federation. Doctrinal commentary (article-by-article)]. Edited by Dmitriev YuA, Skuratov Yul. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Statut Publ.; 2013. (In Russ.).
 8. Lazarev VV. Ideologiya konstitutsionnogo reformirovaniya pravovoy sistemy Rossiyskoy Federatsii [Ideology of constitutional reform of the legal system of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2021;4:5-16. (In Russ.).
 9. Musaelyan LA. Metodologicheskiy plyuralizm i nekotorye problemy teorii i praktiki prava v Rossii [Methodological pluralism and some problems of the theory and practice of law in Russia]. In: Golubtsov VG, Kuznetsova OA, editors. Shestoy Permskiy kongress uchenykh-yuristov (g. Perm, 16–17 oktyabrya 2015 g.): izbrannye materialy [The Sixth Perm Congress of Legal Scientists (Perm, October 16–17, 2015): Selected papers]. Moscow: Statut Publ.; 2016. (In Russ.).
 10. Nevinskiy VV. Retseziya: Krylov B. S. Problemy vliyaniya ideologii na obshchestvo i gosudarstvo: nauchno-publitsisticheskoe izdanie [Review: Krylov B.S. Problems of the influence of ideology on society and the state: scientific and journalistic publication]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2013;5:75-128. (In Russ.).
 11. Pevtsova NS. Fizicheskie aspekty sushchestvovaniya cheloveka v otechestvennom konstitutsionnom stroitelstve [Physical aspects of human existence in the domestic constitutional construction]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2021;12:51-57. (In Russ.).
 12. Poyarkov SYu. Tsennostnye osnovaniya ideologii rossiyskogo konstitutsionalizma [The value foundations of the ideology of Russian Constitutionalism]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2013;6:18-20. (In Russ.).
 13. Rousseau JJ. Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty [The Social Contract: Treatise]. Transl. from French. Moscow: Kanon-press, Kuchkovo pole Publ.; 1998. (In Russ.).
 14. Huntington S. Tretya volna. Demokratizatsiya v kontse XX veka [The third wave. Democratization at the end of the 20th century]. Transl. from English. Moscow: Russian Political Encyclopedia (Rospen); 2003. (In Russ.).
 15. Hayek FA von. Doroga k rabstvu [The Road to Slavery]. Transl. from English. Moscow: Novoe izdatelstvo; 2005. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.133-146

С. Н. Гаврилов*

«Гёделево неразрешимое предложение» и проблематика машиночитаемого права

Аннотация. Актуализация тематики машиночитаемого права, значимость которой подтверждается как общей тенденцией и потребностью рассматривать право в контексте развития информационных технологий, так и принятием значимых правовых актов, в числе которых Концепция развития технологий машиночитаемого права, предполагает необходимость формирования надлежащей теоретической основы и разработки методологического обеспечения соответствующих процессов. Общая проблема «методологической недостаточности» обеспечения процессов цифровой трансформации права, а также актуальность разработки технологий машиночтения права предопределяют необходимость обращения в том числе к результатам и достижениям естественно-научного знания.

В публикации анализируется корректность переноса выводов К. Гёделя в их гносеологическом (эпистемологическом) контексте на правовую область. Рассматривая право как объект машиночтения в контексте «гёделева неразрешимого предложения» и основываясь на заключении Гёделя о неспособности системы описать себя своими собственными средствами (доказать свою непротиворечивость), автор приходит к выводу о том, что «надправовым» основанием является культура, а само право видится в системной иерархии: культура — право — закон.

Машиночтение права предлагается рассматривать в контексте семиотической парадигмы, основываясь на максимально широком охвате знаковых систем, отражающих всё многообразие систем-регуляторов, и не ограничиваясь лишь религией, моралью, этикой, правом и законом, а имея в виду культуру как «мегаисточник знакового множества», отражающий целый комплекс систем-регуляторов.

На основе анализа выводов К. Гёделя, а также принципов «дополнительности» Н. Бора и «неопределенности» В. Гейзенберга в их гносеологическом (эпистемологическом) аспекте делается ряд выводов, которые могут быть значимы как для методологической основы машиночтения права и закона, так и для проблематики правопонимания и правосприятия в целом. В частности, делается вывод об актуальности темы трансформации научных споров о теориях правопонимания в процесс взаимодополнения таких теорий с целью достижения состояния их конструктивного противоречия (контрадикторности).

Ключевые слова: искусственный интеллект; цифровая трансформация права; машиночитаемое право; машиночтение права; машиночтение закона; гёделево неразрешимое предложение; правопонимание; правосприятие.

Для цитирования: Гаврилов С. Н. «Гёделево неразрешимое предложение» и проблематика машиночитаемого права // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 8. — С. 133–146. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.133-146.

© Гаврилов С. Н., 2023

* Гаврилов Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, руководитель Центра внедрения и эксплуатации Комплексной информационной системы адвокатуры России Федеральной палаты адвокатов РФ

Сивцев Вражек пер., д. 43, г. Москва, Россия, 119002

gavrilov@fparf.ru

«Godel's Undecidable Proposition» and the Problems of Machine Readable Law

Sergey N. Gavrilov, Cand. Sci. (Law), Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Center for the Implementation and Operation of the Integrated Information System, the Russian Bar of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation
per. Sivtsev Vrazhek, d. 43, Moscow, Russia, 119002
gavrilov@fparf.ru

Abstract. The relevance of machine readable law, the significance of which is confirmed by both the general trend and the need to consider law in the context of the development of information technologies, and the adoption of significant legal acts, including the Concept of the Development of machine readable law technologies, implies the need to form an appropriate theoretical basis and develop methodological support for relevant processes. The general problem of the «methodological insufficiency» of ensuring the processes of digital transformation of law, as well as the relevance of the development of machine reading technologies of law, predetermine the need to address, among other things, the results and achievements of natural science knowledge.

The paper analyzes the correctness of the transfer of K. Godel's conclusions in their gnoseological (epistemological) context to the legal field. Considering law as an object of machine reading in the context of «Godel's undecidable proposition» and based on Godel's conclusion about the inability of the system to describe itself by its own means (to prove its consistency), the author concludes that the «supra-legal» basis is culture, and law itself is seen in the system hierarchy: culture--law--legislation.

It is proposed to consider the machine reading of law in the context of a semiotic paradigm, based on the widest possible coverage of sign systems reflecting the diversity of regulatory systems, and not limited only to religion, morality, ethics, law and legislation, but referring to culture as a «mega-source of a sign set» reflecting a whole complex of regulatory systems.

Based on the analysis of K. Godel's conclusions, as well as the principles of «complementarity» by N. Bohr and «uncertainty» by V. Heisenberg in their gnoseological (epistemological) aspect, a number of conclusions are drawn. These can be significant both for the methodological basis of machine reading of law and the law and for the problems of legal understanding and legal perception in general. In particular, it is concluded that of high importance is the topic of the transformation of scientific disputes on theories of legal understanding into the process of complementarity of such theories in order to achieve a state of their constructive contradiction (contradictority).

Keywords: artificial intelligence; digital transformation of law; machine readable law; machine reading of law; machine reading of legislation; Godel's undecidable proposition; legal understanding; legal perception.

Cite as: Gavrilov SN. «Gedelevo nerazreshimoe predlozhenie» i problematika mashinochitaemogo prava [«Godel's Undecidable Proposition» and the Problems of Machine Readable Law]. *Lex russica*. 2023;76(8):133-146. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.133-146. (In Russ., abstract in Eng.).

Где же искать надежность и истинность,
если даже само математическое мышление дает осечку?

Д. Гилберт

Постановка проблемы. Актуализация тематики машиночитаемого права, значимость которой подтверждается как общей тенденцией и потребностью рассматривать право в контексте развития информационных технологий (information technology — IT), так и принятием значимых правовых актов, в числе которых Концепция развития технологий машиночитаемого

права (далее — Концепция)¹, предполагает необходимость формирования надлежащей теоретической основы и разработки методологического обеспечения соответствующих процессов.

Что касается Концепции, то следует согласиться с мнением М. А. Липчанской и С. А. Привалова о том, что как теоретическая основа идеи машиночитаемого права, так и сама

¹ См.: Протокол Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 15.09.2021 № 31 // URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/792d50ea6a6f3a9c75f95494c253ab99/31_15092021.pdf (дата обращения: 29.12.2021).

Концепция как правовой документ вызывают «определенные нарекания»².

Несмотря на использование терминов «метод», «методика», Концепция не имеет соответствующего раздела (о методологии), да и сами методологические установки в тексте конкретно не выражены. Впрочем, Концепция является лишь наглядным примером общей проблемы «методологической недостаточности» обеспечения процессов цифровой трансформации права.

Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор справедливо говорят о практической потребности в научных разработках, которые выявляют и объясняют влияние процесса цифровизации на право и правовую сферу жизни общества³.

Д. А. Керимов в этом отношении высказался весьма категорично: «В скудном методологическом багаже отечественного правоведения вовсе отсутствует сколько-нибудь подробная разработка теории отражения объективной реальности в праве»⁴. А именно такое «отражение объективной реальности в праве» и должны обеспечивать технологии машиночитаемого права, вычлняя из данных об «объективной реальности» данные о праве, правовых и связанных с ним явлениях (процессах). Без надлежащей методологической основы такая цель достигнута быть не может.

В. О. Пучков, основываясь на мнении ряда ученых: М. Малоун (англ. Malone), Т. Тонсберг (англ. Tonsberg), Дж. Хендерсон (англ. Henderson), Л. Эдвиссон (англ. Edvisson), констатирует, что нередко фундаментальные теоретические исследования в различных сферах, включая правовую, отходят на второй план в сравнении с прикладными, что, в свою очередь, побуждает исследователей в большей степени ориентироваться на разработку «конкретных социально-практических решений сообразно запросам предпринимательства», притом что

именно «в цифровую эпоху первостепенную значимость приобретает общетеоретическая, философско-правовая и науковедческая проблематика юридического знания»⁵.

По нашему мнению, именно в IT-сфере, в частности в LegalTech как отрасли, специализирующейся на IT-обеспечении юридической деятельности, нередко превалирует этот самый «практико-ориентированный подход», когда применение технологий происходит без учета тех многочисленных факторов, которые исключительно важны, поскольку влияют на право, закон и их восприятие. Речь, в частности, идет о правовой ментальности, о национальной правовой традиции, о роли в IT человекочитаемого (русского) языка и т.п. Всё это особенно актуально для зарождающихся технологий *машиночитаемого права* (далее — МЧТП) и *машиночитаемого закона* (далее — МЧТЗ)⁶.

Полагаем, что значение разработки методологии МЧТП (МЧТЗ) выходит далеко за рамки темы цифровой трансформации права (digital transformation of law). Прежде всего это основание и повод переосмыслить на теоретическом уровне сами правовые явления.

При этом важным является то обстоятельство, что нацеленность IT на некий практический результат потенциально позволяет рассматривать теоретическое знание и практику как нечто «интегрированное целое». Для науки это возможность апробировать гипотезы; для практики — перспектива внедрения и совершенствования новых технологий на системной основе и с учетом тех значимых факторов, о которых шла речь выше.

Актуальность разработки технологий МЧТП (МЧТЗ) предопределяет необходимость обращения в том числе к результатам и достижениям естественно-научного знания. Имеются в виду, в частности, те выводы, которые были сделаны в первой половине XX в. выдающимися

² Липчанская М. А., Привалов С. А. Развитие технологий машиночитаемого права: теоретические проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 10. С. 92.

³ Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 89.

⁴ Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М., 2003. С. 103.

⁵ Пучков В. О. Понятийно-терминологический аппарат правоведения и перспектива «машинизации» права: возможно ли представление правовых конструкций средствами λ -исчисления? // Юридический вестник ДГУ. 2021. Т. 40. № 4. С. 37, 38.

⁶ Авторские определения машиночитаемого и машиноисполнения права и закона, а также отдельные комментарии к ним даны нами ранее. См.: Гаврилов С. Н. Машиночитаемое право и «пространственные построения в живописи»: поиск методологии машинного правовосприятия // Lex russica. 2022. Т. 75. № 9. С. 69.

ся представителями математики и физики, когда с открытием «квантовых закономерностей» стало очевидно, что картина мира не укладывается в рамки классической физики, математика — в границы «строгих», непротиворечивых алгоритмов, а человеческое мышление — в пределы аристотелевой логики.

В. О. Лобовиков отмечает, что в связи с развитием цифровых технологий в целях их адекватного осмысления и философского обоснования требуется «некая цифровая метафизика» и от «повсеместно признанной цифровой фотографии необходимо шаг за шагом продвигаться к пока еще не признанному авторитету цифровой философии»⁷.

Полагаем, что речь следует вести уже не только и не столько о «цифровой», сколько о «квантовой» философии, имея в виду в том числе и попытки исследовать право в контексте «квантовых закономерностей»⁸.

Ранее в контексте тематики разработки методологии МЧТП и МЧТЗ нами упоминались дискуссии вокруг принципов «дополнительности» (Н. Бор (дат. Bohr))⁹, «неопределенности» (В. Гейзенберг (нем. Heisenberg))¹⁰, «неполноты и непротиворечивости формальных систем» (К. Гёдель (нем. Gödel)), трактовка которых в их широком — философском — смысле может дать ряд ключевых установок для методологической основы МЧТП и МЧТЗ¹¹.

Было бы правильным рассматривать указанные принципы во взаимной связи, что, собственно, мы и планируем сделать, впрочем в данной публикации большее внимание уделяя выводам К. Гёделя.

Очевидно, что в условиях постмодернистских реалий и «постклассической науки», когда «вырисовываются контуры новой рациональности» (Д. А. Пашенцев, И. Р. Пригожин, Г. В. Мальцев и др.), при «смене классического типа рациональности на постклассический — коммуникативный» (И. Л. Честнов), активизируются процессы сближения гуманитарного и естественно-научного знания. Как справедливо отмечается в литературе, «мы сегодня становимся свидетелями сближения гуманитарных и естественно-научных форм знания, которые взаимообогащают друг друга в методологическом и содержательном отношении. В основе этого сближения лежит неклассический тип рациональности»¹². Игнорировать тенденцию такого «сближения» невозможно или как минимум нецелесообразно.

В эпоху постклассического взгляда на мир, его природу и закономерности весьма своевременной является выработка нового теоретического взгляда на право и закон. При этом, безусловно, не следует отбрасывать всё то, что уже накоплено и используется юридической наукой.

Выводы К. Гёделя и «незавершаемость математики». Выводы Гёделя поставили под сомнение правомерность казавшихся незыблемыми самих основ математики как «образца достоверности и истинности» (Д. Гилберт (нем. Hilbert)).

Теоремы «о неполноте и непротиворечивости» К. Гёделя в различных их трактовках толкуются следующим образом. Если первая теорема содержит вывод о том, что «всякая непротиворечивая аксиоматическая теория содержит

⁷ См.: Лобовиков В. О. Логико-философское обоснование гипотезы о формально-этической противоречивости формальной арифметики, исследованной К. Гёделем // Известия Уральского государственного университета. Серия 3, Общественные науки. 2011. Т. 6. № 1. С. 17.

⁸ См., например: Иванский В. П. Информационно-когнитивное (квантовое) правопонимание: понятие и критерии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 4 (315). С. 44–60 ; Он же. О новой правовой парадигме: информационно-квантовая (когнитивная) теория права // Современное право. 2014. № 2. С. 4–11.

⁹ В. Гейзенберг отмечал, что Н. Бор, говоря о дополнительной, «указывал, как правило, на то, что в атомной физике мы вынуждены пользоваться разными способами описания, исключаящими, но также и дополняющими друг друга, адекватное же описание процесса достигается в конечном счете только игрой различных образов» (Гейзенберг В. Избранные философские работы : Шаги за горизонт. Часть и целое. СПб., 2005. С. 158).

¹⁰ Принцип неопределенности В. Гейзенберга означает, что на квантовом уровне невозможно одновременно измерить координату и импульс элементарной частицы.

¹¹ Гаврилов С. Н. Методология машинного восприятия права на основе синектического подхода // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 12. С. 36–39.

¹² См.: Дорожкин А. М., Шнырева О. Е. Критерий полноты научного знания в свете неклассической рациональности // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 30.

утверждения, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть средствами самой этой теории», то вторая: «непротиворечивость всякой аксиоматической теории не может быть доказана средствами самой этой теории».

Выводы Гёделя возможно рассматривать в различных контекстах: и как частный случай для математических (арифметических) систем; и как существование абсолютно неразрешимых утверждений математики; и как соотношение возможностей человека и компьютера; и как «математический поворот», повлекший то, что логицизм (Б. Рассел (англ. Russell), А. Уайтхед (англ. Whitehead) и др.) и формализм (Д. Гилберт и др.) ставились под сомнение; и как постановку вопроса о познаваемости в гносеологическом (эпистемологическом) аспекте; и в контексте возможности построения так называемой «теории всего» (Theory of Everything); и в других контекстах.

В литературе предпринимаются попытки обосновать возможность распространения выводов Гёделя за рамки математической науки и их «общефилософского значения» (А. М. Дорожкин, О. Е. Шнырева¹³, К. М. Подниекс (латв. Podnieks)¹⁴, Ю. И. Манин¹⁵), которые, впрочем, подвергаются критической оценке (Ж. Брикмон (фр. Bricmont), А. Сокал (англ. Sokal), Р. Дебре (фр. Debray), Е. Г. Шкорубская¹⁶).

Следует добавить, что в среде самих математиков нет единства в трактовках теорем Гёделя.

Так, А. В. Бессонов, ссылаясь на утверждения ряда авторов об однозначности трактовки второй теоремы Гёделя (С. И. Адян, Х. Филд (англ. Field), Дж. Кеннеди (англ. Kennedy), П. Раатикайнен (фин. Raatikainen)), настаивает на том, что «арифметика может доказать свою непротиворечивость»¹⁷, оспаривая тем самым выводы из второй теоремы Гёделя¹⁸.

Полагая возможным переносить выводы теорем Гёделя в их гносеологическом (эпистемологическом) контексте на правовую область, мы исходим из того посыла, что, если даже столь формализованные системы, как математические, могут являться априори противоречивыми (иррациональными), а «само математическое мышление дает осечку» (Д. Гилберт)¹⁹, то сложные социальные системы, к которым относятся *право* и *закон*, тем более нельзя относить к категории систем, которые могут являться исключительно непротиворечивыми. По Мейерсону (фр. Meyerson) непротиворечивыми могут быть только «пустые схемы», но они в конце концов раскрываются как «обширные тавтологии»; содержательные теории нетавтологичны, а значит, противоречивы; сама структура научного знания становится всё более логически противоречивой и в этом смысле всё более иррациональной²⁰.

Вместе с тем следует учитывать особенности применения выводов Гёделя в контексте правовой проблематики²¹.

¹³ Дорожкин А. М., Шнырева О. Е. Критерий полноты научного знания в свете неклассической рациональности // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 28.

¹⁴ Подниекс К. М. Вокруг теоремы Гёделя. Рига : Зинатне, 1992. С. 130, 131, 141.

¹⁵ Манин Ю. И. Теорема Гёделя // Природа. 1975. № 12. С. 80.

¹⁶ Шкорубская Е. Г. Проблемное поле теорем Гёделя о неполноте // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Т. 1 (67). 2015. № 2. С. 189–297.

¹⁷ Бессонов А. В. О двух неверных догмах, связанных со второй теоремой Гёделя // Философия науки. 2014. № 4 (63). С. 5.

¹⁸ По данной теме см.: Бессонов А. В. Еще раз о неверных истолкованиях второй теоремы Гёделя о неполноте // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18. № 3. С. 132–143 ; Он же. Теоремы Гёделя не дезавуируют программу Гильберта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 311–318.

Данная позиция вызывала критику. См.: Измайлова А. М. О критике теоремы К. Гёделя о неполноте А. В. Бессоновым // Студенческий научный журнал «Грани науки». 2018. Т. 6. № 1. С. 7–9.

¹⁹ По словам итальянского философа Э. Агацци (итал. Agazzi), благодаря результатам Гёделя «узкий формализм потерпел историческое поражение» (Агацци Э. Влияние Гёделя на философию математики // Epistemology & Philosophy of Science. 2010. Т. 25. № 3. Р. 19).

²⁰ Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К. Западная философия XX века : учеб. пособие. М. : Проспект, 1998. С. 194, 196, 204, 207.

²¹ См., например: Лобовиков В. О. Проблема неполноты формально определенных систем норм позитивного права, первая теорема Гёделя о неполноте и юридические фикции как важный ком-

«Гёделево неразрешимое предложение» и право как объект МЧТП. Основываясь на положениях гёделевых теорем, И. Л. Честнов делает справедливый вывод о том, что «право не может быть замкнутой непротиворечивой формальной системой»²².

По мнению С. В. Голубева, теорема Гёделя о принципиальной неполноте любых достаточно развитых формальных систем релевантна в гносеологическом отношении праву «как формализованной системе законоформулирующих положений»²³. При этом автор полагает, что, поскольку «правомерность критерия правомерности не может быть доказана средствами и в рамках самого права», право, следовательно, не имеет силы, чтобы обосновать себя²⁴.

С. В. Голубев считает, что закон, правовые положения и нормы могут претендовать на объективность и правомерность лишь в том случае, если опираются на фундаментальное, более общее, нежели свое собственное — правовое, основание; таким, «более содержательным, но менее формализованным» основанием является мораль, которая, в свою очередь, «так же неполна, как и право». Автор приходит к тому выводу, что «анализ оснований правомерности права в свете методологического значения теоремы Гёделя выявляет следующую системную иерархию: религия → мораль → право»²⁵.

Учитывая, что и религия, и мораль как системы неизбежно получают свое «гёделево неразрешимое предложение»²⁶, мы исходим из того посыла, что *право* следует рассматривать в еще более широкой парадигме: *культура* → *право* → *закон*. В таком случае *культура*²⁷ содержит некий *extractum* (лат.) основных ценностей определенного социума (нации) как «высших стимулов человеческого поведения» (А. В. Гулыга), которые требуют охранения *правом* и должны быть защищаемы *законом* как адекватным воплощением права.

Особо отметим, что речь идет не просто о культурологическом подходе к праву, который поддерживается рядом ученых (В. А. Бачинин, О. Н. Бибики, Г. Д. Гриценко, А. Г. Гузнов, А. И. Гусейнов, Н. М. Коркунов, И. В. Михайловский, В. В. Посконин, Н. В. Разуваев, Е. В. Сазонникова, В. П. Сальников, А. П. Семитко, Е. В. Сидорова, В. Н. Синюков, М. А. Супатаев и др.) и который, наряду с другими подходами, по нашему мнению, является весьма продуктивным. Имеется в виду культура как «надправовая» система.

Культура, будучи тем самым «более общим» (по С. В. Голубеву) основанием, является своего рода мегаисточником, вбирающим в себя широкий комплекс регуляторов (и религию, и мораль, и ряд других регуляторов), содержащих *данные*²⁸ о совокупности тех ценностей опреде-

понтент юридической техники // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 2 (49). С. 53, 54.

²² См.: Честнов И. Л. Постклассическая теория права : монография. СПб. : Алеф-Пресс, 2012. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A7/chestnov-iljya-ljvovich/postklassicheskaya-teoriya-prava-monografiya/4> (время обращения 08.11.2022).

²³ Голубев С. В. Теорема Гёделя и проблема легитимности социального порядка в социологической науке // Социология. 2010. № 3. С. 107.

²⁴ Голубев С. В. Указ. соч. С. 103.

²⁵ Голубев С. В. Указ. соч. С. 103–104.

²⁶ Как подметил В. В. Целищев, «гёделевы неразрешимые предложения могут оказаться разрешимыми в более сильной системе». Вместе с тем «для новой системы опять-таки можно эффективно получить новое гёделево неразрешимое предложение. Итерация этого процесса дает расширение арифметики, которое оказывается бесконечным. В этом смысле Гёдель говорит о “незавершаемости” математики». См.: Целищев В. В. Субъективная математика Гёделя: самоочевидные утверждения математики и артефакты синтаксических структур // Философия науки. 2015. № 1 (64). С. 4.

²⁷ Под культурой мы подразумеваем «продукт коллективного, векового опыта» (Н. М. Коркунов), всё то, что «не есть природа», «что создано рукой и духом человека», всё духовное и материальное, что человеком выработано, накоплено, перерабатывается и может быть передаваемо. Кроме прочего, в данном контексте следует учитывать фактор поликультурности, что для многонационального и многоконфессионального общества весьма значимо.

²⁸ В соответствии с п. 1 приложения № 1 ГОСТ 15971-90 «Системы обработки информации. Термины и определения», «данные — информация, представленная в виде, пригодном для обработки автоматиче-

ленного социума (нации), которые и должны быть защищены правом, а также его (права) «формализованной попыткой воплощения» — законом.

В контексте разработки технологий МЧТП и МЧТЗ важны не просто отдельные виды регуляторов (пусть и весьма значимых), но максимально возможная совокупность *данных* обо всем потенциальном множестве таких регуляторов, формирующих правовые установки и на них влияющих. Именно поэтому мы предлагаем рассматривать МЧТП в контексте семиотической парадигмы²⁹, настаивая на максимально широком охвате *знаковых систем*, отражающих всё многообразие систем-регуляторов, и не ограничиваясь лишь религией, моралью, этикой, правом и законом, а имея в виду культуру как «источник знакового множества», отражающий данные о целом комплексе систем-регуляторов.

Основываясь на истинности «гёделева неразрешимого предложения», полагаем, именно культура, в силу ее «иерархически высшего» положения в числе иных систем, благодаря ее относительной полноте, ее свойствам как «генератора и аккумулятора ценностей», может рассматриваться в качестве такой системы, но не просто системы, а «над-системы», если взглянуть на культуру через призму нормативности.

Как отмечает Е. А. Лукашева, «для юристов важно *нормативно-ценностное измерение*

культуры (выделено мной. — С. Г.), позволяющее раскрыть поведение людей в сфере права; поведение не в изолированном “правовом поле” (в реальной жизни оно не существует в химически чистом виде), а объективируемое в результате взаимодействия всех элементов социокультурной системы»³⁰. Но главное: культура, по мнению Е. А. Лукашовой, «призвана сформулировать и обеспечить ценность права, его интериоризацию»³¹.

Такого рода «интериоризация права» на основе культуры и имеется нами в виду, когда предлагается иерархическая парадигма нормативных систем «культура → право → закон».

В связи с этим мы полагаем, что при реализации технологий машиночтения права:

- 1) необходимо использовать не только *формальный машинный*³² (*машиночитаемый*) и *естественный (человекочитаемый)*, включая *формализованный юридический язык*, или *предполагаемый метаязык*³³, а все *знаковые системы* (так называемое семиотическое множество), описывающие правовую реальность, которые будет возможно использовать в качестве источника исходных данных для их последующей обработки с помощью технологий машиночтения;
- 2) необходимо обращаться к арсеналу целого комплекса систем-регуляторов (религия, мораль, этика и др., включая технические), не ограничиваясь лишь правом.

скими средствами при возможном участии человека» (URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200015664> (дата обращения: 29.12.2022)).

²⁹ См.: Гаврилов С. Н. «Новый язык для нового закона»: машиночтение права в контексте семиотической парадигмы // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 10. С. 124–140.

³⁰ Лукашева Е. А. Право и культура в современном мире // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2012. № 5. С. 32.

При этом, как отмечает автор, «нельзя воспринимать культуру только как позитивный набор нормативов и ценностей», как «рафинированное явление». Деструктивные проявления, своего рода «антиценности», не менее важны для последующего формирования правовых установок и реализации их в законе. См.: Там же. С. 34.

³¹ Лукашева Е. А. Указ. соч. С. 34.

³² Машинный язык (Machine Language, ML) — «язык программирования, предназначенный для представления программы в форме, позволяющей выполнять ее непосредственно техническими средствами обработки информации». См.: п. 27 ГОСТ 19781-90 «Межгосударственный стандарт. Обеспечение систем обработки информации программное. Термины и определения. Software of data processing systems. Terms and definitions» // URL: <http://gost.ru> (дата обращения: 29.12.2022).

³³ По мнению И. В. Понкина, наиболее перспективным является изначальное написание нормативного акта на «некоем мета-языке (или гибридном прото-языке), с последующим автоматическим переводом на естественные (человеко-читаемые) языки» (Понкин И. В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в PerTexe, содержание, онтология и перспективы // International journal of open information technologies. 2020. Т. 8. № 10. С. 65).

Вместе с тем следует иметь в виду по меньшей мере три значимых момента.

Во-первых, очевидно, что культура как нормативно-ценностная система также стоит перед проблемой «неразрешимости» (она также противоречива) и получит свое «гёделево неразрешимое предложение», однако она всё же является «более общим» основанием для иерархически низших систем, к каковым относятся и право, и закон.

Во-вторых, если попытаться обозначить взаимосвязанность и взаимозависимость систем парадигмы «культура → право → закон» в предлагаемой нами интерпретации и выразить это на языке *процессного подхода*, активно используемого в информационных технологиях (в частности, при применении технологий *функционального моделирования*), то прослеживаются следующие зависимости:

- на уровне культуры (как нормативной системы высшего уровня) формируются ценностные установки социума, являющиеся основой для выработки управляющего (регулирующего) воздействия правового характера (правовые установления), которые должны быть формализованы в законе;
- при наличии значимых противоречий в системе ценностных установок на уровне культуры неизбежно появление фактора некорректного управляющего (регулирующего) воздействия (например, в виде «конкуренции правовых требований») и, соответственно, затрудняется или делается невозможной формализация управляющего (регулирующего) воздействия (правовых требований) в законе.

Всё это, по мнению автора, должно быть учтено при разработке технологий машиночитаемого права.

В-третьих, в контексте выводов Гёделя возникает вопрос о том, что аксиома о «должной непротиворечивости права», «должной непротиворечивости культуры» и пр. в реалиях «пострациональности» требует пересмотра и перевода аксиомы «о непротиворечивости права как нормальности» в аксиому «о противоречивости права как нормальности».

Существующая установка на должную «непротиворечивость права» отражается, в частности, в «принципе правовой определенности».

Так, указывает, что «неопределенность содержания правовой нормы, не будучи в состоянии обеспечить ее единообразное понимание, а значит, и применение, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, может привести к нарушению принципов равенства и верховенства закона; поэтому самого по себе нарушения требования определенности правовой нормы, влекущего ее произвольное толкование правоприменителем, достаточно для признания такой нормы не соответствующей Конституции»³⁴.

В научном мире существуют различные взгляды на фактор «противоречивости права» и «правовую определенность» (С. С. Алексеев, В. К. Бабаев, С. А. Батманов, Н. С. Бондарь, А. Б. Венгеров, Я. М. Винокурова, Н. А. Власенко, Г. А. Гаджиев, Е. А. Дербышева, И. М. Евлоев, В. В. Ершов, А. А. Иванов, Н. Н. Ковтун, А. Л. Кононов, В. В. Лазарев, О. Э. Лейст, А. В. Малько, Н. И. Матузов, Г. В. Мищенко, Л. А. Морозова, С. В. Нарутто, М. В. Пресняков, В. П. Реутов, Ю. Романец, А. А. Рукавишникова, А. И. Сидоренко, А. Р. Султанов, А. П. Фоков, А. Ф. Черданцев, И. Л. Честнов, А. С. Шабуров, В. М. Шафиров и др.).

По мнению автора, данная проблематика требует дальнейшего развития научной дискуссии по данному вопросу.

Правопонимание в контексте «дополнительности Бора», «гёделевой неполноты и непротиворечивости» и «неопределенности Гейзенберга». Итак, предположение о том, что в рамках юридической науки и лишь только ее средствами возможно в удовлетворительной полноте описать ее предмет, противоречит выводам Гёделя о том, что система не может описать себя своими собственными средствами (доказать свою непротиворечивость, истинность своих суждений). А значит, изучение системы не должно ограничиваться средствами самой этой системы.

Заметим, что при анализе выводов теорем Гёделя (о том, что «система не может описать сама себя своими средствами») речь идет не столько о машиночитаемом или человекочитаемом языке, сколько обо всей системе средств (принципов, понятий, установок и т.п.), которыми располагает та или иная нормативная система.

³⁴ Постановления Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 № 3-П, от 06.04.2004 № 7-П, от 20.12.2011 № 29-П, от 14.01.2016 № 1-П.

Если ограничиваться инструментарием лишь юридической науки, а тем более оставаться в рамках какой-либо одной теории правопонимания, то мы не получим достаточных в своей полноте и объективности *данных* о праве, необходимых для корректной реализации технологий МЧТП и МЧТЗ.

В этой связи нам представляется давно назревшей тема трансформации научных споров о теориях правопонимания в процесс взаимодополнения таких теорий с целью достижения состояния их *конструктивного противоречия* (*контрадикторности*). Это не означает ненужности и бесплодности самих научных споров, однако существует необходимость общего осознания места и роли дискуссий как важных в научно-тактическом плане, но с пониманием бесперспективности достижения некой стратегической победы одной теории над другой.

Интегративный подход в правоведении как раз и отразил потребность в нахождении консенсуса в вопросах правопонимания в виде стратегии «суммирования различных подходов» и их взаимодополнения.

При этом очевидно, что противоречия тем не менее, безусловно, есть, и они останутся, что вполне согласуется с гёделевоу установкой о наличии в любой сложной системе противоречий как некой «нормальности».

По мнению Т. Куна (англ. Kuhn), «обычно члены зрелого научного сообщества работают, исходя из единой парадигмы или из ряда тесно связанных между собой парадигм», что и является примером «нормальной науки», а конкуренция парадигм проявляется лишь как свидетельство кризиса «нормальной науки»³⁵. Данное утверждение в контексте «боровской дополненности» и сказанного выше представляется как минимум спорным. Именно состояние контрадикторности является «нормальным».

Ценность другого — компрехендного подхода³⁶ — состоит, по нашему мнению, в посыле о необходимости сохранения самоидентичности, цельности отдельных теорий.

Это не исключает полезности выработки новых теорий, которые могут появиться на интегративной основе, например «интегральных», которые «снимают противоречия между юснатурализмом и позитивизмом» (А. В. Поляков). Вопрос только в том, нужно ли рассматривать «снятие противоречий» как некую обязательную цель? Ведь выявленные противоречия, по Гёделю, могут являться вполне закономерными, объяснимыми, то есть вполне «нормальными», и сами по себе они представляют ценность как предмет для отдельного анализа³⁷.

В контексте «дополненности Бора» различные по своим установкам, содержанию, ключевым установкам и т.п. теории правопонимания (и не только правопонимания) необходимо принимать как комплекс различных подходов, взглядов, установок, когда данные теории рассматриваются не как повод для научного спора, а как необходимая, «штатная» множественность таких подходов (методов, методик и пр.), возможно даже *взаимоисключающих*, но всегда *не конкурирующих* (sic!) при получении *данных* о праве. Это, по нашему мнению, вполне согласуется, например, с плюралистической концепцией в понимании права (В. В. Лазарев, О. Э. Лейст и др.).

В этой связи следует отметить, что априори контрпродуктивным является подход, при котором та или иная методология абсолютизируется, превращаясь в «единственно верную», на что обращают внимание Н. А. Власенко и Д. А. Пашенцев³⁸. Это прямо противоречит «боровской дополненности».

Так, Д. А. Пашенцев (ссылаясь на Т. Н. Радько, В. П. Малахова, С. С. Маиляна и В. М. Самарова) справедливо говорит о том, что нужно «не отбрасывать успешно апробированные ме-

³⁵ Кун Т. Структура научных революций. М., 2001. С. 210.

³⁶ См.: Захарцев С. И., Сальников В. П. Что есть компрехендная теория права? // Юридическая наука. 2016. № 3. С. 5–9.

³⁷ Что касается множества правовых теорий, то, по мнению Н. В. Варламовой, «все они укладываются в достаточно ограниченный и неизменный набор парадигм, конкурирующих между собой на протяжении всей истории правовой мысли» (Варламова Н. В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 69).

³⁸ См.: Власенко Н. А. Методологические проблемы современной теории права // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 9; Пашенцев Д. А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 10.

тоды, а дополнять их методами новыми... — вот задача правоповедения в условиях новой научной рациональности»³⁹.

Теперь что касается полноты. Исследуя в контексте спора Н. Бора и А. Эйнштейна (нем. Einstein) о физической полноте квантово-механического описания физической реальности вопрос «полноты научного знания в свете неклассической рациональности», А. М. Дорожкин и О. Е. Шнырева отмечают, что в качестве основных формально-логических критериев научности, кроме простоты и непротиворечивости, традиционно выделяется *полнота*. И хотя по причине динамики самого научного познания три названные критерия имеют релятивный характер, они, по мнению большинства методологов, необходимы, так как позволяют решить проблему демаркации научного знания, а само стремление ученого к полноте научного знания вполне естественно⁴⁰.

Вместе с тем, основываясь на установке В. Гейзенберга об априорном наличии неопределенности при получении всех данных об объекте, поскольку допустим вывод о том, что невозможно достижение совершенной полноты нашего знания о праве, то следует, соответственно, избегать завышенных ожиданий относительно перспективы нахождения некоего «совершенного», «исчерпывающего» определения права в рамках какой бы то ни было теории правопонимания, будь она порождением монистического, плюралистического или многоаспектного методологического подхода к пониманию права.

Здесь не только проблема, заключающаяся в особенностях права как объекта, но и проблема самого языка, на котором право как объект описывается. В. Гейзенберг, говоря о «предельной

точности», с которой должны быть определены основные понятия общих законов в естествознании, и о том, что это возможно только с помощью математической абстракции, заметил: «Подобное же положение может иметь место и в других науках — в них также могут стать необходимыми точные определения, например в юриспруденции. Но здесь общее число членов в цепи заключений никогда не бывает очень большим; поэтому здесь нет необходимости в совершенной точности, и в большинстве случаев мало-мальски точные определения оказываются исчерпывающе сформулированными с помощью понятий обыденного языка»⁴¹.

Представляется очевидным, что в области «оцифровываемой юриспруденции» тема определений не настолько проста, и «мало-мальски точные определения» уже «не работают». Право требует своего «предельно точного» аппарата описания, не ограниченного лишь традиционной понятийной парадигмой.

Скажем больше: на основании того же «принципа неопределенности» Гейзенберга, достижение совершенной полноты знания о праве невозможно не только в рамках понятийной парадигмы (теорий правопонимания), но и в контексте максимально широкой парадигмы правовосприятия (которая предлагается нами в качестве методологической основы МЧТП и МЧТЗ): право-предчувствия, право-чувствования, право-ощущения, право-переживания, право-понимания и иных возможных способов правовосприятия в его самом широком смысле⁴².

В этом отношении выводы Гёделя, особенно рассмотрение их в контексте таких аспектов, как «неразрешимое предложение» и «соотношение возможностей человека и компьютера»,

³⁹ Пашенцев Д. А. Указ. соч. С. 11.

⁴⁰ См.: Дорожкин А. М., Шнырева О. Е. Указ. соч. С. 26, 27.

⁴¹ Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М., 1989. С. 107.

⁴² В литературе «машинное восприятие» определяется как «способность системы получать и интерпретировать данные из внешнего мира *аналогично тому, как люди используют чувства*». См.: Бегушев И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и робототехника : глоссарий понятий. М., 2021. С. 21. О выходе за пределы рационального в восприятии права и правовых явлений говорили и Л. И. Петражицкий с его «интуитивным правом», и И. А. Ильин, рассматривавший правосознание как «инстинктивное правочувствие», и Л. А. Фейербах («правочувствование» и «правоощущение»), и Р. Йеринг («сила права, как и сила любви, основывается на чувстве»), и П. Шлаг («переживание права»), и А. Бергсон («интуиция» и «жизненные порывы»), и Э. Дюркгейм («чувство солидарности»), и М. Криле («правовое чувство», «правовое ощущение») и др.

С позиции когнитивистики отделение «мышления» от «чувств» весьма условно, искусственно. В технологиях машинотечения права (как обработки данных о правовой реальности) должно учитываться не только «рациональное», но и «чувственное».

могут быть важны для ответа на принципиальный вопрос о пределах возможностей самих технологий машиночитаемого права как в их широком смысле (собственно МЧТП как «чтение» (восприятие) правовой реальности и правовых установлений, как закрепленных, так и не закрепленных в законе), так и в узком (как «чтение закона», т.е. актов МЧТЗ⁴³).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агацци Э. Влияние Гёделя на философию математики // *Epistemology & Philosophy of Science*. — 2010. — Т. 25. — № 3. — С. 16–41.
2. Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и робототехника : глоссарий понятий. — М., 2021. — 64 с.
3. Бессонов А. В. Еще раз о неверных истолкованиях второй теоремы Гёделя о неполноте // *Сибирский философский журнал*. — 2020. — Т. 18. — № 3. — С. 132–143.
4. Бессонов А. В. О двух неверных догмах, связанных со второй теоремой Гёделя // *Философия науки*. — 2014. — № 4 (63). — С. 12–31.
5. Бессонов А. В. Теоремы Гёделя не дезавуируют программу Гильберта // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. — 2017. — № 40. — С. 311–318.
6. Бочаров В. А., Карпенко А. С., Воробьева С. В., Бернштейн В. Л. Логика // *Гуманитарный портал*. — URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6892>.
7. Букалов А. В. Мышление и квантовая физика: теоремы Гёделя, Тарского и принцип неопределенности // *Физика сознания и жизни, космология и астрофизика*. — 2001. — № 2. — С. 5–8.
8. Варламова Н. В. Российская теория права в поисках парадигмы // *Журнал российского права*. — 2009. — № 12. — С. 68–84.
9. Власенко Н. А. Методологические проблемы современной теории права // *Журнал российского права*. — 2019. — № 4. — С. 5–19.
10. Гаврилов С. Н. Машиночитание права и «пространственные построения в живописи»: поиск методологии машинного правосознания // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 9. — С. 66–78.
11. Гаврилов С. Н. Методология машинного восприятия права на основе синектического подхода // *Журнал российского права*. — 2022. — Т. 26. — № 12. — С. 30–44.
12. Гаврилов С. Н. «Новый язык для нового закона»: машиночитание права в контексте семиотической парадигмы // *Актуальные проблемы российского права*. — 2022. — Т. 17. — № 10. — С. 124–140.
13. Гейзенберг В. Избранные философские работы : Шаги за горизонт. Часть и целое. — СПб., 2005. — 368 с.
14. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. — М., 1989. — 400 с.
15. Голубев С. В. Теорема Гёделя и проблема легитимности социального порядка в социологической науке // *Социология*. — 2010. — № 3. — С. 102–110.
16. Дорожкин А. М., Шнырева О. Е. Критерий полноты научного знания в свете неклассической рациональности // *Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского*. — 2014. — № 6. — С. 26–31.
17. Захарцев С. И., Сальников В. П. Что есть компрехендная теория права? // *Юридическая наука*. — 2016. — № 3. — С. 5–9.
18. Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К. Западная философия XX века : учебное пособие. — М. : Проспект, 1998. — 432 с.
19. Иванский В. П. Информационно-когнитивное (квантовое) правопонимание: понятие и критерии // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. — 2014. — № 4 (315). — С. 44–60.
20. Иванский В. П. О новой правовой парадигме: информационно-квантовая (когнитивная) теория права // *Современное право*. — 2014. — № 2. — С. 4–11.
21. Измайлова А. М. О критике теоремы К. Гёделя о неполноте А. В. Бессоновым // *Грани науки*. — 2018. — Т. 6. — № 1. — С. 7–9.

⁴³ Под актами МЧТЗ понимаются документы, формально и текстуально закрепленные (на человекочитаемом и/или машиночитаемом языке), содержащие нормы права (например, текст закона), а также текстуально закрепленные нормы иных значимых регуляторов общественных отношений, которые составляют предмет машиночитания.

22. Карамышев И. С. Смерть математика? // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. — 2019. — № 1. — С. 95–108.
23. Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. — М., 2003. — 521 с.
24. Кун Т. Структура научных революций. — М., 1974. — 268 с.
25. Лобовиков В. О. Логико-философское обоснование гипотезы о формально-этической противоречивости формальной арифметики, исследованной К. Гёделем // Известия Уральского государственного университета. Серия 3, Общественные науки. — 2011. — Т. 6. — № 1. — С. 14–28.
26. Лобовиков В. О. Проблема неполноты формально определенных систем норм позитивного права, первая теорема Гёделя о неполноте и юридические фикции как важный компонент юридической техники // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2013. — № 2 (49). — С. 53–57.
27. Манин Ю. И. Теорема Гёделя // Природа. — 1975. — № 12. — С. 80–87.
28. Пашенцев Д. А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности // Журнал российского права. — 2020. — № 8. — С. 5–13.
29. Подниекс К. М. Вокруг теоремы Гёделя. — Рига, 1992. — 191 с.
30. Понкин И. В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в PerТехе, содержание, онтология и перспективы // International journal of open information technologies. — 2020. — Т. 8. — № 10. — С. 59–69.
31. Пучков В. О. Понятийно-терминологический аппарат правоведения и перспектива «машинизации» права: возможно ли представление правовых конструкций средствами λ -исчисления? // Юридический вестник ДГУ. — 2021. — Т. 40. — № 4. — С. 36–42.
32. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 85–102.
33. Целищев В. В. Истинность гёделева предложения: внутренние и внешние вопросы // Философия науки. — 2014. — № 1 (60). — С. 16–38.
34. Целищев В. В. Субъективная математика Гёделя: самоочевидные утверждения математики и артефакты синтаксических структур // Философия науки. — 2015. — № 1 (64). — С. 3–14.
35. Честнов И. Л. Постклассическая теория права : монография. — СПб. : Алеф-Пресс, 2012.
36. Шкорубская Е. Г. Проблемное поле теорем Гёделя о неполноте // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. — 2015. — Т. 1 (67). — № 2. — С. 189–297.

Материал поступил в редакцию 26 марта 2023 г.

REFERENCES

1. Agazzi E. Vliyanie Gedelya na filosofiyu matematiki [Godel's influence on the philosophy of mathematics]. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2010;25(3):16-41. (In Russ.).
2. Begishev IR, Khisamova ZI. Iskusstvennyy intellekt i robototekhnika: glossariy ponyatiy [Artificial Intelligence and Robotics: Glossary]. Moscow; 2021. (In Russ.).
3. Bessonov AV. Eshche raz o nevernykh istolkovaniyakh vtoroy teoremy Gedelya o nepolnote [Once again about the misinterpretations of Godel's second incompleteness theorem]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal [Siberian Philosophical Journal]*. 2020;18(3):132-143. (In Russ.).
4. Bessonov AV. O dvukh nevernykh dogmakh, svyazannykh so vtoroy teoremy Gedelya [About two incorrect dogmas related to the second theorem of Godel]. *Filosofiya nauki [Philosophy of Science]*. 2014;4(63):12-17. (In Russ.).
5. Bessonov AV. Teoremy Gedelya ne dezavuiruyut programmu Gilberta [Gödel's theorems do not disavow Hilbert's program]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Tomsk State University Journal. Philosophy. Sociologiya. Political science]*. 2017;40:311-318. (In Russ.).
6. Bocharov VA, Karpenko AS, Vorobyova SV, Bernstein VL. Logika [Logic]. Gumanitarnyy portal [Humanitarian portal]. Available from: <https://gtmarket.ru/concepts/6892>. (In Russ.).
7. Bukalov AV. Myshlenie i kvantovaya fizika: teoremy Gedelya, Tarskogo i printsip neopredelennosti [Thinking and quantum physics: The theorems of Godel, Tarski and the uncertainty principle]. *Fizika soznaniya i zhizni, kosmologiya i astrofizika [Physics of consciousness and life, cosmology and astrophysics]*. 2001;2:5-8. (In Russ.).

8. Varlamova NV. Rossiyskaya teoriya prava v poiskakh paradigmy [The Russian theory of law in search of a paradigm]. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2009;12:68-84. (In Russ.).
9. Vlasenko NA. Metodologicheskie problemy sovremennoy teorii prava [Methodological problems of modern theory of law]. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2019;4:5-19. (In Russ.).
10. Gavrilov SN. Mashinochtienie prava i «prostranstvennyye postroeniya v zhivopisi»: poisk metodologii mashinnogo pravovospriyatiya [Machine Reading of Law and «Spatial Constructions in Painting»: Search for the Methodology of Machine Perception of Law]. *Lex russica*. 2022;75(9):66-78. (In Russ.).
11. Gavrilov SN. Metodologiya mashinnogo vospriyatiya prava na osnove sinekticheskogo podkhoda [Methodology of machine perception of law on the basis of a synectical approach]. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2022;26(12):30-44. (In Russ.).
12. Gavrilov SN. «Novyy yazyk dlya novogo zakona»: mashinochtienie prava v kontekste semioticheskoy paradigmy [«A New Language for a New Law»: Machine Reading of Law in the Context of Semiotic Paradigm]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2022;17(10):124-140. (In Russ.).
13. Heisenberg W. Izbrannyye filosofskie raboty: Shagi za gorizont. Chast i tseloe [Selected philosophical works: Steps beyond the Horizon. Part and whole]. St. Petersburg; 2005. (In Russ.).
14. Heisenberg W. Fizika i filosofiya. Chast i tseloe [Physics and philosophy. Part and whole]. Moscow; 1989. (In Russ.).
15. Golubev SV. Teorema Gedelya i problema legitimnosti sotsialnogo poryadka v sotsiologicheskoy nauke [Gödel's theorem and the problem of the legitimacy of social order in sociological science]. *Sotsiologiya [Sociology]*. 2010;3:102-110. (In Russ.).
16. Dorozhkin AM, Shnyreva OE. Kriteriy polnoty nauchnogo znaniya v svete neklassicheskoy ratsionalnosti [Criterion of completeness of scientific knowledge in the light of non-classical rationality]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]*. 2014;6:26-31. (In Russ.).
17. Zakhartsev SI, Salnikov VP. Chto est komprekhnennaya teoriya prava? [What is a comprehensive theory of law?]. *Yuridicheskaya nauka [Legal Science]*. 2016;3:5-9. (In Russ.).
18. Zotov AF, Melvil YuK. Zapadnaya filosofiya XX veka: uchebnoe posobie [Western Philosophy of the 20th century: A textbook]. Moscow: Prospekt Publ.; 1998. (In Russ.).
19. Ivanskiy VP. Informatsionno-kognitivnoe (kvantovoe) pravoponimanie: ponyatie i kriterii [Information-cognitive (quantum) legal understanding: Concept and criteria]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie [Higher Educational Institutions Bulletin. Jurisprudence]*. 2014;4(315):44-60. (In Russ.).
20. Ivanskiy VP. O novoy pravovoy paradigme: informatsionno-kvantovaya (kognitivnaya) teoriya prava [On the new legal paradigm: Information-quantum (cognitive) theory of law]. *Sovremennoe pravo [Modern law]*. 2014;2:4-11. (In Russ.).
21. Izmaylova AM. O kritike teoremy K. Gedelya o nepolnote V. Bessonovym [On criticism of K. Gödel's incompleteness theorem by A.V. Bessonov]. *Grani nauki [Facets of Science]*. 2018;6(1):7-9. (In Russ.).
22. Karamyshev IS. Smert matematika? [Death of a mathematician?]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 7, Filosofiya [Bulletin of the Moscow University. Series 7, Philosophy]*. 2019;1:95-108. (In Russ.).
23. Kerimov DA. Metodologiya prava: predmet, funktsii, problemy filosofii prava [Methodology of law: Subject, functions, problems of philosophy of law]. Moscow; 2003. (In Russ.).
24. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsiy [Structure of Scientific Revolutions]. Moscow; 1974. (In Russ.).
25. Lobovikov VO. Logiko-filosofskoe obosnovanie gipotezy o formalno-eticheskoy protivorechivosti formalnoy arifmetiki, issledovannoy K. Gedelem [Logical and philosophical substantiation of the hypothesis about the formal-ethical inconsistency of formal arithmetic, studied by K. Gödel]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3, Obshchestvennyye nauki [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 3, Social Sciences]*. 2011;6(1):14-28. (In Russ.).
26. Lobovikov VO. Problema nepolnoty formalno opredelennykh sistem norm pozitivnogo prava, pervaya teorema Gedelya o nepolnote i yuridicheskie fiktsii kak vazhnyy komponent yuridicheskoy tekhniki [The problem of incompleteness of formally defined systems of positive law norms, Gödel's first incompleteness theorem and legal fictions as an important component of legal technique]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia]*. 2013;2(49):53-57. (In Russ.).
27. Manin Yul. Teorema Gedelya [Gödel's Theorem]. *Priroda [Nature]*. 1975;12:80-87. (In Russ.).
28. Pashentsev DA. Modernizatsiya metodologii pravovykh issledovaniy v usloviyakh stanovleniya novoy nauchnoy ratsionalnosti [Modernization of the methodology of legal research in the context of the formation of a new scientific rationality]. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2020;8:5-13. (In Russ.).

29. Podnieks KM. Vokrug teoremy Gedelya [Around Gödel's theorem]. Riga; 1992. (In Russ.).
30. Ponkin IV. Kontsept mashinochitaemogo i mashinoispolnyaemogo prava: aktualnost, naznachenie, mesto v PerTexe, sodержanie, ontologiya i perspektivy [The concept of machine-readable and machine-executable rights: relevance, purpose, place in PerText, content, ontology and prospects]. *International journal of open information technologies*. 2020;8(10):59-69. (In Russ.).
31. Puchkov VO. Ponyatiyno-terminologicheskiy apparat pravovedeniya i perspektiva «mashinizatsii» prava: vozmozhno li predstavlenie pravovykh konstruksiy sredstvami λ -ischisleniya? [Conceptual and terminological apparatus of jurisprudence and the prospect of «mechanization» of law: is it possible to represent legal constructions by means of λ -calculus?]. *Yuridicheskiy vestnik DGU [Law Herald of Dagestan State University]*. 2021;40(4):36-42. (In Russ.).
32. Khabrieva TYa, Chernogor NN. Pravo v usloviyakh tsifrovoy realnosti [Law in the conditions of digital reality]. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2018;1:85-102. (In Russ.).
33. Tselishchev VV. Istinnost gedeleva predlozheniya: vnutrenniy i vneshnie voprosy [The truth of Gödel's proposition: Internal and external issues]. *Filosofiya nauki [Philosophy of Science]*. 2014;1(60):16-38. (In Russ.).
34. Tselishchev VV. Subektivnaya matematika Gedelya: samoochevidnye utverzhdeniya matematiki i artefakty sintaksicheskikh struktur [Gödel's subjective mathematics: Self-evident statements of mathematics and artifacts of syntactic structures]. *Filosofiya nauki [Philosophy of Science]*. 2015;1(64):3-14. (In Russ.).
35. Chestnov IL. Postklassicheskaya teoriya prava: monografiya [Post-classical theory of law: A monograph]. St. Petersburg: Alef-Press; 2012. (In Russ.).
36. Shkorubskaya EG. Problemnoe pole teorem Gedelya o nepolnote [Problem field of Gödel's incompleteness theorems]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kulturologiya [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies]*. 2015;1-2:189-297. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.147-157

А. Г. Малинова*

Личность, интересы, «правила вместо законов»: точка зрения молодого профессора законоведения (к 200-летию со дня рождения великого русского педагога К. Д. Ушинского)

Аннотация. Анализируются взгляды К. Д. Ушинского на личность, ее многочисленные и многогранные интересы, камеральное и гражданское право из малоизвестных современному правоведу юридических трудов, написанных К. Д. Ушинским в первые годы после окончания юридического факультета Московского университета, когда он в течение трех лет исполнял обязанности профессора Демидовского юридического лицея в г. Ярославле. В этой связи кратко рассмотрены общие условия преподавания в этом высшем учебном заведении и круг преподаваемых дисциплин, немногочисленные сохранившиеся источники лекционной деятельности Ушинского этого периода и его актовая речь «О камеральном образовании» на торжественном собрании Демидовского лицея. Отдельное внимание уделено проницательному выводу Ушинского о том, что в немецкой камералистике того времени место законов заняли удобные правила. Это мнение особенно актуально в наши дни, поскольку показывает, что стремление стран Запада начать жить не по нормам международного права, а по правилам, установленными ими же, возникло отнюдь не сегодня. Современная политическая, дипломатическая, юридическая, экономическая действительность буквально перенасыщена фактами незаконных санкций, «замораживаний» активов, конфискаций имущества и иных незаконных действий США и ряда иных западных стран в отношении России и других независимых государств, а также граждан этих государств. Анализ немецкого камерального права, проведенный Ушинским, наглядно показывает, что использование западными странами «удобных для них правил» вместо законов — это отнюдь не современное «изобретение», а постоянно развивающийся процесс, фундамент которого заложен западной политической и юридической мыслью несколько веков назад.

Ключевые слова: право; гражданское право; камеральное право; закон; интерес; личность; правила; правила вместо закона; К. Д. Ушинский; П. Г. Редкин; Московский университет; Демидовский юридический лицей.

Для цитирования: Малинова А. Г. Личность, интересы, «правила вместо законов»: точка зрения молодого профессора законоведения (к 200-летию со дня рождения великого русского педагога К. Д. Ушинского) // *Lex russica*. — 2023. — Т. 76. — № 8. — С. 147–157. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.147-157.

© Малинова А. Г., 2023

* Малинова Анна Григорьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
agmalinova@msal.ru

Personality, Interests, «Rules instead of Laws»: Standpoint of a Young Professor of Jurisprudence (To the 200th Anniversary of the Great Russian Educator K.D. Ushinsky)

Anna G. Malinova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor,
Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
agmalinova@msal.ru

Abstract. The author analyzes K.D. Ushinsky's views on personality, its numerous and multifaceted interests, cameralism and civil law from the little-known legal works written by K.D. Ushinsky in the first years after graduating from the Faculty of Law of Moscow University, namely three years of his serving as a professor of the Demidovsky Law Lyceum in Yaroslavl. In this regard, the general conditions of teaching at that higher educational institution and the range of disciplines taught, the few surviving sources of Ushinsky's lecture activity of this period and his speech «On cameral education» at the solemn meeting of the Demidovsky Lyceum are briefly considered. Special attention is given to Ushinsky's astute conclusion that convenient rules took the place of laws in German cameralistics of that time. This opinion is especially relevant today, because it shows that the desire of Western countries to start living not according to the norms of international law, but according to the rules established by them, did not arise today. The modern political, diplomatic, legal, and economic reality is literally oversaturated with facts of illegal sanctions, asset freezes, property seizures, and other illegal actions of the United States and a number of other Western countries against Russia and other independent states, as well as citizens of these states. Ushinsky's analysis of German cameralism clearly shows that the use by Western countries of «rules convenient for them» instead of laws is by no means a modern «invention», but a constantly developing process, the foundation of which was laid by Western political and legal thought several centuries ago.

Keywords: law; civil law; cameralism; law; interest; personality; rules; rules instead of law; K.D. Ushinsky; P.G. Redkin; Moscow University; Demidov Law Lyceum.

Cite as: Malinova AG. Lichnost, interesy, «pravila vmesto zakonov»: tochka zreniya molodogo professora zakonovedeniya (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya velikogo russkogo pedagoga K. D. Ushinskogo) [Personality, Interests, «Rules instead of Laws»: Standpoint of a Young Professor of Jurisprudence (To the 200th Anniversary of the Great Russian Educator K.D. Ushinsky)]. *Lex russica*. 2023;76(8):147-157. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.147-157. (In Russ., abstract in Eng.).

...Своими интересами все личности различаются, разделяются
и в то же время ими же соединяются.

*К. Д. Ушинский*¹

Константин Дмитриевич Ушинский (1823²–1870) образование получил в Московском университете, окончив в 1844 г. юридический факультет, но широкую известность он получил не как юрист, а как выдающийся деятель педагогической науки. Вероятно, объяснение этому можно увидеть и в том, что именно в студенческие годы на него сильное влияние оказал известный правовед профессор П. Г. Редкин (1808–1891), который был также не менее

известным теоретиком педагогики. Следует особо отметить, что, как свидетельствуют современники, «в те времена на лекции ведущих преподавателей собиралась вся прогрессивная Москва, после лекций таких известных ученых, как профессор истории Тимофей Николаевич Грановский и профессор философии государства и права Петр Григорьевич Редкин, часты были аплодисменты»³. Именно на лекциях Редкина Ушинский впервые познакомился с

¹ Ушинский К. Д. О камеральном образовании (Речь на торжественном собрании Ярославского Демидовского лицея 18.09.1848) // Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в 11 т. М. : Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1948. Т. 1 : Ранние работы и статьи. 1848–1856 гг. С. 209.

² По другим данным, Ушинский родился в 1824 г. См. об этом: Шаин Е. Г. Исторические факты биографии К. Д. Ушинского // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 2. Т. 2 (Психолого-педагогические науки). С. 13–17.

³ См.: Данилина Е. А. К. Д. Ушинский — преподаватель права // Проблемы современного образования. 2014. № 2. С. 26.

философией. Для студентов-юристов лекции Редкина имели особенное значение, поскольку в то время философия не была предметом изучения не только в Московском университете, но и в других российских высших учебных заведениях. Университетские преподаватели других дисциплин не считали необходимым включать философские основы в свои курсы. Так, курс гражданского права был богат историческими и практическими объяснениями, но не имел никаких теоретических обоснований. Курс уголовного права был представлен бессвязным обзором теорий германских криминалистов без какого-либо их критического анализа. В отличие от этих преподавателей, Редкин почти половину своего курса уделял изложению истории философских учений, в частности философской системы Гегеля. Лекции Редкина, вспоминая впоследствии один из однокурсников Ушинского, «имели решительное влияние на умственное развитие Ушинского и на дальнейшее направление его занятий; они впервые познакомили его с философскими науками и возбудили к ним любовь, и если впоследствии Ушинский всякому занимавшему его явлению старался отыскать философское основание и во всех своих трудах строго следовал философским началам, то этим он преимущественно обязан Петру Григорьевичу»⁴.

Сотрудничество с профессором Редкиным продолжалось и после окончания университета, вот несколько слов из дневника Ушинского: «Придя домой, застал записку Редкина. Добрый человек, он не забыл меня»⁵. Особенно плодотворным это общение стало в период, когда в 1857 г. Редкин и Ушинский решили издавать «Журнал для воспитания». Впоследствии они проявили себя как одни из наиболее активных авторов этого издания, что в немалой

степени способствовало быстрому росту его популярности среди педагогической общественности. Позднее Редкин выступил инициатором создания Петербургского педагогического общества, в работе которого самое деятельное участие принимал и Ушинский⁶. Всю последующую жизнь Ушинский считал себя учеником Редкина⁷.

Гораздо менее известно, что после окончания университета Ушинский как «отличнейший кандидат» советом Московского университета был направлен в распоряжение попечителя Московского учебного округа⁸ для подготовки к профессорской деятельности, которая продолжалась почти два года. Это время он посвятил изучению научных трудов по истории, философии, географии, юриспруденции не только на русском, но и на немецком и французском языках. Поэтому много времени, как он сам упоминает в дневнике, ему приходилось проводить в библиотеке университета⁹.

Необходимо хотя бы кратко пояснить, почему из всех студентов курса именно Ушинский был избран для подготовки к преподавательской деятельности в качестве профессора. «Ушинский уже в то время поражал всех нас, — вспоминал его однокурсник (впоследствии писатель и педагог) Ю. С. Рехневский (1824–1887), — своими необыкновенными способностями. Имея не более 16 лет от роду, получив довольно посредственное первоначальное образование, какое только и можно было получить в наших провинциальных гимназиях 30-х гг., плохо зная в то время иностранные языки, он однако с необыкновенной легкостью и быстротою усваивал себе самые трудные философские и юридические теории, относясь к ним всегда критически»¹⁰. Бывало, что однокурсники, не понявшие содержание и смысл

⁴ Рехневский Ю. С. Константин Дмитриевич Ушинский (некролог) // Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в 11 т. М. : Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1952. Т. 11 : Материалы биографические и библиографические. С. 407.

⁵ Ушинский К. Д. Дневник 1844–1845 гг. // Собрание сочинений : в 11 т. Т. 11. С. 39.

⁶ См.: Заварзина Л. Э. Педагог-общественник Петр Григорьевич Редкин // Историко-педагогический журнал. 2013. № 4. С. 38.

⁷ Подробнее см.: Помелов В. Б. П. Г. Редкин — основоположник русской теоретической педагогики // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 3 (137). С. 170–178.

⁸ Попечителем Московского учебного округа в 1835–1847 гг. был граф С. Г. Строганов (1794–1882) — русский государственный деятель, генерал от кавалерии, ученый-археолог, меценат, коллекционер. Именно Строганов способствовал привлечению в университет таких талантливых, блестяще подготовленных профессоров, как Редкин и Грановский (см.: Заварзина Л. Э. Указ. соч. С. 33).

⁹ См.: Ягнятинская М. М. К. Д. Ушинский и словесность // Филология. 2008. № 2 (55). С. 142.

¹⁰ Рехневский Ю. С. Указ. соч. С. 407.

изложенных на лекции теорий, просили Ушинского разъяснить непонятные места, в чем он никогда им не отказывал. Ушинский обладал феноменальной памятью, например, еще до чтения университетского курса географии он уже знал высоты всех европейских горных вершин. Благодаря необыкновенной памяти, Ушинский практически не занимался подготовкой к экзаменам. Любой прослушанный годичный курс запоминался им так, что он сдавал по нему экзамен без какой-либо подготовки. По признанию его сокурсников, никто из них не обладал такими же способностями к учебе. Все свободное время он тратил на изучение разнообразной серьезной литературы¹¹.

В 1846 г. Ушинский был назначен исправляющим должность (в современной трактовке: исполняющим обязанности) профессора кафедры законовведения Демидовского юридического лицея в Ярославле¹². Нужно заметить, что годом ранее императором был утвержден новый устав данного учебного заведения. Главной целью деятельности лицея устав определял распространение глубоких сведений в части камеральных наук в тесной связи с отечественным законовведением. «Планом обучения было предусмотрено, что *общеобразовательные науки* — богословие, церковная история, русская словесность, чистая математика, бухгалтерия — преподаются на первом курсе. *Вспомогательные науки* — физика, химия, зоология, ботаника, минералогия, энциклопедия законовведения — изучаются на первом и втором курсах. *Камеральные и юридические науки* — сельское хозяйство, технология, лесоводство,

землемерие, политическая экономия, статистика, наука о торговле, законы государственного устройства и благочиния, судопроизводство, гражданское и уголовное законодательство — преподаются на втором и третьем курсах. Языки (немецкий и французский) изучались на всех трех курсах»¹³.

Ушинскому довелось преподавать следующие учебные дисциплины: государственные законы и учреждения, законы казенного управления и финансы. Из всех его лекций к настоящему времени обнаружены только четыре, они хранились в семье Ушинского. Впоследствии рукописные записи этих лекций были предоставлены известному военному педагогу генералу А. Н. Острогорскому (1840–1917), который почти через 40 лет после смерти Ушинского опубликовал их среди прочих неопубликованных материалов и документов великого педагога в отдельном сборнике¹⁴. В советское время эти лекции переиздавались всего один раз¹⁵. Интерес к юридическому творчеству Ушинского значительно возрос уже в постсоветский период, в первые десятилетия текущего века вышло несколько изданий этих лекций¹⁶, в том числе и электронных¹⁷.

Рассмотрим кратко содержание этих рукописных записей.

Первую лекцию «сам Ушинский охарактеризовал как “Введение в общий курс лекций”. Ее задача — чисто методологическая: указать то место, которое занимают камеральные науки в общей системе знаний и, в частности, какое место в камеральных науках занимают предметы, вошедшие в курс, читаемый Ушинским»¹⁸.

¹¹ См.: Рехневский Ю. С. Указ. соч. С. 407–408.

¹² Следует отметить, что ярославский период жизни и творчества Ушинского только в последние десятилетия привлек внимание правоведов, в это время появилось более десятка статей (некоторые из них использованы в настоящей работе). Из монографических работ на эту тему нам известна только одна: Джорбенадзе С. М. К. Д. Ушинский — выдающийся русский юрист. Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1979. 96 с.

¹³ Иерусалимская С. Ю. Ярославский Демидовский камеральный лицей в середине XIX в. // Современные исследования социальных проблем = Modern Research of Social Problems. 2015. № 2 (46). С. 450.

¹⁴ Собрание неизданных сочинений К. Д. Ушинского / под ред. А. Н. Острогорского. СПб., 1908.

¹⁵ См.: Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее (1846–1848 гг.) // Собрание сочинений : в 11 т. М. : Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1948. Т. 1 : Ранние работы и статьи. 1848–1856 гг. С. 51–120.

¹⁶ См., например: Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее // Вестник практической психологии образования. 2010. № 1 (22). С. 27–32 ; Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее. Избранные педагогические сочинения. М. : Юрайт, 2017. 363 с.

¹⁷ См., например: Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее // Литература и жизнь. URL: http://dugward.ru/library/pedagog/ushinskiy_lectii.html (дата обращения: 10.12.2022).

¹⁸ Примечания // Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в 11 т. Т. 1. С. 705.

Нельзя не обратить внимания на то, что преподавательская работа Ушинского началась с разработки курса таких научных дисциплин, которые вскоре будут признаны устаревшими, а один из самых весомых вкладов в признание их архаичности внесет сам молодой разработчик этого курса камеральных наук. Введенные по немецкому лекалу в российские университеты и лицеи камеральные науки, которые в недалеком прошлом соответствовали политическому и экономическому укладу прежде всего германских феодальных монархий, не только не соответствовали нарождающимся в России капиталистическим отношениям, но и прямо им противоречили. Ушинский, критикуя в этой лекции изжившую себя немецкую камеральную науку, показывает, что для зарождающегося в России буржуазного строя необходима разработка новой системы социально-экономических наук.

Интересны в этой лекции размышления автора о личности и гражданских отношениях, в которых она участвует. «В гражданских отношениях государство, казна, церковь, частный человек и даже самая ничтожная вещь, которая облечена каким-нибудь гражданским правом, являются равными. ...Личность может только быть или не быть, но она не может быть более или менее и равна всякой другой личности. Этот-то смысл выражают слова нашего свода: все равны перед законом. Эту обособляющую, жизненную силу своею, т.е., следовательно, самым существом своим, гражданская сфера резко отличается от сферы публичной, общественной, государственной»¹⁹.

Далее Ушинский в присущей ему блестящей стилистике афористически утверждает: «Без общества нет развития. Без развития нет общества. Развитие есть принцип общества. Общество есть необходимая и единственная форма, в которой совершает история развитие человечества»²⁰. А также поясняет, что слово «общество» он употребляет в значении общества исторического (род, племя, народ, государство), которое резко отличается от общества, например торгового или страхового²¹.

Вторая и третья лекции, по мнению комментаторов второго их издания, «представляют собой попытку анализа тех элементов, из которых строится “внутренний организм русского государства”. <...> Основная мысль, которую проводит в своих лекциях Ушинский, сводится к тому, что объяснение всех явлений в жизни народа, всей его истории и его внутреннего устройства надо искать в характере той местности, в которой развивается его деятельность»²².

Однако Ушинский учитывает, что любая страна усилиями своего народа способна к преобразованиям, и поэтому не сводит свое объяснение характера народа только к характеру страны. Именно поэтому вторую лекцию Ушинский начинает словами: «История русского государственного права есть история построения внутреннего организма этого государства. И как всякий организм в природе, так и организм государственный в своем развитии, много зависит от этой среды, в которую он поставлен»²³. Далее он делает специальную оговорку о том, что пусть не покажется необычным и странным, «если историю государственного права России я начну обзором физического состояния страны...»²⁴. И действительно, практически всю вторую (как, впрочем, и третью) лекцию он посвящает географическому (которое он называет физическим) описанию России.

Особый интерес вызывает завершение второй лекции довольно неожиданным (и в высшей степени патриотичным) теоретическим выводом о том, что история России является «древнейшею из всех других, хотя она началась уже тогда, когда отжили Греция и Рим, когда далеко зашли на поприще жизни исторической государства германские и германо-римские. Да, ни одна история не подходит так близко к началу жизни человека, как наша. Мы можем подсмотреть, как природа передавала свои бессознательные силы в сознательные руки человека, и России, может быть, назначено объяснить глубокое, многозначительное и доселе таинственное соединение бессознательного творчества природы с сознательным творчеством человечества»²⁵.

¹⁹ Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее (1846–1848 гг.). С. 62.

²⁰ Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее (1846–1848 гг.). С. 64.

²¹ См.: Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее (1846–1848 гг.). С. 64.

²² Примечания // Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в 11 т. Т. 1. С. 706.

²³ Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее (1846–1848 гг.). С. 77.

²⁴ Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее (1846–1848 гг.). С. 79.

²⁵ Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее (1846–1848 гг.). С. 89.

Четвертая лекция. Исследователи творчества Ушинского анализируя содержание этой лекции, считают, что ей предшествовала не сохранившаяся лекция о племенах русской равнины. Ушинский рассматривает, с одной стороны, элементы русской истории в виде географической среды, а с другой — племена, ее населяющие, глубинная связь которых, по его мнению, может быть понятна только в историческом процессе. Вновь, как и во второй и третьей лекциях, высказывается мнение о сходстве характера народа и характера земли. Ушинский полагает, что «вопрос этот столь же привлекательный, как вопрос о единении духовной и материальной стороны человека... но для решения его нужен был более глубокий философский взгляд и огромное число сведений»²⁶. Заметим, что немалое число таких сведений, прежде всего исторических, географических, этнографических, хозяйственно-экономических и даже статистических, приводит в этой лекции сам их автор.

В этой связи большой интерес представляют и глубокие размышления молодого профессора об историческом пути славянства. «Славянин, в своей первобытной форме, каким мы его знаем от времен Геродота до наших, по показаниям главнейших писателей, был коренным жильцом малороссийской равнины. Проникал он и за Карпаты, и за Дунай, и к Адриатическому морю, и к берегам Балтики, и к Ильменю, и далеко на восток; но там — везде — или жизнь его была шаткая, нарушалась историей, или его заводила туда какая-нибудь особенная цель, какое-нибудь особенное, случайное движение народов; или, наконец, он терял там свой первобытный характер, развиваясь под другими условиями, или изменяясь под влиянием чужеземным. Здесь же, на этой равнине, от времен незапамятных до последнего века, он жил, не меняя дедовского обычая; часто платил он дань другим народам, но никогда не покидал этой

страны. Чуждые элементы иногда всходили на эти равнины, но всегда оставались чуждыми и временными»²⁷. Привлекает внимание великолепная (особенно для молодого человека, каковым тогда был Ушинский) стилистика, повторим эти запоминающиеся и значимые для каждого россиянина слова: *никогда не покидал этой страны; чуждые элементы иногда всходили на эти равнины, но всегда оставались чуждыми и временными.*

Из ранних работ Ушинского, пожалуй, самый большой интерес представляет его актовая речь «О камеральном образовании», ее он произнес 18 сентября 1848 г. на торжественном собрании Демидовского юридического лицея. Эта речь интересна также и потому, что является первой изданной работой Ушинского, поскольку в том же году она была опубликована в Москве в университетской типографии²⁸. Сегодня редкие экземпляры этого издания имеются далеко не в каждом книжном хранилище даже крупных университетских библиотек или больших публичных библиотек²⁹. Только в 1948 г., когда по постановлению Совета Народных Комиссаров СССР от 22.08.1945 началось издание Собрания сочинений К. Д. Ушинского в 11 томах, эта речь вновь была опубликована в первом томе данного собрания. Заметим, что поскольку эта работа не переиздавалась ровно 100 лет, она была мало известна и педагогам, и юристам.

Несомненной заслугой молодого профессора является то, что, как отмечается в современной литературе, именно Ушинский первым из своих современников в этой речи дал «наиболее научную характеристику камерального права»³⁰. Поясним, что камеральное право — это учебная дисциплина, введенная в русских университетах в 40-х гг. XIX в., она включала в себя довольно обширный и неопределенный круг вопросов экономики, промышленности, сельского хозяйства, торговли и т.п. Камеральным правом вообще, — говорит Ушинский, —

²⁶ Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее (1846–1848 гг.). С. 105–106.

²⁷ Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее (1846–1848 гг.). С. 107–108.

²⁸ См.: «О камеральном образовании». Речь, произнесенная в торжественном собрании Ярославского Демидовского лицея 18 сентября 1848 г. исправляющим должность профессора энциклопедии законоведения, государственного права и науки финансов К. Ушинским. М.: Университетская типография, 1848. 107 с.

²⁹ См.: Примечания // Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в 11 т. Т. 1. С. 707.

³⁰ Скрипилев Е. А. Ушинский К. Д. // Антология мировой правовой мысли. Т. 4. Россия : XI–XIX вв. М.: Мысль, 1999. С. 561. См., также: Стариков Ю. Н. Как развивалась наука административного права в европейских странах // Журнал российского права. 1999. № 3/4. С. 203.

мы можем назвать юридическое изложение хозяйственной деятельности³¹. Но возможно ли вообще *изложение* (тем более юридическое) обширнейшего и труднообозримого круга разнообразных вопросов, охватываемых понятием «хозяйственная деятельность», без изучения такого же обширного круга разнообразных научных дисциплин? Поэтому изучение камерального права в Демидовском лицее предполагало освоение широкого круга учебных дисциплин: энциклопедии права, государственного права, уголовного права, судопроизводства, полицейского права и ряда политико-экономических наук.

Заметим, что, поскольку камеральное право как наука сложилось в феодальной раздробленной Германии в XVII в., то совершенно естественно, что она соответствовала специфике немецких феодальных экономических отношений именно того времени. Но в те социально-экономические отношения, которые начали возникать в России во второй половине XIX в., немецкая камералистика совершенно не вписывалась. В своей актовой речи «Ушинский подверг уничтожающей критике немецкую камералистику, совершенно правильно отказываясь признать за нею какое бы то ни было научное значение вследствие ее ограниченности, узкого практицизма, мелочности, случайности и рецептурности тех сведений, которые она преподносила. Ушинский указывает, что немецкие камералисты «оставили науке хозяйства самое бессмысленное название», «не определив цели своей науки, не отыскали ее предмета», «не нашли ей содержания», «ложно поняли практичность направления этой науки и вместо законов наполнили эту науку правилами и благоразумными советами немецкой мудрости»³² (курсив мой. — А. М.).

Этот вердикт науке немецкой камералистики Ушинский закончил словами: «С такими недостатками она не может остаться и не имеет права называться наукою. Изучение ее

не принесет никакой пользы, и за нею всегда останется тот эпитет скучной, который ей дали немецкие студенты»³³. Заметим, чтобы учесть эту точку зрения, властям потребовалось ровно 20 лет, поскольку только в 1868 г. курс камеральных наук был упразднен и программа обучения в Демидовском юридическом лицее была приравнена к программе юридического факультета университета³⁴.

Комплексно рассматривая хозяйственное (камеральное) право как часть права гражданского, Ушинский широко использует понятие интереса, который зачастую понимается им как интерес эгоистический, экономический. Но обратим здесь внимание на важную оговорку Ушинского о том, что «под именем личных интересов не надобно разумеать интересов эгоистических *в грубом смысле этого слова*»³⁵ (курсив мой. — А. М.).

Материальные интересы людей и человеческий эгоизм Ушинский считает основой гражданского общества. Поэтому, по его мнению, каждый член гражданского общества связан с другими его членами «...потому, что думает только о себе, о достижении своего исключительного интереса»³⁶. Здесь следует обратить особое внимание на следующее обстоятельство, в ранних работах Ушинского «рассеяна» целая россыпь интересов, это интересы: *частные, индивидуальные, общественные, материальные, городские, народные, единые, исключительные, экономические, хозяйственные, экономические, эгоистические, гражданские, чуждые, живые, современные, географические, исторические, жизненные, образованные*. Напомним, что в русском быденном и литературном языке того времени слово «интерес» (вошедшее в состав русского языка из европейских языков в эпоху Петра Великого) употреблялось далеко не так часто, как сегодня. Для иллюстрации сошлемся на старшего современника Ушинского — велико-

³¹ См.: Ушинский К. Д. О камеральном образовании (Речь на торжественном собрании Ярославского Демидовского лицея 18.09.1848) // Собрание сочинений : в 11 т. Т. 1. С. 208.

³² Медынский Е. Н. Основы педагогической системы К. Д. Ушинского // Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в 11 т. Т. 1. С. 34–35.

³³ Ушинский К. Д. О камеральном образовании. С. 150.

³⁴ См.: Сергеевкова Е. И. Идеи правового воспитания в педагогическом наследии К. Д. Ушинского // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 1. С. 42.

³⁵ Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее (1846–1848 гг.). С. 59.

³⁶ Ушинский К. Д. О камеральном образовании. С. 171.

го Пушкина, в богатейшем творчестве которого это слово использовано всего четыре раза.

По мнению Ушинского, если деятельность любого частного лица будет выгодна обществу, то она будет выгодна и этому частному лицу. «Всякая другая деятельность, интересы которой не совпадают с интересами страны и народа, не должна удасться, а если и удасться на время, то это та же удача, которая сопровождает человека, совершающего преступление, нарушающего законы. ...Только в государственном союзе эгоистический интерес народа находит себе покровительство...»³⁷. «Своими интересами все личности различаются, разделяются и в то же время ими же соединяются»³⁸, именно это положение, по его мнению, является основным законом хозяйства и политической экономии. Этот основной закон действует и в праве. Юридические законы имеют цель «разделить экономические интересы членов государства так, чтобы они, достигая каждый своего особого интереса, достигали вместе с тем экономического интереса и всего народа, а с другой стороны — соединить эти экономические интересы так, чтобы каждый член народа, достигая этого общего хозяйственного интереса, самым полным образом достигал своего собственного»³⁹ (курсив мой. — А. М.). Этот имеющий самостоятельное научное значение теоретический вывод двадцатичетырехлетнего профессора о возможности регулирования интересов правом вполне созвучен, а по времени даже опережает высказанную значительно позже известным немецким юристом М. Буркгардом точку зрения о том, что «вот такие-то, в качестве реальных мыслимые нами интересы, которые выросли из отдельных интересов индивидов и для осуществления которых индивиды подают себе взаимно руки, — эти абстрактные интересы, приобретающие себе таким образом аппарат, функционирующий к их услугам, — они-то и представляют для юридического порядка субстрат, пригодный к тому, чтобы поставить его в позицию, подобную той, которая признана за человеком — индивидом»⁴⁰. Более того, Ушинский подчеркивает, что именно «гражданское право направлено на то, чтобы вполне определить, укрепить и постоянно

сохранить исключительную личность человеческую»⁴¹ (курсив мой. — А. М.).

Особенно внимательного обсуждения заслуживает прозорливый взгляд Ушинского на то, что в немецкой камералистике того времени место законов заняли удобные правила. Прошло почти два века с того торжественного собрания Демидовского лица, в актовой речи на котором Ушинский провидчески отметил, что «...удобные правила и благоразумные советы занимают в немецкой камералистике место законов»⁴² (курсив мой. — А. М.). Уже в наши дни этот взгляд обрел особую актуальность, поскольку показывает, что стремление стран Запада начать жить не по нормам международного права, а по правилам, установленным ими же, возникло отнюдь не сегодня. Современная политическая и дипломатическая, экономическая и юридическая реальность сопровождается многочисленными фактами незаконных санкций, «замораживаний» активов, конфискаций имущества и иных незаконных действий со стороны целого ряда больших и малых западных государств во главе с США не только в отношении Российской Федерации и других независимых государств, но также и граждан этих государств. Блестящий анализ немецкого камерального права, проведенный Ушинским почти 200 лет назад, наглядно показал, что использование западными странами «удобных для них правил» вместо законов — это отнюдь не «изобретение» сегодняшнего дня, а постоянно развивающийся процесс, фундамент которого заложен европейской политической и юридической мыслью несколько веков назад.

Сегодня, игнорируя принципы международного права, закрепленные в Уставе ООН, современные союзы и различного рода объединения западных государств в своих документах, а лидеры этих государств в своих выступлениях *всячески* продвигают эту якобы уже состоявшуюся концепцию *мирового порядка, основанного на западных правилах*. Но поскольку Запад также *всячески* избегает, а в большинстве случаев откровенно игнорирует вопросы о том, что это за правила, кто их установил, чем вызвана их необходимость, то страны не западной ориента-

³⁷ Ушинский К. Д. О камеральном образовании. С. 171.

³⁸ Ушинский К. Д. О камеральном образовании. С. 209.

³⁹ Ушинский К. Д. О камеральном образовании. С. 209.

⁴⁰ Цит. по: Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. М.: Статут, 2000. С. 116.

⁴¹ Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее (1846–1848 гг.). С. 61.

⁴² Ушинский К. Д. О камеральном образовании. С. 154.

ции все отчетливее приходят к пониманию того, что противостоять натиску «западных правил» можно только консолидированным единством и сплоченностью.

Чего хочет Запад? Сошлемся на краткий, но емкий ответ на этот вопрос министра иностранных дел России С. В. Лаврова. Запад хочет, «чтобы всем было ясно — он как никогда един и будет делать на международной арене только то, что считает правильным, а других — прежде всего Россию и Китай — заставляя следовать заданному им курсу»⁴³. Запад присвоил себе право не только объявлять о нарушении западных *правильных* правил кем-либо, но и право наказывать любое государство, любую организацию и любого гражданина за совершение якобы такого нарушения. Хотя «в правилах как таковых, — замечает С. В. Лавров, — ничего зазорного нет. Напротив: Устав ООН — это именно свод правил, но правил, одобренных всеми странами мира...»⁴⁴.

Между тем западные *правильные правила* не ограничились только игнорированием норм международного права, в последние десятилетия все последовательнее предпринимаются активные попытки переписать историю человечества, дискредитировать традиционные нравственные ценности. «В школах ряда западных стран детей в рамках учебных программ убеждают, что Иисус Христос был бисексуалом. Попытки вменяемых политиков оградить детей от агрессивной пропаганды ЛГБТ наталкиваются

на воинственные протесты в “просвещенной Европе”. Идет атака на основы всех мировых религий, на генетический код ключевых цивилизаций планеты. США возглавили откровенное государственное вмешательство в дела церкви, в открытую добиваясь раскола мирового православия, в ценностях которого усматривается мощное духовное препятствие на пути либеральной концепции безграничной вседозволенности»⁴⁵.

В заключение отметим, что поскольку сегодня «удобные правила» заняли место законов во многих странах Запада, не только стремящихся вынудить, но и уже вынудившие другие государства жить именно по правилам, а не по законам, постольку это не может не заставить Российскую Федерацию осознать, что для нее наступил поворотный этап ее развития, который настоятельно требует не только защиты традиционных ценностей ее народов, но и преодоления тех обстоятельств, которые мешают ее поступательному движению вперед. В современном российском обществе всё больше осознается истина, что основой дальнейшего развития страны должна стать развитая личность и ее нравственная позиция⁴⁶. Смыслом же дальнейшего социального развития должно стать утверждение отношения к человеку как к высшей ценности, создание условий для свободного и всестороннего развития личности, напомним, что именно такие цели отстаивал К. Д. Ушинский в своих научных трудах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Данилина Е. А. К. Д. Ушинский — преподаватель права // Проблемы современного образования. — 2014. — № 2. — С. 25–27.
2. Джорбенадзе С. М. К. Д. Ушинский — выдающийся русский юрист. — Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1979. — 96 с.
3. Дергаева С. С. Гуманистические термины второй половины XIX века и их отражение в трудах отечественных педагогов // Балтийский гуманитарный журнал. — 2016. — Т. 5. — № 1 (14). — С. 67–70.
4. Заварзина Л. Э. Педагог-общественник Петр Григорьевич Редкин // Историко-педагогический журнал. — 2013. — № 4. — С. 30–42.
5. Иерусалимская С. Ю. Ярославский Демидовский камеральный лицей в середине XIX в. // Современные исследования социальных проблем = Modern Research of Social Problems. — 2015. — № 2 (46). — С. 447–460.

⁴³ Лавров С. О праве, правах и правилах // Россия в глобальной политике. 2021. № 4 (110). <https://globalaffairs.ru/articles/o-prave-pravah-i-pravilah/> (дата обращения: 26.04.2023).

⁴⁴ Лавров С. Указ. соч.

⁴⁵ Лавров С. Указ. соч.

⁴⁶ См.: Дергаева С. С. Гуманистические термины второй половины XIX века и их отражение в трудах отечественных педагогов // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 67.

6. Лавров С. О праве, правах и правилах // Россия в глобальной политике. — 2021. — № 4 (110). — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/o-prave-pravah-i-pravilah/> (дата обращения: 26.04.2023).
7. Медынский Е. Н. Основы педагогической системы К. Д. Ушинского // Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в 11 т. Т. 1 : Ранние работы и статьи. 1848–1856 гг. — М. : Изд-во Академии педа. наук РСФСР, 1948. — С. 34–35.
8. О камеральном образовании. Речь, произнесенная в торжественном собрании Ярославского Демидовского лицея 18 сентября 1848 г. исправляющим должность профессора энциклопедии законовения, государственного права и науки финансов К. Ушинским. — М. : Университетская типография, 1848. — 107 с.
9. Помелов В. Б. П. Г. Редкин — основоположник русской теоретической педагогики // Вестник Вятского государственного университета. — 2020. — № 3 (137). — С. 170–178.
10. Рехневский Ю. С. Константин Дмитриевич Ушинский (некролог) // Собрание сочинений : в 11 т. Т. 11 : Материалы биографические и библиографические. — М. : Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1952. — С. 402–429.
11. Сергеенкова Е. И. Идеи правового воспитания в педагогическом наследии К. Д. Ушинского // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — № 1. — С. 41–45.
12. Скрипилев Е. А. Ушинский К. Д. // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. Т. 4 : Россия: XI–XIX вв. — М. : Мысль, 1999. — С. 561.
13. Собрание неизданных сочинений К. Д. Ушинского / под ред. А. Н. Острогорского. — СПб. : Книгопечатня Шмидт, 1908. — 172 с.
14. Стариков Ю. Н. Как развивалась наука административного права в европейских странах // Журнал российского права. — 1999. — № 3/4. — С. 203–215.
15. Суворов Н. С. О юридических лицах по римскому праву. — М. : Статут, 2000. — 299 с.
16. Ушинский К. Д. Дневник 1844–1845 гг. // Собрание сочинений : в 11 т. Т. 11 : Материалы биографические и библиографические. — М. : Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1952. — С. 11–41.
17. Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее (1846–1848 гг.) // Собрание сочинений : в 11 т. Т. 1 : Ранние работы и статьи. 1848–1856 гг. — М. : Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1948. — С. 51–120.
18. Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее // Вестник практической психологии образования. — 2010. — № 1 (22). — С. 27–32.
19. Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее. Избранные педагогические сочинения. — М. : Юрайт, 2017. — 363 с.
20. Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее // Литература и жизнь. — URL: http://dugward.ru/library/peдагог/ushinskiy_lekcii.html (дата обращения: 10.12.2022).
21. Ушинский К. Д. О камеральном образовании (Речь на торжественном собрании Ярославского Демидовского лицея 18.09.1848) // Собрание сочинений : в 11 т. Т. 1 : Ранние работы и статьи. 1848–1856 гг. — М. : Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1948. — С. 121–249.
22. Шаин Е. Г. Исторические факты биографии К. Д. Ушинского // Ярославский педагогический вестник. — 2014. — № 2. — Т. 2 (Психолого-педагогические науки). — С. 13–17.
23. Ягнятинская М. М. К. Д. Ушинский и словесность // Филология. — 2008. — № 2 (55). — С. 142–145.

Материал поступил в редакцию 4 мая 2023 г.

REFERENCES

1. Danilina EA. K.D. Ushinskiy — преподаvatel prava [K.D. Ushinsky — A Professor of Law]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya [Problems of modern education]*. 2014;2:25-27. (In Russ.).
2. Djorbenadze SM. K. D. Ushinskiy — vydayushchiysya russkiy yurist [K.D. Ushinsky is an outstanding Russian lawyer]. Tbilisi: Publishing House of the Tbilisi University; 1979. (In Russ.).
3. Dergaeva SS. Gumanisticheskie terminy vtoroy poloviny XIX veka i ikh otrazhenie v trudakh otechestvennykh pedagogov [Humanistic terms of the second half of the 19th century and their reflection in the works of Russian educators]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal [Baltic Humanitarian Journal]*. 2016;5(1(14)):67-70. (In Russ.).
4. Zavarzina LE. Pedagog-obshchestvennik Petr Grigorevich Redkin [Educator and social activist Pyotr Grigoryevich Redkin]. *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal [Historical and pedagogical journal]*. 2013;4:30-42. (In Russ.).
5. Erusalemskaya SYu. Yaroslavskiy Demidovskiy kameralnyy litsey v seredine XIX v. [Yaroslavl Demidovsky cameral Lyceum in the middle of the 19th century]. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem = Modern Research of Social Problems*. 2015;2(46):447-460. (In Russ.).

6. Lavrov S. O prave, pravakh i pravilakh [About the law, rights and rules]. *Rossiya v globalnoy politike [Russia in global politics]*. 2021;4(110). Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/o-prave-pravah-i-pravilah> [cited 2023 April 26]. (In Russ.).
7. Medynskiy EN. Osnovy pedagogicheskoy sistemy K. D. Ushinskogo [Fundamentals of the pedagogical system of K. D. Ushinsky]. In: Ushinskiy K. D. *Sobranie sochineniy: v 11 t. T. 1: Rannie raboty i stati. 1848–1856 gg.* [Ushinsky K. D. *Collected works in 11 vols. Vol. 1: Early works and articles. 1848–1856*]. Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR; 1948. Pp. 34–35. (In Russ.).
8. O kameralnom obrazovanii. Rech, proiznesennaya v torzhestvennom sobranii Yaroslavskogo Demidovskogo litseya 18 sentyabrya 1848 g. ispravlyayushchim dolzhnost professora entsiklopedii zakonovedeniya, gosudarstvennogo prava i nauki finansov K. Ushinskim [On cameral education. Speech delivered at the solemn meeting of the Yaroslavl Demidovsky Lyceum on September 18, 1848 by K. Ushinsky, correcting the position of professor of the Encyclopedia of Jurisprudence, State Law and the Science of Finance]. Moscow: University Printing House; 1848. (In Russ.).
9. Pomelov VB. P.G. Redkin — osnovopolozhnik russkoy teoreticheskoy pedagogiki [P.G. Redkin — the founder of Russian theoretical pedagogy]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Vyatka State University]*. 2020;3(137):170-178. (In Russ.).
10. Rehnevskiy YuS. Konstantin Dmitrievich Ushinskiy (nekrolog) [Konstantin Dmitrievich Ushinsky (obituary)]. *Sobranie sochineniy: v 11 t. T. 11: Materialy biograficheskie i bibliograficheskie* [Collected works: in 11 vols. Vol. 11: Biographical and bibliographic materials]. Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR; 1952. Pp. 402–429. (In Russ.).
11. Sergeenkova EI. Idei pravovogo vospitaniya v pedagogicheskom nasledii K. D. Ushinskogo [Ideas of legal education in the pedagogical heritage of K.D. Ushinsky]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat State University]*. 2010;1:41-45. (In Russ.).
12. Skripilev EA. Ushinskiy K. D. In: *Antologiya mirovoy pravovoy mysli: v 5 t. T. 4: Rossiya: XI–XIX vv.* [Anthology of world legal thought: in 5 vols. Vol. 4: Russia: 11th–19th centuries]. Moscow: Mysl Publ.; 1985. p. 561. (In Russ.).
13. Ostrogorsky AN, editor. *Sobranie neizdannykh sochineniy K. D. Ushinskogo* [Collection of unpublished works by K. D. Ushinsky]. St. Petersburg: Knigopechatnya Shmidt; 1908. (In Russ.).
14. Starilov YuN. Kak razvivalas nauka administrativnogo prava v evropeyskikh stranakh [How the science of administrative law developed in European countries]. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 1999;3/4:203-215. (In Russ.).
15. Suvorov NS. O yuridicheskikh litsakh po rimskomu pravu [About legal entities under Roman law]. Moscow: Statut Publ.; 2000. (In Russ.).
16. Ushinsky KD. *Dnevnik 1844–1845 gg.* [1844–1845 Diary]. *Sobranie sochineniy: v 11 t. T. 11: Materialy biograficheskie i bibliograficheskie* [Collected works: in 11 vols. Vol. 11: Biographical and bibliographic materials]. Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR; 1952. Pp. 11–41. (In Russ.).
17. Ushinsky KD. *Lektsii v Yaroslavskom litsee (1846–1848 gg.)* [Lectures at the Yaroslavl Lyceum (1846–1848)]. *Sobranie sochineniy: v 11 t. T.1: Rannie raboty i stati. 1848–1856 gg.* [Collected works: in 11 vols. Vol. 1: Early works and articles. 1848–1856]. Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR; 1948. Pp. 51–120. (In Russ.).
18. Ushinsky KD. *Lektsii v Yaroslavskom litsee* [Lectures at the Yaroslavl Lyceum]. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya [Bulletin of Practical Psychology of Education]*. 2010;1(22):27-32. (In Russ.).
19. Ushinsky KD. *Lektsii v Yaroslavskom litsee. Izbrannye pedagogicheskie sochineniya* [Lectures at the Yaroslavl Lyceum. Selected pedagogical essays]. Moscow: Yurayt Publ.; 2017. (In Russ.).
20. Ushinsky KD. *Lektsii v Yaroslavskom litsee* [Lectures at the Yaroslavl Lyceum]. *Literatura i zhizn [Literature and life]*. Available from: http://dugward.ru/library/pedagog/ushinskiy_lekcii.html [cited 2022 December 10]. (In Russ.).
21. Ushinsky KD. O kameralnom obrazovanii (Rech na torzhestvennom sobranii Yaroslavskogo Demidovskogo litseya 18.09.1848) [On cameral education (Speech at the solemn meeting of the Yaroslavl Demidovsky Lyceum on 18.09.1848)]. *Sobranie sochineniy: v 11 t. T. 1: Rannie raboty i stati. 1848–1856 gg.* [Collected works: in 11 vols. Vol. 1: Early works and articles. 1848–1856]. Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR; 1948. Pp. 121–249. (In Russ.).
22. Shain EG. Istoricheskie fakty biografii K. D. Ushinskogo [Historical facts of K. D. Ushinsky's biography]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]*. 2014;2:13-27, Vol. 2 (Psychological and pedagogical sciences). (In Russ.).
23. Yagnyatinskaya MM. K.D. Ushinskiy i slovesnost [K.D. Ushinsky and literature]. *Filologiya [Philology]*. 2008;2(55):142-145. (In Russ.).

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

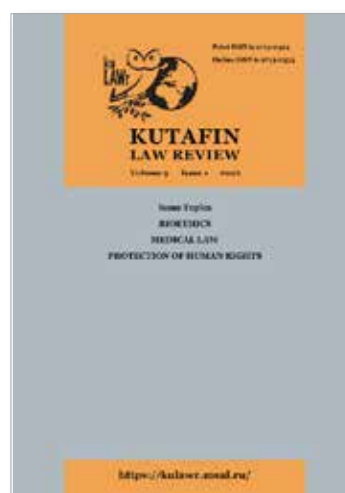
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008